Лекціи

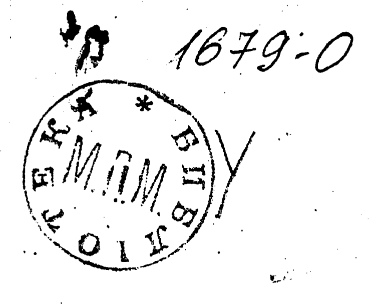
по

Сравнительному языковѣдѣнію

проф. Ф. Ѳ. Фортунатова

Сравнительное склоненіе.

курсъ 1884-85 года.

2007112537

Предметомъ моихъ чтеній въ этомъ году будетъ склоненіе въ индоевропейскомъ языкѣ; но предварительно я остановлюсь на общихъ вопросахъ, касающихся словъ и формъ языка.

Языкъ состоитъ изъ отдѣльныхъ словъ и словосочетаній. Въ отдѣльныхъ словахъ различаются по значенію слова полныя и слова частичныя, или-слова частицы.

Мы знаемъ, что отдѣльнымъ словомъ въ языкѣ является или звукъ рѣчи, имѣющій значеніе отдѣльно отъ другихъ звуковъ рѣчи, или, какъ бываетъ обыкновенно, - отдѣльное слово въ языкѣ состоитъ изъ звуковыхъ сочетаній, которыя имѣютъ значеніе отдѣльно отъ другихъ звуковъ рѣчи и которыя притомъ не могутъ быть измѣнены безъ измѣненія значенія.

Этотъ признакъ отдѣльнаго слова примѣняется не только къ словамъ полнымъ по значенію, какъ - человѣкъ, человѣка, нести, несу, бѣлый, былъ, - но также и къ словамъ частицамъ - „но", „не", „если". Различіе между тѣми и другими словами заключается въ томъ, что значеніе слова частицы не существуетъ отдѣльно отъ другихъ значеній; между тѣмъ какъ полное по значенію слово есть такое отдѣльное слово, въ которомъ и значеніе существуетъ отдѣльно отъ другихъ значеній. Я говорилъ уже въ прежнихъ курсахъ, что значеніе слова не слѣдуетъ смѣши-

вать съ тѣмъ, что обозначается этимъ словомъ. Различать значеніе слова и то, что обозначается этимъ словомъ, необходимо и въ данномъ случаѣ, но есть для пониманія того различія, которое существуетъ между словомъ полнымъ по значенію и словомъ частицей. Какъ скоро мы смѣшали бы значеніе слова съ тѣмъ, что обозначается этимъ словомъ, то такія слова какъ бѣлый, бѣлизна показались бы намъ извѣстнаго рода частицами: вѣдь то, что обозначается этими словами не существуетъ отдѣльно отъ предметовъ, имѣющихъ бѣлый цвѣтъ. Но въ дѣйствительности слова бѣлый, бѣлизна такія же полныя слова, какъ слово снѣгъ. Значеніе слова бѣлый существуетъ отдѣльно отъ другихъ значеній, какъ и значеніе слова снѣгъ. Между словами бѣлый и бѣлизна мы замѣчаемъ извѣстное различіе, касающееся самостоятельности слова въ языкѣ. Слово бѣлизна есть такое отдѣльное слово, которое не имѣетъ никакого отношенія къ сочетанію словъ, между тѣмъ какъ слово бѣлый является отдѣльнымъ словомъ въ словосочетаніи. Но это различіе не касается того признака, по которому въ словахъ языка мы различаемъ слова полныя и слова частицы.

Слова частицы, какъ я сказалъ, это такія отдѣльныя слова, значенія которыхъ не существуютъ отдѣльно отъ другихъ значеній.

Слова *частицы* являются, слѣдовательно, словами неполными, частичными, не потому, что то, что обозначается ими, не существуетъ отдѣльно отъ тѣхъ или другихъ явленій, обозначаемыхъ другими словами, но потому что слова *частицы* обозначаютъ нѣчто въ самыхъ же значеніяхъ словъ, между тѣмъ какъ слова, имѣющія значеніе отдѣльно отъ другихъ значеній, являются въ отличіе отъ частицъ-словами *полными по значенію*.

Въ словахъ *полныхъ* по значенію наиболѣе общее различіе по значенію существуетъ между словами, обозначающими самихъ лицъ рѣчи, и словами, обозначающими предметы рѣчи. Первыя обозначающія лицъ рѣчи, т. е. лицо говорящее и то, къ которому обращаются съ рѣчью, могутъ быть названы *личными словами*; а принято называть ихъ, хотя, какъ мы увидимъ, неточно, личными мѣстоименіями. По отношенію къ нимъ всѣ прочія слова, обозначающія не лицъ рѣчи, а предметы рѣчи являются, слѣдовательно, словами *не личными*. Эти не личныя слова распадаются на *слова названія* или *имена* - въ неграмматическомъ смыслѣ термина, и *слова мѣстоименія*. Различіе въ значеніи тѣхъ и другихъ состоитъ въ томъ, что первыя обозначаютъ предметъ рѣчи непосредственно, т. е. звуки *слова названія* являются знакомъ самого предмета рѣчи; между тѣмъ какъ мѣстоименія обозначаютъ непо-

ственно не самые предметы рѣчи, но указанія и вопросы, относящіеся къ предметамъ рѣчи, т. е. звуки слова мѣстоименія являются знакомъ не самого предмета рѣчи, но указанія или вопроса, относящагося къ предмету рѣчи.

Въ словахъ названія различаются по значенію - названія общія и названія индивидуальныя, т. е. собственныя имена. Различіе въ значеніи тѣхъ и другихъ состоитъ въ томъ, что первыя обозначаютъ предметы рѣчи въ ихъ сходствахъ и различіяхъ между собою, вторыя же обозначаютъ предметы рѣчи не въ ихъ сходствахъ и различіяхъ, а въ ихъ индивидуальности для говорящаго.

Въ названіяхъ общихъ отличаются по значенію отъ прочихъ названій названія звукоподражательныя, т. е. такія, которыя обозначаютъ тѣ или другіе звуки въ сходныхъ звукахъ рѣчи, и въ которыхъ между самыми звуками слова и тѣмъ, что обозначается словомъ, - существуетъ связь по происхожденію; между тѣмъ какъ въ прочихъ словахъ названіяхъ, какъ и во всѣхъ прочихъ словахъ, не существуетъ связи между самыми звуками слова и тѣмъ, что обозначается словомъ. Къ звукоподражательнымъ словамъ принадлежатъ не только тѣ слова, которыя обозначаютъ въ сходныхъ звукахъ рѣчи тѣ или другіе звуки сами по себѣ, но сюда относятся и тѣ

слова, которыя въ сходныхъ звукахъ рѣчи обозначаютъ звуки рѣчи же, какъ выраженіе чувствованій; таковы слова - *о*, *ахъ*, какъ скоро эти восклицанія употребляются нами какъ слова. Въ этомъ случаѣ *о*, *ахъ* означаютъ тѣ звуки, которые являются выраженіями, рефлексами извѣстныхъ чувствованій. Въ качествѣ же рефлексовъ чувствованій такіе звуки и звуковыя сочетанія не составляютъ, понятно, словъ, не принадлежатъ къ рѣчи, какъ выраженію мысли. Точно также и тѣ звуки рѣчи, которые мы находимъ въ звукоподражательныхъ названіяхъ, обозначающихъ тѣ или другіе звуки сами по себѣ, каковы напр. звукоподражательныя названія крика пѣтуха, кваканья лягушки, - возникаютъ сперва не въ качествѣ словъ, но въ качествѣ рефлексовъ извѣстныхъ чувствованій, именно слуховыхъ ощущеній, - [это рефлексы не первичные, но вторичные, т. е. пріобрѣтаемые путемъ психической ассоціаціи, а не данные въ условіяхъ нашего организма]. Для звукоподражанія въ лингвистикѣ существуетъ терминъ „*междометіе*". Этотъ терминъ мы могли бы удержать, если бы *междометіемъ* называлось извѣстное звукоподражаніе лишь въ качествѣ слова; но подъ этимъ терминомъ подразумѣваются собственно звуки рѣчи, какъ выраженія чувствованій, и отсюда уже тотъже

терминъ перенесенъ и на звукоподражательныя названія такихъ звуковъ рѣчи. Такъ какъ звуки рѣчи, какъ выраженія чувствованій и звуки рѣчи, какъ звуки словъ - представляютъ различные факты, то неточно давать одно названіе „междометіе" обоимъ этимъ фактамъ и я удерживаю этотъ терминъ въ основномъ значеніи - въ примѣненіи къ звукамъ рѣчи, какъ выраженіямъ чувствованій.

Я сказалъ, что звуки и звуковыя сочетанія, которыя мы находимъ въ звукоподражательныхъ названіяхъ, возникаютъ сперва не въ качествѣ словъ, а въ качествѣ рефлексовъ чувствованій, т. е. въ качествѣ междометій. Но въ междометія могутъ переходить и слова, как скоро они вызываются у насъ въ качествѣ рефлексовъ того или другаго чувства, - такъ напр. въ гнѣвѣ извѣстныя бранныя слова мы употребляемъ какъ междометія; а эти междометія въ свою очередь могутъ быть обозначаемы соотвѣтственными звукоподражательными названіями.

Я говорилъ до сихъ поръ о различіяхъ въ значеніяхъ словъ-названія. Что касается значенія мѣстоименій, то здѣсь различаются мѣстоименія указательныя и вопросительныя, сообразно съ тѣмъ - обозначаетъ ли мѣстоименіе указаніе на предметы рѣчи, или вопросы о нихъ. Такъ называемыя „<u>личныя мѣстоименія</u>" не принадлежатъ соб-

ственно къ тѣмъ словамъ, которыя называются „мѣстоименіями". „Мѣстоименія" по своему значенію находятся въ соотношеніи съ словами названія, такъ какъ мѣстоименія обозначаютъ указанія и вопросы, относящіеся къ предметамъ рѣчи, обозначаемымъ непосредственно въ словахъ-названіяхъ. Личныя же слова находятся въ соотношеніи по значенію не только съ словами названіями, но и съ мѣстоименіями, что есть личныя слова въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ словъ, какъ названій, такъ и мѣстоименій, обозначаютъ лица рѣчи, а не предметы рѣчи. Нельзя было бы сказать, что „личныя слова" такія же указанія, какъ и всякое указательное мѣстоименіе; точно также нельзя было бы сказать, что „личныя слова" составляютъ такія же „названія", какъ и всѣ прочія слова названія. „Личныя слова" сопоставляемыя по значенію съ другими словами, являются и названіями, и указаніями, т. е. собственно ни тѣмъ, ни другимъ: если это названія, то такія, которыя не могутъ быть замѣняемы никакими указаніями; если это указанія, то такія, которымъ не соотвѣтствуютъ въ языкѣ какія либо названія.

Что касается словъ частичныхъ по значенію, или словъ-частицъ по значенію, т. е. такихъ словъ, значенія которыхъ не существу-

ствуютъ отдѣльно отъ другихъ значеній, что сюда принадлежатъ слова, обозначающія нѣчто въ сочетаніи значеній. Таковы, во-первыхъ, частицы, обозначающія различныя сочетанія, образуемыя между самими значеніями, каковы напр. частицы, называемыя союзами. Во-вторыхъ, частицы могутъ обозначать различныя отношенія значеній, полученныхъ въ опытѣ въ различныхъ сочетаніяхъ, каковы напр. частицы, называемыя предлогами. Кромѣ этихъ частицъ-названій обозначающихъ непосредственно нѣчто въ сочетаніяхъ значеній, могутъ быть частицы, обозначающія вопросы или различныя указанія въ примѣненіи къ значеніямъ въ ихъ сочетаніяхъ между собою, напр. русское ли, что въ извѣстномъ употребленіи (напр. я-то). Затѣмъ существуютъ частицы, обозначающія отрицаніе по отношенію къ значеніямъ въ ихъ сочетаніяхъ между собой, напр. русское не. Наконецъ могутъ быть частицы, обозначающія сочетанія значеній, какъ принадлежащія рѣчи другого лица, напр. русское молъ.

Перехожу теперь къ опредѣленію состава отдѣльнаго слова, т.е. къ опредѣленію тѣхъ частей, какія могутъ заключаться въ отдѣльномъ словѣ языка. Составъ слова можетъ быть двоякаго рода, а именно части слова могутъ быть или членами значенія

слова или частями самого слова. Въ языкахъ индоевропейскихъ, какъ и въ большинствѣ другихъ языковъ, слова имѣютъ составъ втораго рода, и лишь сравнительно въ нѣкоихъ языкахъ, какъ напр. въ китайскомъ, гдѣ не существуетъ такого состава словъ, мы находимъ составъ словъ перваго рода, т. е. такой составъ словъ, при которомъ частями словъ являются части значенія словъ. Русскій языкъ, какъ я сказалъ, не имѣетъ такого рода состава словъ, но и въ русскомъ языкѣ мы можемъ найти явленія, родственныя съ такимъ составомъ словъ и эти явленія русскаго языка помогутъ намъ понять какого рода составъ словъ существуетъ напр. въ китайскомъ языкѣ. Возьмемъ напр. такое русское словосочетаніе, какъ „Москва-рѣка", „Москвы-рѣки" и т. д. Въ этомъ словосочетаніи слова „Москва" и „рѣка" остаются каждое отдѣльнымъ словомъ, какъ это видно изъ того, что склоняется каждое изъ этихъ словъ, но *значеніе, выражаемое* этимъ *словосочетаніемъ, не распадается* вполнѣ на значеніе одного слова + значеніе другого слова и потому-то эти слова образуютъ вмѣстѣ *извѣстное цѣлое*, называемое мною *словосочетаніемъ* и притомъ именно здѣсь получается такое словосочетаніе, которое въ отличіе отъ другихъ словосочетаній, я называю реченіемъ, понимая подъ этимъ тер-

миномъ такое словосочетаніе, въ которомъ связаны между собою значенія словъ, остающіхся отдѣльными словами по грамматической сторонѣ. Въ словосочетаніи „Москва-рѣка" значеніе, выражаемое двумя этими словами, взятыми вмѣстѣ, не распадается вполнѣ на значеніе одного слова + значеніе другаго слова, такъ какъ слово рѣка обозначаетъ здѣсь не самое явленіе, называемое рѣкою, но слово „рѣка" въ словосочетаніи „Москва-рѣка" обозначаетъ, что слово „Москва" берется, какъ названіе извѣстной рѣки, а не какъ названіе извѣстнаго города; и такъ, слѣдовательно, въ словосочетаніи „Москва-рѣка" слово „рѣка" обозначаетъ нѣчто въ значеніи слова „Москва", а именно выдѣляетъ въ этомъ значеніи извѣстную часть его. Поэтому слово „рѣка" въ этомъ словосочетаніи является по значенію только частью этого словосочетанія и притомъ именно такою частью, которая обозначаетъ нѣчто въ значеніи другаго слова, входящаго въ составъ словосочетанія; понятно, что и это другое слово - въ нашемъ примѣрѣ слово „Москва" въ словосочетаніи „Москва-рѣка" является поэтому также частью словосочетанія, именно той частью, значеніе которой опредѣляется изъ слова, соединяемаго со словомъ „Москва" въ словосочетаніи „Москва-рѣка". Сказанное мною о словосочетаніи „Москва-

рѣка" примѣняется и къ другимъ подобнымъ словосочетаніямъ, напр. „пила-рыба". Но словосочетанія, названныя много реченіями, могутъ быть не только такого рода, каковы разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ, но и другаго рода, а именно такія, въ которыхъ значеніе, выражаемое двумя, или нѣсколькими словами, взятыми вмѣстѣ, не разлагаясь вполнѣ на значеніе одного слова + значеніе другаго слова, какъ и въ реченіяхъ перваго рода, вмѣстѣ съ тѣмъ не разлагается и на то отношеніе значеній, какое существуетъ въ реченіяхъ перваго рода. Въ реченіяхъ втораго рода значеніе, выражаемое словосочетаніемъ, отличается отъ значеній отдѣльныхъ словъ, входящихъ въ составъ такого словосочетанія тѣмъ, что эти значенія связаны здѣсь между собою какъ части значенія цѣлаго словосочетанія. Въ русскомъ языкѣ къ такимъ реченіямъ втораго рода принадлежатъ напр. такія словосочетанія, какъ „желѣзная дорога", „великій постъ". Въ каждомъ изъ этихъ и подобныхъ словосочетаній мы находимъ не одно слово, но два или нѣсколько, изъ которыхъ каждое является отдѣльнымъ словомъ и въ этомъ качествѣ напр. склоняется или спрягается, но значеніе каждаго изъ такихъ словъ представляетъ только часть значенія всего словосочетанія.

Между реченіями, которыя я называю реченіями перваго рода и реченіями втораго рода существуетъ, слѣдовательно, то различие, что въ первомъ случаѣ значеніе одного слова въ словосочетаніи составляетъ часть въ значеніи другаго слова, между тѣмъ как во второмъ случаѣ значенія отдѣльныхъ словъ въ словосочетаніи составляютъ части значенія цѣлаго словосочетанія. Полезно было бы различать тѣ и другія реченія особыми названіями или особыми эпитетами при названіи „реченіе"; но уже самый терминъ „реченіе" въ томъ смыслѣ, который я ему даю, мнѣ приходится употреблять какъ терминъ новый, и я затруднился бы приискать подходящее названіе для каждаго изъ двухъ указанныхъ родовъ реченій. Поэтому, пока нѣтъ другихъ названій, мы должны ихъ различать хотя такъ, что одни изъ нихъ я буду называть реченіями перваго рода, а другія реченіями втораго рода.
Мы видѣли, что въ словосочетаніяхъ, называемыхъ много реченіями, не смотря на то, что значеніе каждаго является лишь частью значенія другаго ли слова въ словосочетаніи, или всего словосочетанія, тѣмъ не менѣе эти части реченія остаются отдѣльными словами, такъ какъ въ нихъ обозначается то, что это такія же отдѣльныя слова, какъ и тамъ, гдѣ они не входятъ въ

составъ реченія. Напр. части изъ которыхъ состоитъ реченіе „Москва-рѣка" остаются всетаки отдѣльными словами, такъ какъ каждое изъ нихъ склоняется, какъ и прежде, гдѣ оно не образуетъ реченія. Изъ подобныхъ словосочетаній, какъ изъ реченій перваго рода, такъ и изъ реченій второго рода, могутъ получаться у насъ и отдѣльныя слитно-сложныя слова, въ которыхъ продолжаетъ сохраняться значеніе каждой части реченія. Такъ напр. реченіе „Москва-рѣка" даетъ у насъ слитно-сложное слово „Москварѣка", „Москва-рѣки", „Москва-рѣку" и т. д. Въ сложныхъ словахъ какъ мы увидимъ далѣе, по крайней мѣрѣ часть сложнаго слова обозначается въ качествѣ слова какъ части сложнаго слова; такъ напр. въ сложномъ словѣ „Москва-рѣку" слово „Москва" обозначается, какъ часть сложнаго слова, но такъ, какъ это значеніе слово „Москва" имѣетъ не само по себѣ, но лишь въ соединеніи именно съ словомъ „рѣка" въ косвенныхъ падежахъ, то потому слово „Москварѣка", „Москварѣку" и т. д. представляетъ собою не сложное, но слитносложное слово. Такимъ образомъ и при переходѣ реченія въ слитно-сложное слово, различныя части значенія выражаются всетаки въ различныхъ словахъ, взятыхъ въ качествѣ частей сложнаго слова. И такъ, мы видимъ, что въ языкахъ

которые, подобно нашему, обозначают въ словахъ признаки самого слова, т. е. которые, какъ мы увидимъ далѣе, имѣютъ въ словахъ части самихъ словъ, поэтому невозможенъ такой составъ словъ, при которомъ части словъ являются такими лишь въ качествѣ частей значеній словъ. Поэтому то такого рода составъ словъ мы можемъ искать лишь въ языкахъ, не имѣющихъ въ словахъ частей самихъ словъ, а къ такимъ языкамъ принадлежитъ китайскій. Слова китайскаго языка, по отношенію къ составу, распадаются на слова, не имѣющія никакого состава, или корневыя, и на слова составныя, образованныя изъ такого соединенія двухъ или нѣсколькихъ словъ, при которомъ значенія отдѣльныхъ словъ, входящихъ въ составъ такого словосочетанія, являются частями значенія другаго слова въ словосочетаніи или всего словосочетанія. А такъ какъ въ китайскомъ языкѣ не обозначается различіе между самими словами, то такія словосочетанія становятся здѣсь слѣдовательно отдѣльными словами и не могутъ быть названы словосочетаніями, какъ скоро словосочетаніемъ мы называемъ такое соединеніе словъ, при которомъ отдѣльныя слова, входящія въ составъ этого словосочетанія, остаются отдѣльными словами.

Изъ того, что сказано мною о двухъ родахъ реченій, не трудно понять, что въ словахъ составныхъ, каковы составныя слова китайскаго языка, могутъ существовать какъ слова, соотвѣтствующія реченіямъ перваго рода, такъ и слова, соотвѣтствующія реченіямъ втораго рода. И дѣйствительно, составныя слова китайскаго языка представляютъ оба эти рода сочетаній двухъ или нѣсколькихъ значеній въ одномъ составномъ словѣ, т. е. если бы мы взяли китайскія составныя слова, образованныя изъ соединенія двухъ словъ, то въ каждомъ изъ этихъ составныхъ словъ нашли бы одинъ изъ слѣдующихъ родовъ составныхъ словъ: или одно изъ словъ, входящихъ въ составъ составнаго слова, обозначаетъ нѣчто въ значеніи другаго, соединеннаго съ нимъ слова, то есть опредѣляетъ точнѣе значеніе этого втораго слова, или же оба слова выражаютъ въ составномъ словѣ такія части его значенія, которыя не существуютъ отдѣльно отъ значенія всего составнаго слова. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, какъ я сказалъ уже, слова, изъ которыхъ состоятъ составныя слова китайскаго языка, становясь по значенію частями извѣстнаго цѣлаго, по этому самому являются уже не отдѣльными словами, но частями слова, такъ какъ не имѣютъ при этомъ никакихъ признаковъ отдѣльныхъ словъ.

Я не буду останавливаться на тѣхъ подраздѣленіяхъ по значенію, какія могутъ представлять составныя слова, и думаю, что изъ сказаннаго можно понять въ общемъ такой составъ словъ, чуждый нашему языку, при которомъ части словъ являются лишь въ качествѣ частей значенія отдѣльныхъ словъ. Сдѣлаю лишь одно замѣчаніе по поводу того вліянія, какое оказываютъ составныя слова на слова корневыя; мы и здѣсь можемъ обратиться сначала къ реченіямъ нашего языка въ ихъ вліяніи на отдѣльныя слова не въ реченіи и отсюда уяснимъ себѣ соотвѣтствующее явленіе по отношенію къ вліянію составныхъ словъ на слова корневыя. Существованіе въ языкѣ извѣстныхъ реченій, называемыхъ много реченіями перваго рода, имѣетъ слѣдствіемъ то, что слова, значеніе которыхъ опредѣляется въ реченіяхъ другими словами, помимо сами по себѣ, не въ этомъ реченіи, могутъ употребляться въ такомъ значеніи, изъ котораго выдѣляется значеніе слова, существующее въ реченіи. Какъ скоро входитъ въ употребленіе словосочетаніе „Москва-рѣка", то слово „Москва" подъ вліяніемъ этого или подобнаго реченія, взятое само по себѣ, можетъ выдѣлить изъ своего прежняго значенія ту часть его, которая является въ реченіи, то есть слово Москва, взятое само

по себѣ подъ вліяніемъ такого реченія являют-
ся со значеніемъ только города, не извѣстной
рѣки. Подобное вліяніе оказываютъ и состав-
ныя слова, соотвѣтствующія реченіямъ пер-
ваго рода, на слова корневыя; т. е. корневыя
слова, взятыя сами по себѣ, подъ вліяніемъ
такихъ составныхъ словъ, получаютъ значе-
ніе, ограничиваемое тѣми значеніями того
же слова, какія въ немъ выдѣляются въ со-
ставныхъ словахъ перваго рода, при помощи
другихъ словъ; таким образом присутствіе въ языкѣ состав-
ныхъ словъ перваго рода отражается и на
корневыхъ словахъ, именно въ томъ, что по-
слѣднія, не имѣя сами состава, получаютъ
однако значенія, вызванныя существованіемъ
въ языкѣ извѣстнаго рода составныхъ словъ.
Обратимся теперь къ тому составу словъ,
при которомъ части словъ являются частя-
ми самихъ словъ. Такой составъ словъ суще-
ствуетъ какъ въ индоевропейскихъ языкахъ,
такъ и въ большинствѣ другихъ языковъ. Рас-
смотримъ теперь съ этой стороны слова рус-
скаго языка. Одни изъ нашихъ словъ не имѣ-
ютъ никакого состава и могутъ быть назы-
ваемы корневыми, каковы напр. слова: домъ,
бѣлъ и т. подобныя. Другія же изъ нашихъ
словъ, притомъ значительное большинство
словъ, оказываются состоящими изъ из-
вѣстныхъ частей и могутъ быть называе-
мы вообще словами производными, хотя

обыкновенно терминъ „производное слово" употребляется въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, по отношенію лишь къ нѣкоторымъ изъ такихъ словъ. Я распространяю здѣсь значеніе этого термина за неимѣніемъ какого либо другаго названія для обозначенія всѣхъ тѣхъ словъ, которыя имѣютъ разсматриваемый нами теперь составъ. Названіе же „составное слово" я не распространяю на эти слова, чтобы не смѣшивать ихъ съ тѣми составными словами, существующими въ китайскомъ языкѣ, о которыхъ я говорилъ прежде. Подобно тому какъ составныя слова распадаются, какъ мы видѣли, на два класса, такъ и въ производныхъ словахъ различаются по составу два класса: производныя слова, соотвѣтствующія составнымъ словамъ перваго рода, мы будемъ называть простыми производными словами, а производныя слова, соотвѣтствующія составнымъ словамъ втораго рода, называются сложными словами. Сложное слово, въ томъ значеніи термина, въ какомъ я его употребляю, есть непремѣнно слово производное по составу и потому, вмѣсто названія „сложное слово" нѣтъ надобности употреблять болѣе полное названіе: „сложное производное слово". Отсюда же является возможность примѣненія термина „производное слово" въ болѣе тѣсномъ значеніи

лишь къ производнымъ несложнымъ словамъ, то есть къ простымъ производнымъ словамъ.

Части, изъ которыхъ состоитъ простое производное слово, называются въ лингвистикѣ <u>основой</u> и <u>аффиксомъ</u>. Аффиксомъ слова называется та часть его, которой обозначается нѣчто въ другой части слова, называемой основой, какъ напр. въ русскихъ словахъ <u>читатель</u> <u>писатель</u>, аффиксъ <u>тель</u> обозначаетъ, что основа, къ которой онъ присоединяется, является въ извѣстнаго рода имени существительномъ. Аффиксъ не есть понятно, слово, но часть слова, такъ какъ онъ не имѣетъ значенія отдѣльно отъ другой части, при томъ это такая часть слова, которой обозначается нѣчто не въ значеніи, выражаемомъ другой частью слова, но въ самой этой части, какъ части слова. Напр. въ словѣ „читатель" аффиксъ <u>тель</u> не имѣетъ значенія отдѣльно отъ основы <u>чита</u> именно потому, что онъ обозначаетъ нѣчто въ этой части слова, но при этомъ онъ обозначаетъ нѣчто не въ значеніи, выражаемомъ въ <u>чита</u>-, но въ самой основѣ <u>чита</u>, какъ въ части слова, показывая именно, что эта основа, какъ однородная напр. съ основой <u>дѣла</u> въ „дѣлатель", <u>писа</u> въ „писатель", входитъ въ составъ такого же слова, именно извѣстнаго рода имени существительнаго.

Аффиксъ извѣстнаго слова есть слѣдовательно часть, общая этому слову съ другими словами, однородными съ нимъ въ основахъ. Значеніе извѣстнаго аффикса существуетъ поэтому не въ одномъ какомъ либо словѣ, но въ неопредѣленномъ количествѣ словъ, однородныхъ между собой въ основахъ и въ каждомъ изъ такихъ словъ аффиксъ обозначаетъ нѣчто не въ тѣхъ значеніяхъ, которыми различаются между собой эти основы, но въ томъ, въ чемъ эти основы однородны между собой, въ качествѣ частей словъ. И такъ мы видимъ, что что аффиксъ есть часть самого слова, предполагающая присутствіе въ словѣ другой части - основы. Основа слова, слѣдовательно, при посредствѣ аффикса становится также частью самого слова, но сама она заключаетъ-ли въ себѣ непремѣнно значеніе части самого слова? Я сказалъ, что извѣстный аффиксъ словъ предполагаетъ по своему значенію однородныя основы этихъ словъ, но однородность основъ можетъ заключаться, между прочимъ, въ однородности ихъ значеній; такія основы въ соединеніи съ аффиксами въ словахъ, являются, понятно, частью этихъ словъ по значенію, но онѣ не будутъ обозначать часть самихъ словъ и лишь при посредствѣ аффикса окажутся такой частью. Въ большинствѣ языковъ, имѣющихъ разсматриваемый теперь составъ словъ, то есть въ большин-

стей языковъ, имѣющихъ въ словахъ части: основа и аффиксъ, основа слова становится частью самого слова лишь при посредствѣ аффикса, а сама по себѣ не имѣетъ значенія такой части. Другой типъ имѣютъ производныя слова въ языкахъ индоевропейскихъ и въ языкахъ семитскихъ, хотя между тѣми и другими языками въ свою очередь существуетъ различіе въ этомъ отношеніи. Въ этихъ языкахъ основы въ словахъ сами уже являются въ качествѣ частей самихъ словъ, помимо того, что онѣ становятся таковыми при посредствѣ аффикса. Въ индоевропейскихъ языкахъ основы словъ, въ сочетаніи ихъ съ другою частью словъ, сами различаются, какъ части различныхъ словъ, а именно здѣсь основы словъ при посредствѣ измѣненій однородныхъ для различныхъ основъ въ однородныхъ сочетаніяхъ ихъ съ другою частью слова, обозначаютъ различія самихъ словъ, въ составъ которыхъ онѣ входятъ въ сочетаніи съ другою частью слова. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ такихъ производныхъ словъ изъ русскаго языка. Всѣ производныя слова, принадлежащія къ именамъ, какъ въ такъ называемыхъ формахъ словообразованія, такъ и въ формахъ словоизмѣненія, заключаютъ у насъ въ извѣстномъ измѣненіи основы въ ея сочетаніи съ другою частью слова обозначеніе различія между ни-

вою, какъ частью простаго производнаго слова и основою, какъ частью слова сложнаго; такъ напр. въ словахъ: *дома*, *домикъ*, *рука*, *ручка*, въ основахъ *дом*, *рук* въ сочетаніи съ аффиксами въ отличіе отъ основъ *домо*, *руко* въ словахъ сложныхъ заключается обозначеніе того, что основы *дом*, *рук* входятъ въ составъ простыхъ производныхъ словъ. Или напр. въ производныхъ глагольныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ мы находимъ извѣстное измѣненіе въ основахъ въ зависимости отъ извѣстнаго различія въ аффиксахъ такихъ словъ, каково напр. различіе основъ: *дѣлае* напр. въ словѣ *дѣлае-тъ*, *гори* напр. въ словѣ *гори-тъ* и основъ *дѣла* напр. въ словѣ *дѣла-ть*, *горѣ* напр. въ словѣ *горѣ-ть*. Или напр. при образованіи производныхъ основъ глагольныхъ словъ: *носи*, *нашива*, *води*, *важива*, напр. въ словахъ *носи-ть*, *нашива-ть*, *води-ть*, *важива-ть* изъ первообразныхъ *нос*, *вед*: основа, соединенная съ аффиксами глагольныхъ словъ, получаетъ извѣстныя измѣненія, обозначающія извѣстныя различія между такими словами. Иначе, въ томъ типѣ производныхъ словъ, какой существуетъ въ языкахъ индоевропейскихъ, не только аффиксы, но и основы словъ заключаютъ въ себѣ обозначеніе частей самих словъ, причемъ основы различаются здѣсь между собою въ томъ качествѣ въ сочетаніи ихъ съ другой частью слова: какъ основы ра-

личныхъ словъ. Иной типъ представляютъ производныя слова въ семитскихъ языкахъ; и здѣсь, какъ и въ индоевропейскихъ языкахъ, основы словъ сами обозначаются, какъ части словъ, но это обозначеніе онѣ получаютъ не въ сочетаніи ихъ съ другою частью слова, но независимо отъ того, а именно основы словъ названій въ семитскихъ языкахъ въ различныхъ измѣненіяхъ гласныхъ обозначаютъ здѣсь извѣстныя различія самихъ основъ, какъ частей словъ, при чемъ понятно эти измѣненія однородны для неопредѣленнаго количества основъ въ качествѣ однородныхъ основъ словъ. Такъ напр. въ арабскомъ языкѣ въ словахъ qatáltu - я убилъ, qátala - онъ убилъ, основа qatal заключаетъ въ гласныхъ обозначеніе извѣстнаго рода основы словъ, въ отличіе напр. отъ qutil, гдѣ въ гласныхъ обозначается другаго рода основа словъ, являющаяся напр. въ словѣ qútila - онъ убитъ (буква q обозначаетъ здѣсь очень заднее к). Точно также эти основы qatal и qutil такимъ же образомъ отличаются напр. отъ основы qatl, какъ основы инаго рода. Такимъ образомъ въ семитскихъ языкахъ основы словъ заключаютъ въ гласныхъ обозначеніи различія самихъ основъ, какъ основъ различнаго рода, и, слѣдовательно, основа слова здѣсь обозначается въ качествѣ части самого слова. Иначе производныя сло-

ва (точнѣе простыя производныя) въ различныхъ языкахъ представляютъ три различныхъ типа; аффиксъ производнаго слова во всѣхъ трехъ типахъ является частью самого слова, а что касается основы производнаго слова, то въ производныхъ словахъ перваго типа основа слова сама въ себѣ не заключаетъ значенія части самого слова, между тѣмъ какъ въ производныхъ словахъ втораго и третьяго типовъ основа слова, какъ и аффиксъ, сама является частью самого слова. Различіе же между производными словами втораго и третьяго типа заключается въ томъ, что въ производныхъ словахъ втораго типа основы словъ различаются между собою въ качествѣ основъ различныхъ словъ, то есть въ сочетаніи основы съ другою частью слова, между тѣмъ какъ въ производныхъ словахъ третьяго типа основы словъ различаются между собою какъ различныя основы словъ, то есть независимо отъ сочетанія ихъ съ другой частью слова, и сочетаніе аффикса съ основою здѣсь слѣдовательно такое же, какъ и въ производныхъ словахъ перваго типа.

Производныя слова перваго типа называются въ лингвистикѣ словами съ агглютинативнымъ (склеенымъ) составомъ, а языки, въ которыхъ существуетъ такой составъ словъ, называютъ поэтому языка

ми агглютинативными или агглютинирующими; производныя слова втораго типа называются словами съ флективнымъ составомъ, а потому и самые языки, въ которыхъ существуетъ такой составъ словъ, называютъ языками флективными. [Термины флективный, флексія въ этомъ значеніи не должны быть смѣшиваемы съ тѣми же терминами въ другомъ значеніи, въ примѣненіи къ тѣмъ формамъ словъ съ извѣстнымъ значеніемъ, о которыхъ я буду говорить далѣе].

Производныя слова третьяго типа обыкновенно также называются словами съ флективнымъ составомъ, какъ и самые языки, имѣющіе такой составъ словъ, называютъ также флективными языками, но такое употребленіе одного общаго названія для двухъ различныхъ типовъ производныхъ словъ не можетъ быть допускаемо, какъ скоро мы сознаемъ различіе обоихъ этихъ типовъ производныхъ словъ; а изъ того, что было сказано много объ отличіи третьяго типа отъ двухъ первыхъ, вы можете видѣть, что производныя слова третьяго типа могутъ быть называемы словами съ составомъ флективно-агглютинативнымъ, а потому и языки, въ которыхъ существуетъ такой составъ словъ (именно семитскіе языки) мы можемъ называть языками

флективно-агглютинативными.

Въ аффиксахъ производныхъ словъ различаются - суффиксы, префиксы и инфиксы. Это различіе аффиксовъ состоитъ въ ихъ различномъ положеніи въ словѣ по отношенію къ основѣ слова.

Суффиксомъ называется аффиксъ - слѣдующій въ словѣ за основою, какъ напр. въ русских словахъ „читатель", „писатель", „несть", „ведеръ" - аффиксы тель и ть принадлежатъ къ суффиксамъ, такъ какъ слѣдуютъ за основой слова.

Префиксъ - есть аффиксъ предшествующій основѣ слова, какъ напр. въ русскихъ словахъ „вы-учить", „вы-слушать" аффиксъ вы предшествующій основѣ слова, есть поэтому префиксъ, или напр. въ греческихъ словахъ ἔφερον, ἔλιπον аффиксъ ε въ началѣ слова принадлежатъ къ префиксамъ, такъ какъ предшествуетъ основѣ слова.

Инфиксы словъ вообще гораздо болѣе рѣдкіе въ сравненіи съ суффиксами и префиксами, помѣщаются въ словахъ внутри основы. Такъ напр. въ латинскихъ глагольныхъ основахъ scind, find (глаголы scindo, findo) звукъ n образовался изъ индоевропейскаго инфикса, то есть такого аффикса, который помѣщается внутри основы; сравни въ латинскомъ языкѣ основы scid, fid при основахъ scind-find. Всякое производное слово имѣетъ одинъ аф-

фиксъ, отличающій его, какъ слово, отъ другихъ словъ языка, и присоединяющійся къ части слова, называемой основой. Основа же слова можетъ или не заключать въ себѣ никакого состава, или же можетъ быть основою производнаго. Основа производнаго слова, не заключающая въ себѣ никакого состава, называется корнемъ слова. Въ производныхъ словахъ съ агглютинативнымъ составомъ корнями словъ являются такія основы словъ, которыя не заключаютъ въ себѣ сами никакихъ аффиксовъ словъ. Въ производныхъ словахъ съ флективнымъ составомъ,-корни словъ это такія основы, которыя не содержатъ въ себѣ никакихъ аффиксовъ словъ и разсматриваемыя отдѣль, но отъ сочетанія съ другою частью слова, не представляютъ вообще никакихъ частей; такъ напр. въ русскихъ словахъ „везу",„везли" -основа вез является основою первообразною, такъ называемымъ корнемъ слова, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ какого либо аффикса и вообще не имѣетъ сама по себѣ никакихъ частей. Точно также и по той же причинѣ мы называемъ корнемъ слова такую первообразную основу, какъ основа воз-, напр. въ словахъ „воза", „возу". Этотъ корень воз въ словахъ „воза", „возу" являет. ся тождественнымъ, какъ корень слова, съ корнемъ вез въ словахъ „везу", „везли", при-

чемъ различіе въ гласныхъ между вез и воз не имѣетъ само по себѣ значенія и является различіемъ лишь звуковымъ, какое бы значеніе оно не получало въ словахъ, то есть въ сочетаніи основы съ другою частью слова. Въ производныхъ словахъ съ флексіонно-агглютинативнымъ составомъ, корень слова, какъ такая основа, которая не заключаетъ въ себѣ никакого состава, не можетъ существовать, иначе какъ въ словахъ съ флексивно-агглютинативнымъ составомъ основа слова, какъ мы видѣли, заключаетъ въ самой себѣ измѣненіе другой основы, въ качествѣ извѣстной основы слова, то есть является нормально извѣстнаго рода производной основой.

Что касается производныхъ основъ словъ въ ихъ отличіи отъ непроизводныхъ основъ или корней словъ, то въ образованіи ихъ могутъ быть слѣдующія различія. Производною основою производнаго слова является во-первыхъ такая основа, которая заключаетъ въ себѣ извѣстный аффиксъ словъ, напр. въ русскомъ словѣ „писательскій" суффиксъ -ск- присоединенъ къ основѣ, которая сама является производной въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ извѣстный аффиксъ. Въ производныхъ словахъ съ агглютинативнымъ составомъ производныя основы словъ могутъ быть лишь осно-

вами такого рода, что есть такими, кото-
рыя сами содержатъ въ себѣ извѣстный
аффиксъ словъ. Но въ производныхъ словахъ
съ флективнымъ составомъ, равно какъ
и въ словахъ съ составомъ флективно-агглю-
тинативнымъ, существуютъ, кромѣ про-
изводныхъ основъ перваго рода, и производ-
ныя основы другаго рода, являющіяся про-
изводными въ качествѣ частей словъ. Такія
производныя основы словъ въ отличіе отъ
другихъ могутъ быть названы производно-
флективными основами словъ или корне-
флективными основами словъ. Флективная
основа слова есть такая основа, которая за-
ключаетъ въ себѣ измѣненіе корня слова въ
качествѣ части словъ. Въ флективной осно-
вѣ слова различаются поэтому какъ части
самой основы 1) корень флективной осно-
вы, то есть та часть ея, которая получа-
етъ измѣненіе въ качествѣ части словъ,
2) флективная часть основы, то есть та
часть, которая вноситъ такія измѣне-
нія въ корень флективной основы и образу-
етъ, слѣдовательно флексію основы. Флексія
основы можетъ быть или внѣшней, какъ
скоро корень флективной основы существу-
етъ въ языкѣ и отдѣльно отъ флектив-
ной части основы, какъ корень слова; или
же флективная основа можетъ быть внутрен-
ней, какъ скоро корень флективной основы

не существуетъ въ языкѣ отдѣльно отъ флективныхъ частей такихъ основъ, въ качествѣ корня словъ. Въ словахъ съ флективно-агглютинативнымъ составомъ, каковы слова названія въ семитскихъ языкахъ, флективныя основы словъ имѣютъ непремѣнно внутреннюю флексію, при которой корень основы не существуетъ въ языкѣ отдѣльно отъ флективныхъ частей такихъ основъ.

Мы видѣли, что въ словахъ названіяхъ семитскихъ языковъ основы слова въ различіи самихъ гласныхъ обозначаютъ различіе самихъ основъ, какъ частей словъ. Поэтому всѣ такія основы словъ являются, слѣдовательно, основами флективными, въ которыхъ корень основы заключается лишь въ согласныхъ, между тѣмъ какъ различія въ гласныхъ, существующихъ между этими согласными, измѣняютъ различнымъ образомъ этотъ корень въ качествѣ различныя основъ словъ. Напримѣръ въ арабскихъ словахъ, которыя я приводилъ въ прошлый разъ, qatala, qutila корень флективныхъ основъ qatal, qutil заключается лишь въ согласныхъ, между тѣмъ какъ гласные, находящіеся между этими согласными, образуютъ изъ этого корня основы - различныя основы словъ. Понятно, что здѣсь корень флективной основы нельзя признавать за корень слова, такъ какъ, напримѣръ, согласные

q. t и l. въ основахъ qatal. qutil не существуютъ въ языкѣ отдѣльно отъ тѣхъ или другихъ гласныхъ, находящихся между ними. Основа qatal является, слѣдовательно, неразлагаемой на какія либо части слова, точно также какъ и основа qutil - также не разлагается на какія либо части слова. Но въ ихъ взаимномъ отношеніи основы qatal и qutil являются основами флективными, заключающими въ себѣ различныя измѣненія одного и тогоже корня основы, въ качествѣ различныхъ основъ словъ. Внутренняя флексія основы существуетъ и въ словахъ съ флективнымъ составомъ, каковы слова индоевропейскихъ языковъ; но такъ какъ здѣсь съ различіемъ въ извѣстныхъ звукахъ основъ соединяется обозначеніе различія самихъ основъ лишь въ сочетаніи съ другою частью слова, то помимо отдѣльно отъ другихъ частей словъ такія основы не соединяютъ никакого значенія съ звуковыми измѣненіями и являются, слѣдовательно, сами по себѣ звуковыми варіантами одного и того же корня словъ. Такъ напр., какъ мы видѣли, въ русскихъ словахъ „везу" „воза" - основы вез и воз, разсматриваемыя сами по себѣ, являются корнями словъ хотя въ словахъ, въ зависимости отъ различія въ другихъ частяхъ словъ, звуковое различіе между вез напр. въ словѣ „везу" и воз - напр. въ словѣ „воза" не утратило еще для насъ

обозначенія извѣстнаго различія самихъ основъ словъ. Сравните подобное же различіе основъ бер въ „беру" и бор - напр. въ словѣ „сборъ" или нес въ „несу" и нос въ „подносъ"; или для насъ вполнѣ ясно, что основы нес въ „несу" и нош въ „ношу" различаются между собой по значенію, какъ основы различныхъ словъ, т. е. что эти основы, не разлагаемыя на какія-либо части словъ, являются въ ихъ взаимномъ отношеніи основами флективными, съ внутренней флексіей основы, но отдѣльно отъ другихъ частей словъ тѣ же основы нес и нош не имѣютъ такого значенія, такъ какъ само по себѣ извѣстное различіе ихъ звуковъ не обозначаетъ того различія, какое они получаютъ напр. въ словахъ „несу" и „ношу", и потому, разсматриваемыя отдѣльно отъ сочетанія съ другою частью словъ, основы нес и нош являются лишь звуковыми измѣненіями одного и того же корня слова.

Флективныя основы словъ въ индоевропейскихъ языкахъ имѣютъ также внѣшнюю флексію, и только такія флективныя основы сами въ себѣ заключаютъ здѣсь отличіе отъ корней словъ, хотя значеніе извѣстной основы и эти флективныя основы пріобрѣтаютъ въ индоевропейскихъ языкахъ лишь въ сочетаніи съ другою частью словъ; напр. въ русскомъ словѣ „несетъ" основа несе является основой флективной, которая заключаетъ въ себѣ внѣш-

нюю флексію корня основы нес при помощи флективной части ё, присоединяющейся къ основѣ нес.

Корень флективной основы такого рода есть слѣдовательно та часть ея, которая существуетъ въ языкѣ и сама по себѣ въ корнѣ извѣстныхъ словъ, напр. съ нес въ несё сравните корень нес въ словѣ „нести"; но въ флективныхъ основахъ съ внѣшней флексіей (какъ и въ флективныхъ основахъ съ внутренней флексіей основы) этотъ корень является не корнемъ слова, что есть не извѣстной частью самого слова, но корнемъ основы или иначе - частью части слова. То, что нес въ несё не есть корень слова, то есть извѣстная его часть и отличается, слѣдовательно, по значенію отъ нес въ нести явствуетъ изъ того, что ё не есть часть слова, не есть аффиксъ, но флективная часть основы несё; а это видно изъ того, что при словѣ „несетъ" у насъ нѣтъ слова „несть" съ тѣмъ же значеніемъ третьяго лица единственнаго числа глагола; слѣдовательно, отдѣляя въ словѣ „несетъ" аффиксъ - звукъ т (ср. нѣтъ), мы получаемъ часть слова несе, которая не разлагается уже на какія либо части слова, оказывается извѣстнаго рода флективной основой, состоящей изъ извѣстныхъ частей основы. По отношенію же къ несё напр. въ „несетъ" и нес напр. въ „нести" является также флективной основой, такъ какъ по отношенію

къ флективной основѣ <u>несё</u>, заключающей въ себѣ внѣшнюю флексію, корень словъ <u>нес</u> становится самъ въ словахъ, напр. въ <u>нести</u>, основою словъ извѣстнаго рода, и тѣхъ, которыя получаютъ основу <u>нес</u>. (при <u>нести</u> у насъ нѣтъ слова <u>несёти</u> или <u>несёть</u> съ тѣмъ же значеніемъ инфинитива). Такимъ образомъ съ появленіемъ внѣшней флексіи основы необходимо соединяется то, что корень слова, обращающійся въ такой основѣ въ корень флективной основы, и самъ, безъ соединенія съ тою или другою флективною частью основы, становится въ словах также флективною основою словъ, такъ какъ получаетъ при этомъ значеніе части (основы) словъ извѣстнаго рода, то есть самое отсутствіе внѣшней флексіи обращаетъ здѣсь корень слова въ флективную основу слова по отношенію къ другой основѣ, въ составѣ которой тотъ же корень входитъ какъ корень флективной основы. Слѣдовательно, въ языкахъ, имѣющих слова съ флективнымъ составомъ, корни словъ являются въ словахъ во всякомъ случаѣ флективными основами словъ, по отношенію ли къ ихъ внутренней флексіи въ словахъ, или по отношенію къ флективнымъ основамъ словъ съ внѣшнею флексіею, и только разсматриваемые отдѣльно отъ сочетанія съ другою частью словъ, то есть при извѣстномъ отвлеченіи отъ того значенія, какое имѣютъ эти корни въ словахъ, они оказываются дѣйствительны-

ми корнями словъ, но есть такими основами, которыя не заключаютъ въ себѣ какихъ либо частей. Въ словахъ же съ флективно-агглютинативнымъ составомъ корни словъ не существуютъ, какъ мы видѣли, и въ этомъ качествѣ, такъ какъ и отвлекаемыя отъ сочетанія съ другою частью словъ основы такихъ словъ сами по себѣ имѣютъ флексію основы, то есть заключаютъ въ себѣ извѣстныя части основы.

Части производныхъ словъ съ теченіемъ времени могутъ сливаться одна съ другой. Если основа слова и аффиксъ сливаются другъ съ другомъ, то есть не различаются болѣе по значенію въ качествѣ отдѣльныхъ частей слова, то производное слово съ непроизводной основой обращается, слѣдовательно, въ слово неимѣющее состава, - или слово корневое, а изъ производной основы слова получается при этомъ основа непроизводная, то есть корень слова. Но составъ производнаго слова можетъ измѣняться и такъ, что слово, оставаясь производнымъ, измѣняется въ самыхъ частяхъ своихъ. Такъ въ производныхъ словахъ съ производной основой одинъ аффиксъ слова можетъ слиться съ другимъ аффиксомъ въ одинъ аффиксъ; такъ напр. въ русскихъ словахъ „бородатый" „рогатый" аффиксъ ат есть по происхожденію аффиксъ сложный, образовавшійся изъ соединенія того же аффикса, который мы на-

ходимъ въ словахъ „битый“, „шитый“ съ аффиксомъ а, существовавшимъ въ окончаніи основъ извѣстныхъ производныхъ глаголовъ. Или же аффиксъ слова можетъ съ теченіемъ времени выдѣлить изъ себя новый аффиксъ такимъ путемъ, что часть прежняго аффикса сливается съ другимъ аффиксомъ или съ основой слова, между тѣмъ какъ другая часть является сама по себѣ аффиксомъ; или же извѣстный аффиксъ можетъ съ теченіемъ времени распасться на два аффикса. Такъ напр. въ словѣ „шипа“ производный аффиксъ та изъ индоевропейскаго ta распался на два аффикса, - аффиксъ т (сравн. „шитъ“, „шито“) и аффиксъ а. Въ словѣ „невѣста“ тотъ же первоначальный аффиксъ та изъ индоевропейскаго ta выдѣлилъ изъ себя какъ аффиксъ звукъ а, между тѣмъ какъ звукъ т слился съ основой. Въ словахъ „волосатая“, „рогатая“ тотъ же аффиксъ та выдѣлилъ изъ себя аффиксъ а, между тѣмъ какъ звукъ т въ началѣ этого аффикса слился, какъ мы видѣли, съ другимъ аффиксомъ а въ одинъ общій аффиксъ ат.

Наконецъ аффиксъ слова съ теченіемъ времени можетъ сливаться съ основой въ основу флективную. Такъ напр. въ русскихъ словахъ „несётъ“ (везётъ) е передъ т было нѣкогда аффиксомъ слова, существовавшимъ въ извѣстнаго рода производныхъ основахъ; или въ сложныхъ словахъ „водовозъ“, „трубочистъ“ окончаніе флективной

основы водо, трубо образовалось изъ извѣстна-
го аффикса производныхъ словъ.

Что касается измѣненій, происходящихъ съ теченіемъ времени въ составѣ производныхъ словъ по отношенію къ ихъ корнямъ, то кромѣ слiянія корня съ аффиксомъ или съ частью аффикса, возможно и другое измѣненіе корня слова, какъ части слова, а именно различіе въ фонетическомъ измѣненіи одного и того же корня слова въ различныхъ словахъ и слѣдовательно, въ различныхъ фонетическихъ положеніяхъ, это различіе съ теченіемъ времени можетъ стать флексіею основы, то есть изъ корня слова, въ его различныхъ звуковыхъ варіантахъ, такимъ путемъ образуются флективныя основы словъ. Таково чередованіе между русскими е и о въ такихъ словахъ, какъ „везу" „воза", или чередованіе между нѣмецкими i и a въ словахъ „nehmen", „nahmen"; это чередованіе восходитъ, какъ извѣстно, къ индоевропейскому языку и уже здѣсь имѣло значеніе внутренней флексіи въ основахъ словъ, но возникло оно, безъ сомнѣнія, какъ явленіе фонетическое, въ зависимости отъ какихъ либо фонетическихъ условій. Такое же происхожденіе имѣетъ, конечно, внутренняя флексія основы слова въ семитическихъ языкахъ, хотя здѣсь, повидимому, такая внутренняя флексія основы образовалась частью и изъ внѣшней флексіи основы.

Я сказалъ, что флективная основа слова есть такая основа, которая заключаетъ въ себѣ измѣненіе корня слова въ качествѣ части слова, но корень слова, подвергающійся измѣненію въ флексіи основы, можетъ быть по происхожденію самъ основою производною, въ составъ которой вошелъ извѣстный аффиксъ, причемъ эта основа получаетъ флексію безъ отношенія къ такому составу, то есть какъ корень слова. Корень слова, какъ основа непроизводная можетъ противополагаться, какъ мы видѣли, всякой производной основѣ слова, какъ такой, которая заключаетъ въ себѣ аффиксъ, такъ и основѣ флективной. Имѣя же въ виду господствующее значеніе термина „корень слова" какъ непроизводной основы слова въ ея отличіи отъ такой производной основы, которая заключаетъ въ себѣ извѣстный аффиксъ, мы можемъ опредѣлять флективныя основы словъ безъ отношенія къ корнямъ словъ и въ такомъ случаѣ флективная основа слова опредѣлится какъ такая основа, которая заключаетъ въ себѣ измѣненіе основы въ качествѣ части слова и обозначается, слѣдовательно, какъ часть самого слова.

Итакъ мы видѣли, что производныя слова могутъ съ теченіемъ времени обращаться въ слова непроизводныя или корневыя, или же оставаясь производными словами, могутъ измѣняться въ своихъ частяхъ: Я не касаюсь здѣсь вопроса о томъ, можетъ ли переходить при-

этомъ агглютинативный составъ словъ въ флективный или наоборотъ; или можетъ-ли тотъ или другой составъ словъ становиться составомъ флективно-агглютинативнымъ или наоборотъ. Ясно во всякомъ случаѣ то, что производное слово съ составомъ каждаго изъ этихъ трехъ родовъ можетъ съ теченіемъ времени терять его, или, оставаясь словомъ съ агглютинативнымъ, флективнымъ или флективно-агглютинативнымъ составомъ, можетъ измѣняться въ своихъ частяхъ. Нельзя, понятно, забывать, что всякое слово, какъ въ своихъ звукахъ и значеніи, такъ и въ своихъ частяхъ, принадлежитъ извѣстному языку въ извѣстномъ періодѣ его жизни, и что изслѣдователь языка не долженъ безъ повѣрки переносить части слова изъ одной эпохи жизни языка въ другую, точно также какъ нельзя звуки словъ или ихъ значенія въ извѣстную эпоху жизни языка принимать безъ повѣрки за звуки и значенія словъ въ другую эпоху жизни того же языка. Подобную ошибку особенно часто дѣлаютъ при опредѣленіи частей словъ. То есть напр. опредѣляя части производныхъ словъ современнаго русскаго языка, нерѣдко смѣшиваютъ части, дѣйствительно существующія въ этихъ словахъ, съ ихъ бывшими частями. Такая ошибка, обычная въ школьной практикѣ, встрѣчается и въ научномъ изслѣдованіи фактовъ индоевропейскихъ языковъ.

Этому способствуетъ извѣстная неопредѣленность терминовъ „основа слова", „аффиксъ слова" въ ихъ примѣненіи къ фактамъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ. Разсматривая индоевропейскіе языки въ ихъ исторіи, которая начинается для лингвиста съ эпохи распаденія общаго индоевропейскаго языка, лингвистъ и при опредѣленіи частей словъ въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ отправляется отъ того состава, какой можетъ быть открытъ въ тѣхъ же словахъ въ общемъ индоевропейском языкѣ и можетъ потому въ словахъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ называть „основой слова", „аффиксомъ слова" тѣ части, которыя существовали въ этихъ словахъ въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ. Въ этомъ смыслѣ напр. въ русскомъ словѣ „шита" лингвистъ можетъ смотрѣть на та какъ на извѣстный аффиксъ общаго индоевропейскаго языка; но употребленіе термина аффиксъ, то есть индоевропейскій аффиксъ, въ примѣненіи къ та въ современномъ русскомъ словѣ „шита" не должно давать повода думать, будто тоже та, вслѣдствіе этого должно быть аффиксомъ и въ современномъ русскомъ языкѣ, что, какъ мы видѣли, было бы ошибочнымъ заключеніемъ.

Какъ звуки слова и его значеніе, такъ и части слова могутъ быть опредѣляемы лишь изъ самаго языка въ данномъ періодѣ его жизни, но не изъ исторіи языка. Изъ исторіи языка

мы узнаемъ, какъ произошли эти звуки, что значение эти части словъ; но не исторія языка учитъ насъ тому, какія части слова существуютъ напр. въ томъ или другомъ производномъ словѣ современнаго русскаго языка.

Сдѣлаю еще замѣчание относительно неопредѣленности употребленія терминовъ - „корневыя слова", „корень слова". Мы видѣли, что „корень слова - это основа слова, неимѣющая никакого состава, - „корневое слово" - это слово, неимѣющее никакого состава. Разсматривая отдѣльные индоевропейскіе языки по отношенію къ общему индоевропейскому языку, мы открываемъ въ ихъ словахъ такія части словъ, которыя были корнями словъ еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія и точно также мы находимъ въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ такія слова, которыя были корневыми словами также еще въ индоевропейскомъ языкѣ. Но въ отдѣльномъ существованіи индоевропейскихъ языковъ получались и новые корни словъ и новыя корневыя слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстныхъ образованіяхъ прежніе корни словъ обращались въ корни флективныхъ основъ, которые должны быть отличаемы отъ корней словъ. Существуетъ однако обычай называть корнемъ слова въ томъ или другомъ изъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ такую основу

слова, которая была основой непроизводной еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ и соотвѣтственно съ этимъ употребляется и терминъ „корневое слово" въ примѣненіи къ такимъ словамъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, которыя были словами непроизводными еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ. Такой обычай установился отчасти подъ вліяніемъ извѣстнаго предразсудка, существовавшаго прежде во взглядѣ на корни и корневыя слова общаго индоевропейскаго языка. Въ корняхъ словъ и въ корневыхъ словахъ общаго индоевропейскаго языка готовы были видѣть такія части словъ и такія слова, которыя будто бы никогда не имѣли въ себѣ никакого состава. Но само собой разумѣется, что такое мнѣніе не выдерживаетъ критики, такъ какъ самые факты индоевропейскаго языка въ эпоху его распаденія показываютъ каждому, кто знакомъ съ исторіей языковъ, что этотъ языкъ имѣлъ за собой длинную исторію, и что нѣтъ основанія предполагать, что извѣстные намъ корни индоевропейскихъ словъ и слова корневыя не получились сами въ большей или меньшей степени тѣмъ же путемъ, какимъ возникали новые корни и новыя корневыя слова въ позднѣйшую эпоху жизни отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ. Какъ бы ни образовалось однако такое употребленіе терминовъ „корень" и „корневое слово", оно не связано конечно непремѣнно

съ тѣмъ предразсудкомъ, о которомъ я говорю, и представляетъ извѣстное удобство при опредѣленіи фактовъ языковъ въ ихъ исторіи. Корень слова въ томъ или другомъ изъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, при такомъ употребленіи этого термина, есть слѣдовательно такая основа слова, которая можетъ быть опредѣлена лишь изъ исторіи языка и которая оказывается неразложимой, непроизводной основой слова въ древнѣйшемъ извѣстномъ намъ періодѣ жизни этого языка. Нельзя поэтому открывать такіе корни и корневыя слова напр. въ русскомъ языкѣ, разсматриваемомъ отдѣльно отъ другихъ родственныхъ съ нимъ языковъ; непроизводныя основы русскихъ словъ и русскія непроизводныя слова въ такомъ случаѣ не должны быть называемы корнями словъ и словами корневыми. Такъ какъ однако собственное значеніе этихъ терминовъ состоитъ именно въ обозначеніи непроизводныхъ основъ словъ и непроизводныхъ словъ, то поэтому корнями словъ и корневыми словами, напр. русскаго языка, могутъ быть называемы и называются дѣйствительно также непроизводныя основы и непроизводныя слова самого русскаго языка въ извѣстномъ періодѣ его жизни.

Какъ ни сбивчиво можетъ быть такое употребленіе одного и того же термина въ двухъ разныхъ значеніяхъ, оно само по себѣ

не заключаетъ, конечно, ошибки, какъ скоро сознается различіе между индоевропейскимъ корнемъ слова или корневымъ словомъ и напр. русскимъ корнемъ слова или корневымъ словомъ. Но ошибка является, какъ скоро смѣшиваютъ тѣ и другіе корни словъ или корневыя слова при опредѣленіи ихъ въ данномъ языкѣ. Такъ напр. если мы возьмемъ русскія основы словъ „дом" и „человѣк" въ словахъ напр. „дома" и „человѣка", то въ русскомъ языкѣ и дом и человѣк окажутся корнями словъ, то есть ихъ непроизводными основами. Открывая въ тѣхъ же словахъ индоевропейскіе корни словъ, мы найдемъ, что русскій корень слова дом образовался изъ извѣстнаго индоевропейскаго корня, между тѣмъ, какъ русскій корень слова „человѣк" не былъ еще корнемъ слова въ индоевропейскомъ языкѣ и образовался позже изъ извѣстной производной основы. Но совершенно ошибочно было бы признавать въ самомъ русскомъ языкѣ основу „человѣк" въ словѣ „человѣкъ" не такимъ же корнемъ слова, какъ и основу дом въ словѣ „домъ".

Когда я говорилъ о составѣ словъ, существующемъ въ китайскомъ языкѣ, я указывалъ на то, что присутствіе въ языкѣ тѣхъ составныхъ словъ, которыя я назвалъ составными словами перваго рода, отражается и на значеніяхъ словъ корневыхъ, именно въ

тому, что значенія этихъ послѣднихъ получаютъ извѣстныя ограниченія, подъ вліяніемъ тѣхъ составныхъ словъ, въ которыхъ въ этихъ корневыхъ словахъ выдѣляются извѣстныя части значенія. Точно также и производныя слова языка оказываютъ вліяніе на корневыя слова того же языка. Именно послѣднія подъ вліяніемъ производныхъ словъ, въ которыя они входятъ въ качествѣ корней словъ, получаютъ значеніе, ограничиваемое значеніемъ этихъ производныхъ словъ. Такимъ образомъ вслѣдствіе существованія въ языкѣ производныхъ словъ и корневыя слова, не имѣя сами состава, получаютъ извѣстныя значенія, основанныя на самомъ отсутствіи въ нихъ состава. Точно также и производныя слова языка, какъ скоро они являются въ качествѣ основъ въ другихъ производныхъ словахъ, получаютъ значеніе, ограничиваемое этими послѣдними словами. То есть вообще въ языкѣ, имѣющемъ производныя слова, самое отсутствіе въ другихъ словахъ вообще ли состава, или извѣстнаго состава словъ, даетъ такимъ словамъ извѣстное значеніе въ ихъ отличіи отъ производныхъ словъ, имѣющихъ такой составъ. Возьмемъ въ русскомъ языкѣ слова „домъ" и „учитель"; одно корневое, именно „домъ", другое производное „учитель". И въ томъ, и въ другомъ словѣ отсутствіе извѣстныхъ аффиксовъ обозначаетъ из-

вѣстный признакъ этихъ словъ, какъ словъ, въ ихъ отличіи отъ другихъ словъ, родственныхъ съ ними по основамъ, и по этому отрицательному признаку мы называемъ слово „домъ" и слово „учитель" именемъ существительнымъ мужскаго рода въ именительномъ падежѣ единственнаго числа.

Въ языкахъ, имѣющихъ въ производныхъ словахъ флективныя основы, то есть какъ въ языкахъ съ флективнымъ составомъ словъ, такъ и въ языкахъ съ составомъ словъ флективно-агглютинативнымъ, присутствіе въ словахъ флективныхъ основъ даетъ возможность употребляться флективнымъ основамъ и въ качествѣ словъ безъ аффикса, причемъ самое отсутствіе аффикса вноситъ въ эти слова извѣстное значеніе въ отличіе ихъ отъ другихъ словъ, имѣющихъ тотъ или другой аффиксъ въ соединеніи съ родственной флективной основой. Напримѣръ нѣмецкія слова „nahm" „las" слова корневыя, въ которыхъ отсутствіе аффикса вноситъ извѣстное значеніе, напр. здѣсь значеніе глагольной формы единственнаго числа не втораго лица; значеніе же формы прошедшаго времени вносится здѣсь флексіей основы, заключающейся въ соотношеніи nahm, las. въ словахъ nahm, las съ nehm, les напр. въ nehme, lese. Такимъ образомъ флективное корневое слово въ языкѣ есть такое слово неимѣющее аффикса, которое въ со-

отношеніи съ извѣстной основой образуетъ флексію основы и которое слѣдовательно, по отношенію къ этой основѣ является само флективною основою слова, а не словомъ.

Для образованія флективныхъ корневыхъ словъ въ языкѣ необходимо, слѣдовательно, существованіе въ языкѣ флективныхъ основъ словъ. Флективныя же основы словъ могутъ получаться не только тогда, когда основа одного слова вступаетъ въ соотношеніе флексіи основы съ основой другаго слова, но и тогда, когда основа слова вступаетъ въ соотношеніе флексіи основы не съ другой основой, но съ словомъ, имѣющимъ аффикса; причемъ это слово становится такимъ путемъ само флективной основой. Въ примѣрахъ, которые я приводилъ, въ нѣмецкихъ словахъ „nahm", „las" флективныя корневыя слова „nahm" и „las" получились, какъ показываетъ исторія языка, изъ словъ, имѣвшихъ прежде въ соединеніи съ флективной основой извѣстный аффиксъ, который исчезъ потомъ по фонетической причинѣ. Но понятно, что такой путь образованія флективныхъ корневыхъ словъ не есть необходимый, и слова безъ аффикса могутъ точно также становиться словами флективными, корневыми, какъ скоро основы другихъ словъ вступаютъ съ ними въ соотношеніе флексіи основы.

Мы видѣли, что въ производном словѣ по крайней мѣрѣ одна изъ частей его — аффиксъ — заключаетъ въ себѣ обозначеніе части самого слова, то есть аффиксы производныхъ словъ имѣютъ значенія примѣняющіяся къ самымъ же словамъ въ ихъ сходствахъ и различіяхъ между собою; а въ производныхъ словахъ съ флективнымъ или флективно-агглютинативнымъ составомъ и основы словъ являются также частями самихъ словъ, то есть имѣютъ значенія примѣняющіяся къ самымъ же словамъ въ ихъ сходствах и различіяхъ между собою. Такія значенія языка, которыя примѣняются къ фактам самаго языка, то есть къ словамъ, называются значеніями „формальными" въ ихъ отличіи отъ значеній, дающихъ самое существованіе языку, то есть въ ихъ отношеніи къ значеніямъ, примѣняющимся къ фактамъ внѣшнимъ для языка. Значенія послѣдняго рода, значенія основныя въ языкѣ, дающія ему самое существованіе и предполагаемыя формальными значеніями языка, могутъ быть названы „реальными" значеніями языка. То есть къ реальнымъ значеніямъ языка, въ ихъ отличіе отъ формальныхъ значеній языка, принадлежатъ всѣ обозначенія не самихъ словъ языка, но фактовъ, существующихъ внѣ языка, между тѣмъ какъ формальными значеніями языка явля-

ются, какъ я сказалъ, обозначенія самихъ словъ языка.

Я остановился въ прошлый разъ на объясненіи того, что я называю формальными значеніями въ языкѣ. Формальныя значенія языка - это такія значенія, которыя примѣняются къ фактамъ самого языка, а факты языка - это слова. Впослѣдствіи я обращу ваше вниманіе на то, что обыкновенно терминъ: „формальныя значенія языка" употребляется въ болѣе неопредѣленномъ смыслѣ причемъ то же названіе распространяется на извѣстныя значенія, примѣняющіяся не къ самымъ словамъ языка, но къ ихъ значеніямъ. Такое употребленіе этого термина является однимъ изъ слѣдствій обычнаго смѣшенія словъ или фактовъ языка съ фактами, не принадлежащими самому языку. Не останавливаясь на разборѣ термина: „формальное значеніе языка" въ его обыкновенном употребленіи въ грамматикѣ, мы можем теперь же понять, что какъ скоро мы называемъ формальными значеніями языка, тѣ значенія, которыя примѣняются къ фактамъ самаго языка, мы не должны распространять тогоже названія на другія значенія языка, такъ какъ при этомъ мы смѣшали бы факты различные или не выдѣлили бы изъ числа другихъ значеній тѣ значенія, которыя примѣняются къ самим

словамъ, какъ скоро мы не дали бы имъ особаго названія. Такъ какъ эти послѣднія значенія имѣются главнымъ образомъ въ виду, когда говорятъ о формальныхъ значеніяхъ языка, то выдѣляя такія значенія изъ числа другихъ, мы имѣемъ основаніе удержать исключительно за ними это названіе, чтобы не смѣшивать ихъ со значеніями другаго рода. Формальныя значенія языка появляются лишь вмѣстѣ съ появленіемъ состава производныхъ словъ, и самый этотъ составъ мы можемъ называть потому формальнымъ составомъ словъ въ отличіе отъ того реальнаго состава словъ, какой существуетъ напр. въ китайскомъ языкѣ.

Но почему формальныя значенія языка появляются лишь съ извѣстнымъ составомъ словъ, именно съ составомъ словъ производныхъ? Формальныя значенія языка представляютъ, какъ мы видѣли, обозначенія сходствъ и различій самыхъ словъ. Но сходства и различія между самыми словами возможны лишь тогда, когда слова получаютъ части сходныя или различныя между собой въ качествѣ частей самыхъ словъ, а всякое другое сходство или различіе между словами можетъ быть сходствомъ или различіемъ не самыхъ словъ, но или ихъ звуковъ, или ихъ реальныхъ значеній. И такъ формальныя значенія языка возникаютъ тогда, когда въ словахъ являются

части самыхъ словъ. Языки не имѣющіе формальнаго состава словъ, не имѣютъ и формальныхъ значеній въ томъ смыслѣ этого термина, на который я указалъ. А что касается языковъ, гдѣ существуютъ слова съ формальнымъ составомъ, то здѣсь формальныя значенія распространяются и на слова, не имѣющія состава, такъ какъ мы видѣли, что въ такихъ языкахъ самое отсутствіе состава вноситъ въ слова непроизводныя, въ ихъ отличіи отъ словъ производныхъ, обозначеніе извѣстнаго различія между словами, но если и въ этихъ непроизводныхъ словахъ здѣсь заключаются формальныя значенія. Присутствіе въ словахъ формальнаго состава даетъ словамъ форму, то есть формами словъ называются слова, разсматриваемыя по отношенію къ ихъ формальному составу; а такъ какъ въ языкѣ, имѣющемъ слова съ формальнымъ составомъ, самое отсутствіе такого состава въ извѣстныхъ словахъ получаетъ, какъ мы видѣли формальное значеніе, то понятному и такія слова являются въ языкѣ формами по отношенію къ отсутствію въ нихъ того или другаго формальнаго состава, такъ напр. въ русскомъ языкѣ слова „домъ" „человѣкъ", „учитель" заключаютъ въ себѣ форму именительнаго падежа, единственнаго числа по отношенію къ отсутствію въ нихъ формальнаго состава, образующаго другія

падежныя формы.

Разсматривая формы словъ со стороны ихъ значенія, мы можемъ различать въ нихъ формы словообразованія и формы словоизмѣненія. Въ формахъ словообразованія обозначаются различія между отдѣльными словами не въ словосочетаніи, а въ формахъ словоизмѣненія обозначаются различія между отдѣльными словами въ словосочетаніи.

Въ тѣхъ и другихъ формахъ я различаю формы, которыя я буду называть формами производными, и формы, которымъ я даю названіе формъ моціи словъ. Въ первыхъ обозначается отношеніе слова, имѣющаго извѣстную форму, къ слову, взятому безъ этой формы. Въ формахъ же моціи словъ обозначается соотношеніе между словами, имѣющими извѣстныя формы.

И такъ формы словообразовательныя, какъ и другія, могутъ быть подраздѣлены на формы производныя словообразовательныя и на формы словообразовательной моціи. Въ первыхъ обозначается образованіе однихъ словъ отъ другихъ не въ словосочетаніяхъ, но есть значеніе той или другой производной словообразовательной формы слова заключается въ обозначеніи извѣстнаго отличія слова въ такой формѣ отъ слова съ той же основой, не имѣющаго словообразовательной формы.

слова съ одной и той же основой, имѣющія различныя словообразовательныя производныя формы, вступаютъ слѣдовательно въ соотношеніе между собою лишь при посредствѣ общаго для нихъ отношенія къ одному и тому же слову, не имѣющему словообразовательной формы.)

Что же касается формъ словообразовательной моціи словъ, то въ нихъ непосредственно обозначается соотношеніе между словами не въ словосочетаніи, образованными отъ одной общей основы, не существующей отдѣльно отъ формъ словообразованія; то есть значеніе какой либо формы словообразовательной моціи заключается въ обозначеніи извѣстнаго отличія слова, имѣющаго такую форму, отъ слова съ той же основой въ другой словообразовательной формѣ. Въ русскомъ языкѣ къ формамъ производнаго словообразованія принадлежатъ напр. формы, заключающіяся въ словахъ „маленькій", „бѣленькій", „красненькій" въ ихъ отношеніи къ словамъ „малый", „бѣлый", „красный". Къ формамъ словообразовательной моціи принадлежатъ напр. въ русскомъ языкѣ формы вида въ глагольномъ словѣ, напр. формы заключающіяся въ словахъ: „нести, носить, нашивать" въ ихъ взаимномъ отношеніи между собою. Каждая изъ такихъ формъ предполагаетъ по значенію существо-

ваніе другой формы.

Въ формахъ словоизмѣненія должны быть различаемы по значенію формы флективныя въ тѣсномъ смыслѣ, или формы флексіи словъ, именно такія формы словъ, которыми обозначаются различныя отношенія словъ въ словосочетаніяхъ, и формы, которыя я, за неимѣніемъ какого либо принятаго термина, называю пока формами синтактическаго словоизмѣненія; а именно сюда принадлежатъ тѣ формы словъ, которыми обозначается различіе въ самыхъ словосочетаніяхъ, въ составъ которыхъ входятъ эти слова при посредствѣ ихъ флективныхъ формъ. Лингвистическій терминъ „флексія" мы встрѣчали уже прежде въ примѣненіи къ измѣняемости основъ словъ, но тотъ же терминъ употребляется и въ примѣненіи къ извѣстной измѣняемости самихъ словъ. Это не ведетъ за собой смѣшенія обоихъ значеній термина „флексія", какъ скоро мы сознаемъ, что въ одномъ случаѣ имѣется въ виду „флексія", то есть измѣняемость основъ словъ, въ другомъ говорится о „флексіи", то есть извѣстной измѣняемости самихъ словъ, хотя неудобство во всякомъ случаѣ существуетъ, но болѣе важное неудобство возникло бы тогда, когда терминъ „флексія слова" или „флективныя формы слова" употреблялся бы какъ синонимъ тер-

миновъ „словоизмѣненіе", „формы словоизмѣненія", причемъ не различались бы нѣмъ два рода формъ словоизмѣненія, на которые я указалъ.)

Само собой разумѣется, что въ самомъ терминѣ „флексія" не заключается препятствій употреблять этотъ терминъ какъ синонимъ терминовъ „словоизмѣненіе", „формы словоизмѣненія", но въ такомъ случаѣ оба указанные рода формъ словоизмѣненія должны бы были получить каждый особое название; поэтому я и дѣлаю то различіе, что терминъ „словоизмѣненіе" я удерживаю, какъ терминъ общій для двухъ родовъ формъ словъ, по отношенію къ ихъ общему отличію отъ формъ словообразованія, между тѣмъ какъ терминъ „флексія слова" или „флективная форма слова" я употребляю исключительно въ примѣненіи къ одному роду такихъ формъ, именно въ примѣненіи къ формамъ словъ, обозначающихъ отношенія словъ въ словосочетаніяхъ, а такое значеніе и при обыкновенномъ значеніи этого термина является его основнымъ значеніемъ.

Къ флективнымъ формамъ словъ принадлежатъ напр. формы косвенныхъ падежей въ склоняемомъ словѣ, или напр. личныя формы въ глаголѣ.

Подобно тому, какъ въ формахъ словообразованія различаются формы словообразованія

ныя производныя и формы словообразовательной моціи, такъ и въ флективныхъ формахъ словъ можно различать также два соотвѣтствующіе рода формъ словъ, которые могли бы быть названы „формами флексіи производной" и „формами флективной моціи". Къ первымъ относятся тѣ флективныя формы словъ, которыми обозначается то или другое отношеніе слова въ словосочетаніи, въ отличіе отъ того же слова, взятаго безъ отношенія къ словосочетанію. Таковы формы косвенныхъ падежей склоняемаго слова: въ формѣ того или другаго косвеннаго падежа обозначается то или другое отношеніе склоняемаго слова въ словосочетаніи, въ отличіе отъ склоняемаго слова въ формѣ именительнаго падежа, не обозначающей какія либо отношенія словъ въ словосочетаніи. Форма именительнаго падежа не есть слѣдовательно сама по себѣ флективная форма словъ, но она предполагается падежной флексіей словъ и является по значенію той формой слова, отъ которой производится значеніе формъ косвенныхъ падежей. Различные косвенные падежи, находясь въ отношеніи къ одной и той же формѣ именительнаго падежа, вступаютъ въ соотношеніе между собой лишь при посредствѣ этого общаго для нихъ отношенія къ именительной формѣ. Что же касается тѣхъ флективныхъ формъ

словъ, которыя мы могли бы назвать формами флективной моціи словъ, что сюда принадлежатъ именно тѣ формы словъ, которыми обозначаются взаимныя различія между отношеніями въ словосочетаніи одного и того же слова несамостоятельнаго, что есть существующаго лишь въ словосочетаніяхъ, такъ что каждая форма флективной моціи слова находится по значенію въ непосредственномъ соотношеніи съ другою формою флективной моціи того же несамостоятельнаго слова.– Таковы напр. личныя формы въ глаголѣ: въ формахъ перваго и втораго лицъ обозначается извѣстное отношеніе въ словосочетаніи несамостоятельнаго спрягаемаго слова, именно его отношеніе къ личнымъ словамъ въ отличіе отъ формы третьяго лица, обозначающей другое отношеніе того же спрягаемаго слова въ словосочетаніи, именно отношеніе его къ неличному слову. Флективныя формы словъ того и другаго рода, что есть какъ флективныя производныя формы, такъ и формы флективной моціи слова могутъ быть двоякаго рода по значенію, а именно: онѣ обозначаютъ въ отношеніяхъ словъ въ словосочетаніяхъ или только отношеніе между самими словами (что есть между ихъ формальными значеніями), или также и отношеніе между реальными значеніями этихъ словъ. Къ первымъ принадлежатъ напр. въ индоевропейскихъ

языкѣ форма винительнаго падежа въ ея главномъ употребленіи, которая, какъ мы увидимъ далѣе, обозначала отношеніе склоняемаго слова въ словосочетаніи къ слову несамостоятельному, что есть къ глаголу или къ прилагательному; ко вторымъ принадлежала напр. форма творительнаго падежа, обозначавшая также отношеніе склоняемаго слова въ словосочетаніи, при которомъ реальное значеніе этого слова вступаетъ въ извѣстное отношеніе къ другому реальному значенію.

Всякая флективная форма слова отличается какъ слово, отъ всякой другой флективной формы, что есть напр. слово „человѣка" отличается, понятно какъ слово, отъ слова „человѣку"; но въ тоже время флективныя формы словъ, находящіяся по своему значенію въ соотношеніи между собой, непосредственно или посредственно, могутъ быть разсматриваемы, какъ формы одного слова, такъ какъ основой въ этихъ формахъ является одно и тоже слово взятое безъ отношенія его къ словосочетанію, независимо отъ того, существуетъ ли это слово въ языкѣ отдѣльно отъ формъ флексіи его въ цѣломъ.

Въ этомъ смыслѣ флективныя формы словъ, находящіяся въ соотношеніи между собой непосредственно ли, въ формѣ моціи, или посредственно, въ формѣ производной флексіи, называются различными формами одного и тогоже

слова, или формами словоизмѣненія, въ отличіе отъ формъ словообразовательныхъ, которыя не могутъ быть разсматриваемы такимъ образомъ.

Къ формамъ словоизмѣненія, кромѣ флективныхъ формъ, принадлежатъ, также, какъ я сказалъ, формы называемыя мною формами синтактическаго словоизмѣненія, именно такія формы, которыми обозначаются различія въ словосочетаніяхъ, въ составѣ которыхъ входятъ эти слова при посредствѣ флективныхъ формъ. Такъ какъ эти формы словъ предполагаютъ существованіе въ словахъ флективныхъ формъ, которыя могутъ быть разсматриваемы въ качествѣ формъ словоизмѣненія, то поэтому и онѣ принадлежатъ также къ формамъ словоизмѣненія въ отличіе тѣхъ и другихъ формъ отъ формъ словообразованія, въ отличіе же отъ флективныхъ формъ словоизмѣненія, формы, называемыя мною формами синтактическаго словоизмѣненія, могутъ быть опредѣлены, какъ формы измѣненія словъ, имѣющихъ флективныя формы. Сюда принадлежатъ напр. формы времени и наклоненія въ глаголѣ. Въ формахъ времени и наклоненія обозначаются извѣстныя различія не въ самомъ глаголѣ, но въ цѣломъ словосочетаніи, въ составѣ котораго глаголъ входитъ при посредствѣ своихъ флективныхъ формъ, то есть въ сочетаніи личной формы

глагола съ его подлежащимъ. Формы синтактическаго словоизмѣненія не обозначаютъ слѣдовательно, самаго отношенія одного слова къ другому въ словосочетаніи, какъ это обозначается флективными формами словъ, но онѣ предполагаютъ уже существующимъ синтактическое словосочетаніе и въ этомъ словосочетаніи онѣ обозначаютъ извѣстныя различія въ соотношеніи словъ какъ частей даннаго словосочетанія.

Подобно тому какъ въ формахъ словообразованія и въ формахъ флексіи словъ мы можемъ различать формы производныя и формы мощныя, такъ и въ формахъ синтактическаго словоизмѣненія могутъ быть также различаемы по значенію формы производныя и формы мощныя. Производныя формы синтактическаго словоизмѣненія обозначаютъ нѣчто въ синтактическомъ словосочетаніи, въ составъ котораго входитъ это слово при посредствѣ флективныхъ формъ, по отношенію къ тому же слову, въ томъ же словосочетаніи, но безъ формы синтактическаго словоизмѣненія. Таковы формы косвенныхъ наклоненій по отношенію къ формѣ изъявительнаго наклоненія, которая сама по себѣ не есть форма синтактическаго словоизмѣненія и является по значенію той формой, отъ которой производятся значенія формъ косвенныхъ наклоненій (напр. сослага-

тельнаго и желательнаго), обозначающихъ ту или другую недѣйствительность въ соотношеніи глагола съ его подлежащимъ въ ихъ сочетаніи между собою; тогда какъ въ формы изъявительнаго наклоненія обозначается только сочетаніе глагола съ его подлежащимъ, выражаемое въ флективныхъ формахъ глагола.

Такимъ образомъ производныя формы синтаксическаго словоизмѣненія, образованныя отъ одной и той же флексіи слова, вступаютъ въ соотношенія между собой лишь при посредствѣ этого общаго для нихъ отношенія къ одной и той же флексіи слова. Что же касается формъ моціи синтаксическаго словоизмѣненія, то каждая такая форма обозначаетъ нѣчто въ синтаксическомъ словосочетаніи, въ составъ котораго входитъ это слово, по отношенію къ тому же слову, въ томъ же словосочетаніи, но въ другой формѣ синтаксическаго словоизмѣненія. Таковы напр. формы времени въ глаголѣ, обозначающія то или другое время въ соотношеніи глагола съ его подлежащимъ, напр. форма прошедшаго времени предполагаетъ по значенію въ той же флексіи слова форму непрошедшаго времени, или напр. форма настоящаго времени предполагаетъ по значенію въ той же флексіи слова форму ненастоящаго времени, причемъ ни одна изъ этихъ формъ не производится по значенію отъ другой формы.

Изъ числа всѣхъ этихъ формъ словъ только флективныя формы словъ по самому значенію своему не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ лишь формами цѣлаго слова, не части его; формы же словообразованія въ словахъ, имѣющихъ флективныя формы, оказываются, понятно, по отношенію къ послѣднимъ формамъ, не самихъ словъ, но формами основъ словъ, то есть формами частей словъ. Подобнымъ образомъ и формы синтактическаго словоизмѣненія, предполагающія по своему значенію существованіе въ словахъ флективныхъ формъ, являются по отношенію къ этимъ послѣднимъ формами основъ флективныхъ формъ, то есть формами частей словъ. Поэтому различныя по значенію формы словъ могутъ быть слиты въ словахъ такимъ образомъ, что въ самыхъ флективныхъ формахъ словъ обозначаются и различія словъ въ извѣстныхъ формахъ словообразованія и синтактическаго словоизмѣненія, то есть въ этомъ случаѣ являются въ словахъ формы словообразованія и синтактическаго словоизмѣненія самихъ флективныхъ формъ словъ. Такъ напр. формы числа въ склоняемомъ словѣ принадлежатъ по своему значенію къ формамъ словообразованія, именно къ формамъ словообразовательной мо[?]ціи словъ, а въ индоевропейскихъ языкахъ эти словообразовательныя формы являются словообразовательными формами падежной флек-

сіи словъ.) Или напр. формы времени въ глагол. принадлежатъ по значенію, какъ мы видимъ, къ формамъ синтактическаго словоизмѣненія, именно къ формамъ модуси синтактическаго словоизмѣненія, а въ индоевропейскихъ языкахъ такія формы частью являются формами самой флексіи глагола, какъ скоро различія между формами того или другаго времени или наклоненія выражаются въ различіи самихъ личныхъ суффиксовъ. Понятно, что такого рода формы словообразованія и синтактическаго словоизмѣненія принадлежатъ самой флексіи словъ, но если флексія словъ состоитъ изъ флективныхъ формъ словъ въ ихъ различіяхъ между собою по формамъ словообразованія и синтактическаго словоизмѣненія.

Присутствіе въ языкѣ флексіи словъ образуетъ наиболѣе общее формальное различіе между словами этого языка, такъ какъ различіе между словами въ ихъ формахъ флексіи есть различіе между самими словами, между тѣмъ какъ различіе тѣхъ же словъ въ ихъ формахъ словообразованія и синтактическаго словоизмѣненія являются, какъ мы видѣли, различіемъ не самихъ словъ, но ихъ частей въ словахъ, имѣющихъ флективныя формы.

Формальныя различія между словами называются въ лингвистикѣ различіями частей рѣчи, но если слова различающіяся

между собой по формамъ флексіи, называются въ лингвистикѣ различными частями рѣчи. Наиболѣе общее дѣленіе частей рѣчи въ языкахъ, имѣющихъ флективныя формы словъ есть дѣленіе словъ такого языка на слова, имѣющія флективныя формы, и на слова, неимѣющія флективныхъ формъ; послѣднія называются нарѣчіями въ ихъ отношеніи къ словамъ имѣющимъ флективныя формы, хотя тотъ же терминъ „нарѣчіе" въ обыкновенномъ употребленіи примѣняется не только къ такимъ словамъ, но и къ извѣстному роду флективныхъ формъ словъ; напр. греческія „χθές" и „καλῶς" называются одинаково нарѣчіями, хотя нѣтъ никакого основанія объединять ихъ, какъ части рѣчи, подъ этимъ общимъ названіемъ: если мы назвали „χθές" нарѣчіемъ, то есть словомъ, неимѣющимъ флективныхъ формъ, то „καλῶς" не можетъ быть называемо также нарѣчіемъ, такъ какъ „καλῶς" есть слово въ извѣстной флективной формѣ, находящейся въ связи съ флексіей имени прилагательнаго.

Слова, имѣющія флективныя формы, образуя особую часть рѣчи по отношенію къ нефлективнымъ словамъ того же языка, въ свою очередь могутъ подраздѣляться въ языкѣ на части рѣчи по различію въ ихъ флексіяхъ. Такъ въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ слова распадались въ этомъ отношеніи на слова склоняемыя

и слова спрягаемыя, а въ словахъ склоняемыхъ въ свою очередь различались извѣстныя части рѣчи, какъ мы увидимъ дальше. Слова различающіяся между собой по флексіи и образующія слѣдовательно различныя части рѣчи, могутъ быть связаны между собой по общей основѣ форм различной флексіи. Такого рода связь между собой словъ, принадлежащихъ къ различнымъ частямъ рѣчи, можетъ быть двоякою: или одно слово является при этомъ производнымъ по отношенію къ другому слову, принадлежащему къ другой части рѣчи, (какъ напр. въ числѣ глаголовъ въ индоевропейскомъ языкѣ мы находим между прочимъ глаголы отъименные, т. е. производные отъ именъ, слѣдовательно, отъ словъ, составляющихъ не ту часть рѣчи, какую составляютъ глаголы), или же слова принадлежащія къ различнымъ частямъ рѣчи, могутъ находиться въ соотношеніи лоціи между собой, то есть въ такомъ соотношеніи, при которомъ ни одно изъ двухъ такихъ словъ не является производнымъ отъ другого. Таково напр. соотношеніе, существовавшее въ индоевропейскомъ языкѣ между частью рѣчи, называемою глаголомъ и нѣкими именами прилагательными, которыя называются причастіями: глаголъ въ личныхъ формахъ и причастіе принадлежатъ, какъ слова, къ различнымъ частямъ рѣчи, связанныя между собою по общей основѣ формъ той или другой флексіи, и эта связь

глагола съ причастіемъ есть связь моціи, такъ какъ глаголъ въ личныхъ формахъ и причастіе находятся въ соотношеніи между собой по общей основѣ той и другой флексіи, причемъ слѣдовательно одна изъ этихъ флексій предполагаетъ по значенію существованіе другой флексіи.)

Въ лингвистикѣ нѣтъ какихъ либо принятыхъ терминовъ для обозначенія тѣхъ классовъ словъ, которые заключаютъ въ себѣ различныя части рѣчи, находящіяся между собой въ соотношеніи моціи. Отсутствіе терминовъ для обозначенія фактовъ моціи частей рѣчи ведетъ за собой между прочимъ то, что терминъ, обозначающій собственно извѣстную часть рѣчи, употребляется между прочимъ и для названія различныхъ частей рѣчи, находящихся между собой въ соотношеніи моціи. Такъ напр. терминъ „глаголъ", обозначающій собственно спрягаемое слово въ его отличіи отъ склоняемаго слова, употребляется между прочимъ такъ, что причастіе разсматривается, какъ извѣстная форма глагола, но въ этомъ случаѣ „глаголъ" обозначаетъ уже не часть рѣчи, но что-то другое.

До сихъ поръ я разсматривалъ формальный составъ словъ простыхъ производныхъ, или словъ производныхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого термина. Простое производное слово, какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ одну такую часть-

аффиксъ, которая обозначаетъ нѣчто въ другой части слова, въ основѣ слова; формальный составъ простыхъ производныхъ словъ соотвѣтствуетъ, какъ мы видѣли, тому неформальному составу словъ, названныхъ мной составными, при которомъ значеніе одной части слова составляетъ часть значенія другой части слова. Но какъ въ словахъ составныхъ кромѣ такого состава словъ возможенъ и другой, при которомъ значенія частей слова являются частями значенія цѣлаго составнаго слова, такъ и въ словахъ съ формальнымъ составомъ, возможенъ такой составъ словъ, при которомъ части слова обозначаютъ нѣчто въ цѣломъ словѣ. Таковы производныя слова, называемыя сложными словами.

Сложныя слова имѣютъ тѣже формы словоизмѣненія какъ и простыя производныя слова, и отличіе ихъ отъ послѣднихъ заключается въ формахъ образованія словъ. Подобно тому какъ простыя производныя слова заключаютъ въ себѣ двѣ части самого слова - основу и аффиксъ, такъ и сложныя слова имѣютъ двѣ части самого слова, для которыхъ не существуетъ въ лингвистикѣ особыхъ названій. Мы будемъ называть части сложнаго слова - первой и второй частью. Первая часть сложнаго слова, которая въ свою очередь можетъ быть сложной, есть такая часть, которая обозначается въ словѣ въ качествѣ части слова, а вторая

часть сложнаго слова есть часть слова, къ которой относится его первая часть. Объ эти части въ ихъ взаимномъ отношеніи даютъ слову форму сложнаго слова, подобно тому какъ части, называемыя основой и аффиксомъ, даютъ слову форму производнаго слова въ тѣсномъ смыслѣ этого термина. Отношеніе первой части ко второй въ сложномъ словѣ можетъ обозначаться какъ въ самой первой части, такъ и въ ея сочетаніи со второй частью сложнаго слова. Въ русскихъ сложныхъ словахъ, напр. „водовозъ", „трубочистъ", первая часть сложнаго слова въ самой себѣ заключаетъ обозначеніе именно первой части сложнаго слова; какъ напр. въ словѣ „водовозъ" - основа - водо являетсл основой слова въ словосложеніи, въ отличіе отъ основы вод - какъ основы простыхъ производныхъ словъ, напр. вода, воды, водяной. Въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ формы словосложенія заключались еще не въ первой части сложнаго слова, но въ сочетаніи этой первой части со второй. Первая часть сложнаго слова въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ была, правда, сама не словомъ, но основой слова, то есть частью слова, но эта часть слова не заключала сама въ себѣ обозначенія части именно сложнаго слова, такъ какъ та же основа существовала и въ сочетаніи съ аффиксомъ въ словахъ производныхъ несложныхъ. Различіе между основой простаго производнаго слова и первой частью сложнаго слова - опре-

дѣлялось здѣсь, слѣдовательно, изъ отношенія какой части слова къ другой части слова. Въ сочетаніи съ аффиксомъ основа слова являлась основой простаго производнаго слова; въ сочетаніи же съ другимъ словомъ также основа становилась первой частью сложнаго слова. Итакъ сложное слово должно имѣть въ себѣ одну такую часть, которая обозначается какъ часть слова, хотя бы она не обозначалась въ качествѣ части именно сложнаго слова и становилась таковой лишь при посредствѣ соединенія со второй частью. Что касается этой второй части сложнаго слова, то сама по себѣ она можетъ быть отдѣльнымъ словомъ, которое становится частью сложнаго слова лишь при посредствѣ первой части. Такъ напр. въ русскомъ сложномъ словѣ „ледоходъ" вторая часть - <u>ходъ</u> - сама по себѣ есть отдѣльное слово, которое въ данномъ случаѣ является частью сложнаго слова лишь при посредствѣ первой части - <u>ледо</u>, въ которой обозначается, что это часть сложнаго слова. Но вторая часть сложнаго слова можетъ заключить въ себѣ также и обозначеніе части, существующей въ сложномъ словѣ. Такъ напр. въ русскихъ сложныхъ словахъ „водовозъ", „трубочистъ" вторая часть - <u>возъ</u>, <u>чистъ</u> - имѣетъ извѣстную словообразовательную форму въ качествѣ именно второй части сложнаго слова. Такимъ образомъ сложныя слова кромѣ формы словосо-

[?]ніи, заключающейся въ первой части ихъ въ сочетаніи со второй частью, имѣютъ и форму сложнаго словообразованія, принадлежащую второй части такого слова въ ея соединеніи съ первой частью. Отъ формы сложнаго словообразованія должны быть отличаемы, понятно, тѣ формы словообразованія, которыя можетъ получать сложное слово уже образованное, безъ отношенія къ своему составу; такія формы не отличаются отъ словообразовательныхъ формъ, существующихъ въ производныхъ несложныхъ словахъ, напр. „водовозный". Въ этомъ случаѣ изъ сложнаго слова образуется простое производное слово, которое ничѣмъ не отличается отъ простаго производнаго слова, образованнаго отъ слова несложнаго.

Въ сложныхъ словахъ мы можемъ различать два рода словосложенія, - словосложеніе, образующее отдѣльное слово безъ отношенія его къ словосочетанію, и словосложеніе, образующее отдѣльное слово въ словосочетаніи. Въ русскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, мы находимъ лишь сложныя слова перваго рода. Подобнымъ образомъ и въ большинствѣ другихъ языковъ, имѣющихъ сложныя слова, эти сложныя слова принадлежатъ къ первому роду, то есть къ сложнымъ словамъ, являющимся отдѣльными словами безъ отношенія къ словосочетанію. Сложныя же слова втораго рода, которыя въ отличіе отъ сложныхъ словъ перваго рода, мы мо-

этимъ называть „синтактическими" сложными словами, существують во многихъ американскихъ языкахъ. Вамъ извѣстно, что терминъ „американскіе" языки есть терминъ этнографическій, – такъ называются всѣ языки, которые мы находимъ у племенъ американской расы, безъ отношенія къ генеалогіи языковъ. Значительное большинство американскихъ языковъ и притомъ между прочимъ тѣ, родство которыхъ между собой, по крайней мѣрѣ пока, остается неизвѣстнымъ, – представляютъ въ тоже время сходство между собою въ образованіи синтактическихъ сложныхъ словъ и этимъ рѣзко отличаются отъ другихъ языковъ. Въ синтактическомъ сложномъ словѣ въ первой части сложнаго слова (а эта часть въ свою очередь можетъ быть сложною), обозначается отношеніе одного слова, какъ части сложнаго слова, къ такому слову, которое существуетъ въ языкѣ лишь въ формахъ словоизмѣненія, то есть въ извѣстномъ отношеніи къ другому слову въ словосочетаніи. Первая часть такого сложнаго слова предполагаетъ, слѣдовательно, присутствіе во второй части формы словоизмѣненія; а вторая часть сама по себѣ является словомъ несамостоятельнымъ, то есть существующимъ въ языкѣ лишь въ формахъ словоизмѣненія. Вторая часть такого сложнаго слова американскихъ языковъ заключаетъ въ себѣ именно такія формы словоизмѣненія, которыя соотвѣтствуютъ до

извѣстной степени формамъ нашихъ глагольныхъ словъ и потому эта часть можетъ быть переводима на наши языки глагольнымъ словомъ, - личной формой, причастіемъ, инфинитивомъ.

Что же касается первой части синтактическаго сложнаго слова, то она въ нашихъ языкахъ можетъ быть передаваема лишь отдѣльными словами, составляющими дополненіе въ словосочетаніи. Напр. въ соотвѣтствіи съ нашимъ „преклонметъ передъ нимъ колѣна" {Whitney - Leskien, Leben und Wachsthum der Sprache, стр. 277,} въ американскихъ языкахъ возможно одно сложное слово, первая часть котораго въ нашихъ языкахъ не можетъ быть передана иначе, какъ отдѣльными словами, составляющими дополненіе въ словосочетаніи („передъ нимъ", „колѣна"). Мы можемъ представить себѣ до извѣстной степени такое слово, если бы предположили, что вмѣсто „пьетъ воду" мы могли бы сказать „водпьетъ", и если бы мы предположили, что основа „вод" обозначала бы первую часть синтактическаго сложнаго слова въ отличіе отъ „вода". Въ американскихъ языкахъ первая часть синтактическаго сложнаго слова обозначается въ этомъ качествѣ именно при посредствѣ того, что то самое слово, которое, взятое само по себѣ, заключаетъ въ себѣ основу и извѣстный аффиксъ, - имѣетъ въ качествѣ первой части синтактическаго слова

ту же основу безъ аффикса, и этого отсутствіе аффикса обозначаетъ здѣсь, слѣдовательно, первую часть синтактическаго сложнаго слова въ ея отличіи отъ отдѣльнаго слова. Американскіе языки, имѣющіе сложныя слова такого рода, называются въ лингвистикѣ языками полисинтетическими.

Мы видѣли, что разсмотрѣнные нами до сихъ поръ два рода формальнаго состава словъ являющіеся въ словахъ производныхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого термина и въ словахъ сложныхъ, соотвѣтствуютъ ~~двумъ~~ тѣ двумъ родамъ неформальнаго состава словъ, названныхъ мною словами составными. Но слова съ формальнымъ составомъ представляютъ и третій родъ состав~~ныхъ~~ словъ, для котораго не можетъ быть соотвѣтствія въ словахъ съ неформальнымъ составомъ.

Сюда принадлежатъ тѣ производныя слова, которыя заключаютъ въ себѣ, въ качествѣ части слова, частицу, то есть слово обозначающее нѣчто въ сочетаніи значеній (см. о частицахъ выше). Въ языкахъ, неимѣющихъ формальнаго состава словъ, частица, какъ отдѣльное слово съ частичнымъ значеніемъ, и частица, какъ часть другаго слова по его значенію, не могутъ быть, понятно, различаемы по отношенію къ какимъ бы то ни было частицамъ; то есть другими словами, различая въ словахъ такого языка слова съ полнымъ

значеніемъ и слова частицы, мы этимъ самымъ устраняемъ возможность разсматривать здѣсь какія бы то ни было частицы въ качествѣ частей словъ, такъ какъ если всякая частица сама по себѣ есть отдѣльное слово извѣстнаго рода по своему значенію, то она не можетъ быть въ тоже время принимаема за часть другого слова по его значенію; а понятно, что въ языкѣ, не имѣющемъ формальнаго состава словъ, части словъ могутъ быть лишь частями значенія слова, а не частями самого слова. Тоже касается языковъ съ формальнымъ составомъ словъ, но здѣсь такія частицы, которыя обозначаютъ въ сочетаніи значеній, данномъ въ опытѣ, отношеніе одного значенія къ другому (или отрицаніе такого отношенія), могутъ становиться частью самихъ словъ и въ этомъ ихъ употребленіи называются „приставками". Такое употребленіе частица получаетъ, когда производное слово, съ которымъ она соединена по значенію, является само частью слова, такъ что при посредствѣ этой части слова и соединенная съ ней частица становится также частью самого слова, - приставкой, хотя разсматриваемая отдѣльно отъ другой части такого слова, приставка ничѣмъ не обнаруживаетъ себя въ качествѣ части самого слова, но есть ничѣмъ не отличается отъ частицы, какъ отдѣльнаго слова. Такъ напр.

въ русскихъ словахъ „безрукій", „безногій" слово-образовательныя формы заключающіяся въ частяхъ -<u>рукій</u>, <u>ногій</u> - обозначаютъ вторую часть слова въ словосложеніи, вслѣдствіе чего и часть <u>без</u> является не отдѣльнымъ словомъ, но частью самого слова, такъ называемой „приставкой". Точно также въ русскихъ словахъ „принесу", „привезу", - <u>при</u> - не есть частица, какъ отдѣльное слово, но приставка, то есть извѣстная часть самого слова, такъ какъ въ „несу", „веду" здѣсь заключается извѣстная словообразовательная форма съ извѣстнымъ значеніемъ (именно формы извѣстнаго вида), принадлежащая „несу", „веду" лишь какъ второй части слова, имѣющаго первой частью приставку. Слѣдовательно, частица становится частью самого слова, приставкой, вслѣдствіе того, что соединяется съ словамъ, имѣющимъ или вообще форму второй части сложнаго слова, или предполагающимъ по своей формѣ присутствіе въ самомъ словѣ приставки, какъ первой части. Частицы, обозначающія данныя въ опытѣ отношенія значеній въ сочетаніи значеній, въ языкахъ, имѣющихъ флективныя формы словъ, могутъ становиться частями и этихъ флективныхъ формъ словъ. Это происходитъ тогда, когда флективная форма слова предполагаетъ по своему значенію присутствіе такой частицы при данномъ словѣ, такъ

что при посредствѣ этого значенія флектив-
ной формы слова, такая частица стано-
вится не отдѣльнымъ словомъ, но частью
формы, другую часть которой составляетъ
флективная форма слова. Частицы въ та-
комъ употребленіи могутъ быть называемы
приставками флективныхъ формъ словъ.
Таковы предлоги въ ихъ сочетаніи съ падеж-
ными формами, какъ приставки падежныхъ
формъ. Напр. въ русскомъ языкѣ падежная
форма, называемая формой предложнаго па-
дежа, обозначаетъ извѣстное отношеніе въ
словосочетаніи склоняемаго слова не самого
по себѣ, но въ соединеніи съ частицами, обозна-
чающими извѣстныя отношенія значеній.

Въ заключеніе этого обзора состава словъ
и ихъ частей я долженъ указать еще на та-
кія формальныя слова, которыя по ихъ зна-
ченію являются частью другихъ словъ. Фор-
мальными словами я называю вообще та-
кія слова, которыя обозначаютъ нѣчто въ
другихъ словахъ, какъ словахъ, и являются
слѣдовательно, частями формъ словъ; при
чемъ формальныя слова могутъ быть частя-
ми формъ отдѣльныхъ словъ не въ словосочета-
ніи, или же въ словосочетаніи, или же наконецъ
частями формъ самихъ словосочетаній. О
формальныхъ словахъ двухъ послѣднихъ ро-
довъ, существующихъ лишь въ словосочетаніяхъ,
я буду говорить далѣе при обзорѣ словосочета-

ній; а пока укажу на формальныя слова, которыя обозначаютъ нѣчто въ другихъ словахъ не въ словосочетаніи. Сюда принадлежатъ именно тѣ формальныя слова, которыя обозначаютъ другое слово, какъ слово самостоятельное, въ его отличіи отъ словъ несамостоятельныхъ, но есть такихъ, которыя существуютъ въ языкѣ лишь въ словосочетаніяхъ. Таково въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ то формальное слово, несуществовавшее еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, которое называютъ членомъ, и которое въ свою очередь можетъ представлять извѣстныя различія въ значеніи (членъ опредѣленный и неопредѣленный).

Значеніе члена состоитъ въ обозначеніи того слова, съ которымъ онъ соединяется, какъ слова самостоятельнаго; такъ что въ сочетаніи напр. имени существительнаго съ членомъ, членъ составляетъ такую часть въ этомъ соединеніи словъ, которая обозначаетъ нѣчто въ другомъ словѣ, въ имени существительномъ, вслѣдствіе чего это другое слово при посредствѣ члена становится такою частью такого соединенія словъ.

Перехожу теперь къ словосочетаніямъ. Словосочетаніями въ отличіе отъ отдѣльныхъ словъ я называю такія соединенія словъ, въ которыхъ отдѣльныя слова являются частями цѣлаго словосочетанія. Части словосо-

четанія могутъ быть или частями значенія словосочетанія, или частями самого словосочетанія, какъ сочетанія самихъ словъ, точно также какъ и части словъ могутъ быть, какъ мы видѣли, или частями значенія словъ, или частями самихъ словъ. Не трудно понять, что существованіе словосочетаній второго рода, то есть такихъ, части которыхъ являются частями сочетаній самихъ словъ, предполагаетъ присутствіе различія между самими словами, то есть предполагаетъ присутствіе формъ словъ. Поэтому въ языкѣ, не имѣющемъ формальнаго состава словъ, невозможны и такія словосочетанія, частями которыхъ являются отдѣльныя слова. Но въ тоже время лишь въ такомъ языкѣ могутъ существовать такія словосочетанія, частями которыхъ являются значенія отдѣльныхъ словъ. Со словосочетаніями не слѣдуетъ, понятно, смѣшивать сочетанія значеній словъ. Поэтому и частицы, то есть слова, обозначающія нѣчто въ сочетаніи значеній словъ, принадлежатъ не къ частямъ словосочетанія, но къ частямъ сочетанія значеній словъ. То есть если намъ даны слова, связанныя между собою по значенію при посредствѣ частицъ, то такія слова не составляютъ еще словосочетанія, какъ извѣстнаго факта языка, отличающагося отъ отдѣльныхъ словъ. Но въ такомъ случаѣ можно спросить, конечно, какъ же полу-

чаются такія словосочетанія, частями которыхъ являются значенія отдѣльныхъ словъ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я обращусь опять къ тому-же языку, на который я указывалъ прежде, какъ на одинъ изъ языковъ, неимѣющихъ формальнаго состава словъ. Если въ словахъ китайскаго языка нѣтъ частей самихъ словъ, то есть если слова здѣсь не различаются между собою, какъ слова, то, слѣдовательно, здѣсь невозможно и различіе между словосочетаніями, какъ сочетаніями различныхъ между собою словъ. Но словосочетаніе, какъ фактъ языка, отличающійся отъ отдѣльныхъ словъ, здѣсь всетаки существуетъ; а именно: порядокъ словъ даетъ здѣсь словамъ извѣстныя значенія въ качествѣ частей извѣстнаго словосочетанія. Такъ напр. китайскія слова, соотвѣтствующія по ихъ значенію нашимъ словамъ „я", „видѣть", „ты" (въ ихъ реальномъ значеніи, понятно, такъ какъ формъ словъ въ китайскомъ языкѣ нѣтъ), — въ этомъ порядкѣ „я", „видѣть", „ты" — образуютъ словосочетаніе, соотвѣтствующее по значенію нашему словосочетанію — „я вижу тебя" (по его реальному значенію). Между тѣмъ какъ тѣ же китайскія слова въ порядкѣ — „ты", „видѣть", „я" образуютъ словосочетаніе, соотвѣтствующее нашему словосочетанію — „ты видишь меня" (по его реальному значенію). Отсюда мы видимъ, что различный порядокъ словъ

въ китайскомъ языкѣ обозначаетъ различіе словъ по ихъ отношеніямъ въ сочетаніи реальныхъ значеній и въ нашемъ примѣрѣ порядкомъ словъ обозначается различіе между субъектомъ и объектомъ переходнаго аттрибута. Различныя отношенія значеній словъ сами по себѣ не образуютъ, какъ мы знаемъ, словосочетаній. Но въ данномъ случаѣ различныя отношенія значеній словъ обозначаются въ различномъ   порядкѣ) словъ, а отношеніе словъ - это, понятно, уже фактъ языка, существующій не въ отдѣльныхъ словахъ, но въ сочетаніяхъ отдѣльныхъ словъ, то есть въ такъ называемыхъ много-словосочетаніяхъ. Иначе, тѣ словосочетанія, частями которыхъ являются отдѣльныя слова въ ихъ отношеніи по значеніямъ образуются посредствомъ различія въ порядкѣ этихъ словъ, то есть части такого словосочетанія заключаются въ отношеніи значенія одного слова къ значенію другаго слова по порядку, въ которомъ эти слова слѣдуютъ одно за другимъ. Въ отличіе отъ формальныхъ словосочетаній (о которыхъ я скажу далѣе) -эти не формальныя, но реальныя словосочетанія могли бы получить въ лингвистикѣ и особое названіе, но такого названія нѣтъ для нихъ, а терминъ „предложеніе" примѣняющійся въ лингвистахъ къ формальному словосочетанію, но этому самому не долженъ

быть распространяемъ на словосочетанія не формальныя.

Перехожу теперь къ тѣмъ словосочетаніямъ, частями которыхъ являются сами слова въ ихъ отношеніяхъ между собою, въ сочетаніи отдѣльныхъ словъ.

Сообразно съ тѣмъ значеніемъ терминовъ „форма", „формальный" въ примѣненіи къ фактамъ языка, которое я разъяснилъ прежде, такія словосочетанія оказываются, слѣдовательно, сочетаніями формъ словъ, или иначе формальными словосочетаніями. Всякое формальное словосочетаніе, не составляющее части другого словосочетанія, я называю „предложеніемъ", какъ напр. въ русскомъ языкѣ предложеніемъ является не только такое словосочетаніе, какъ „птица летитъ" или „погода хороша", но также и такое, какъ напр. „хорошая погода", какъ скоро мы беремъ такое формальное словосочетаніе не въ качествѣ части другого словосочетанія, между тѣмъ какъ въ формальномъ словосочетаніи „была хорошая погода" словосочетаніе „хорошая погода" само по себѣ не составляетъ предложенія, такъ какъ образуетъ часть въ другомъ формальномъ словосочетаніи.

Опредѣляя предложеніе, какъ такое формальное словосочетаніе, которое не составляетъ части въ другомъ словосочетаніи, я имѣю въ виду то употребленіе этого термина, какое

онъ между прочимъ, дѣйствительно, имѣетъ въ лингвистикѣ, хотя обыкновенно опредѣляютъ предложеніе иначе, причемъ смѣшиваютъ съ предложеніемъ въ указанномъ смыслѣ извѣстный видъ формальныхъ словосочетаній и признаки этого вида предполагаютъ существующими во всѣхъ предложеніяхъ, какъ формальныхъ сочетаніяхъ, не составляющихъ части другаго словосочетанія. Вамъ извѣстно, что предложеніе опредѣляютъ, какъ сужденіе въ словахъ; какъ скоро при такомъ опредѣленіи предложенія берется реальное сужденіе въ словахъ, то есть сужденіе значеній словъ, такое предложеніе не составитъ факта языка, такъ какъ самое реальное сужденіе не есть фактъ языка. Напр. слова „орелъ птица" или „птица орелъ" хотя бы я высказывалъ въ нихъ сужденіе, не составляютъ словосочетанія, какъ факта языка, такъ какъ оба эти слова являются здѣсь словами отдѣльными, ничѣмъ не связанными между собой въ качествѣ частей словосочетанія. Присутствіе въ словахъ реальнаго сужденія не только не отличаетъ словъ, взятыхъ въ такомъ сужденіи, отъ тѣхъ же словъ не въ сужденіи, но этотъ признакъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ принадлежность сочетанія словъ въ отличіе отъ одного слова, такъ какъ реальное сужденіе можетъ заключаться и въ одномъ словѣ, напр. въ одномъ словѣ „орелъ", „птица" можетъ заключаться;

альное сужденіе. И такъ всякая попытка опредѣлять предложеніе, какъ извѣстный фактъ языка по отношенію къ заключающемуся въ немъ реальному сужденію была бы ошибочной и смѣшивала бы факты языка съ фактами, не принадлежащими языку. Какъ скоро же предложеніе опредѣляется какъ сужденіе о самихъ словахъ, то есть какъ формальное сужденіе словъ, то при такомъ опредѣленіи „предложеніе" является дѣйствительно фактомъ языка, понятно такого языка, въ которомъ слова различаются, какъ слова, то есть различаются по формамъ словъ, и противъ употребленія термина „предложеніе" въ лингвистикѣ въ такомъ значеніи нельзя было бы ничего выразить; обыкновенно однако при опредѣленіи предложенія, какъ сужденія въ словахъ, недостаточно отличаютъ два рода сужденій въ словахъ - сужденіе реальное и сужденіе формальное. Затѣмъ предложеніе, какъ формальное сужденіе словъ болѣе или менѣе отождествляется со всякимъ формальнымъ словосочетаніемъ, не составляющимъ части другаго словосочетанія, а въ такомъ взглядѣ на предложеніе въ языкѣ заключается уже ошибка.

Всякое формальное словосочетаніе обозначаетъ то или другое отношеніе словъ какъ словъ, въ ихъ сочетаніи между собою, а слова, какъ слова, различаются между собой по фор-

мамъ и слѣдовательно формальное словосочетаніе обозначаетъ то или другое сочетаніе формъ отдѣльныхъ словъ въ сочетаніи этихъ формъ между собою. Въ формальномъ словосочетаніи, разсматриваемомъ со стороны значенія, является слѣдовательно отношеніе значеній формъ словъ въ сочетаніи представленій формъ словъ; а отношеніе одного представленія къ другому можетъ основываться какъ на сознательной ассоціаціи этихъ представленій въ процессѣ сужденія, такъ и на безсознательной ассоціаціи вслѣдствіе даннаго въ опытѣ сочетанія этихъ представленій. Такимъ образомъ и отношенія значеній формъ словъ могутъ быть какъ отношеніями сознательной ассоціаціи въ сужденіи такихъ значеній, такъ и отношеніями ихъ безсознательной ассоціаціи, заключающейся въ данныхъ опыта, то есть формальныя сочетанія словъ могутъ выражать не только отношеніе одной формы слова къ другой, какъ сказуемаго къ подлежащему въ сочетаніи представленій этихъ формъ словъ, но и всякое другое отношеніе, возможное между представленіями формъ словъ, какъ и между всякими другими представленіями.

Всякое отношеніе одного представленія къ другому, какъ отношеніе является однимъ и тѣмъ же, но есть напр. отношеніе сознательной ассоціаціи представленій въ сужденіи, какъ отношеніе, не отличается отъ отношенія безсо-

знательной ассоціаціи представленій; различные по происхожденію виды отношеній сами по себѣ, какъ отношенія, остаются одни и тѣже, что есть отношеніе представленій, называемое нами аттрибутивнымъ отношеніемъ, какъ отношеніе не отличается напр. отъ отношенія представленій по смежности или по сходству. Эти различія между отношеніями представленій, что есть различіе напр. между сознательной ассоціаціей и безсознательной основаны на различномъ происхожденіи этихъ отношеній и не даются поэтому непосредственно въ самомъ чувствѣ отношенія. Различіе же отношеній представленій, сознаваемое нами непосредственно, или данное въ самомъ отношеніи представленій, основывается на различіяхъ, существующихъ внутри одного и тогоже сочетанія представленій или на различіи въ тѣхъ представленіяхъ, къ которымъ относится одно и тоже представленіе.

Поэтому и въ формальныхъ словосочетаніяхъ мы не можемъ искать обозначенія напр. предикативнаго отношенія между формами словъ въ его отличіи отъ какого либо другаго по происхожденію отношенія формъ словъ, но мы можемъ найти здѣсь или обозначеніе вообще отношенія формъ словъ въ словосочетаніи, въ отличіе отъ тѣхъ же формъ словъ, взятыхъ безъ отношенія къ словосочетанію, или мы найдемъ обозначеніе различій внутри одного и то-

го же сочетанія формъ словъ, или наконецъ найдемъ обозначеніе различія въ отношеніи одной и той же формы слова къ различнымъ формамъ словъ въ словосочетаніи.

И такъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что нельзя отождествлять предложенія, какъ формальныя словосочетанія, не составляющія части другихъ словосочетаній, съ формальными сужденіями словъ, такъ какъ послѣднія составляютъ лишь одинъ изъ видовъ формальныхъ словосочетаній, и присутствіе въ языкѣ формальныхъ словосочетаній не указываетъ непремѣнно на то, что такой языкъ имѣетъ формальныя сужденія словъ, что есть языки въ которомъ существуютъ формальныя словосочетанія, можетъ не имѣть однако формальныхъ сужденій словъ; съ другой стороны присутствіе въ языкѣ формальныхъ сужденій словъ можетъ не исключать существованія въ томъ же языкѣ такихъ формальныхъ словосочетаній, не составляющихъ части другаго словосочетанія, которыя не принадлежатъ къ формальнымъ сужденіямъ словъ, - примѣры представляетъ русскій языкъ. При той шаткости значенія, которую представляетъ терминъ „предложеніе" въ примѣненіи къ фактамъ языка, мы можемъ съ одинаковымъ правомъ воспользоваться имъ или для обозначенія формальнаго словосочетанія, не составляющаго части другаго словосочетанія, или для обозначенія формальнаго суж-

денія слов. Я беру этотъ терминъ въ первомъ значеніи, но съ такимъ же правомъ мы могли бы употребить его и для обозначенія формальнаго сужденія словъ, причемъ являлась бы надобность въ новомъ терминѣ для обозначенія такого формальнаго словосочетанія, которое не составляетъ части другаго словосочетанія. Важно во всякомъ случаѣ не смѣшивать оба эти возможныя употребленія термина „предложеніе" и остановиться на томъ или другомъ изъ нихъ.

Предложеніе, какъ формальное сужденіе словъ, заключаетъ въ себѣ части: подлежащее и сказуемое, сочетаніе которыхъ и составляетъ сужденіе. Предложеніе, какъ формальное словосочетаніе, не составляющее части другаго словосочетанія, можетъ не имѣть въ себѣ подлежащаго и сказуемаго, такъ какъ можетъ не быть формальнымъ сужденіемъ словъ; напр. „хорошая погода" въ отличіе отъ „погода хороша".

Отсюда уже видно, къ какимъ недоразумѣніямъ можетъ вести при опредѣленіи частей того или другаго формальнаго словосочетанія такое употребленіе термина „предложеніе", при которомъ формальныя сужденія словъ смѣшиваются съ другими формальными словосочетаніями.

И такъ мы видимъ, что формальное словосочетаніе, не составляющее части другаго словосочетанія, не должно быть отождествляемо съ формальнымъ сужденіемъ словъ. Затѣмъ,

изъ того, что сказано прежде о формальном сужденіи словъ, слѣдуетъ, что въ этихъ формальныхъ словосочетаніяхъ нельзя искать обозначенія самаго предикативнаго отношенія одной формы слова къ другой. Мы видѣли, что различныя по происхожденію отношенія представленій, какъ отношенія не отличаются одна отъ другихъ и не могутъ быть слѣдовательно обозначаемы, какъ отношенія различныя, то есть предикативное отношеніе представленій или отношеніе одного представленія къ другому въ сознательной ассоціаціи представленій въ сужденіи, не можетъ быть обозначаемо само по себѣ въ его отличіи отъ отношенія представленій въ безсознательной ихъ ассоціаціи. Формальныя сужденія словъ получаются слѣдовательно не вслѣдствіе обозначенія предикативнаго отношенія одной формы слова къ другой, но вслѣдствіе обозначенія въ формальныхъ словосочетаніяхъ такихъ различій между ними, какія существуютъ лишь въ сужденіяхъ.

Въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ формальное сужденіи словъ получалось вслѣдствіе присутствія въ формальномъ словосочетаніи глагола, и въ глаголѣ выражалось сказуемое такого сужденія; но глаголъ являлся сказуемымъ въ такомъ формальномъ словосочетаніи не потому чтобы онъ имѣлъ какую нибудь форму, обозначающую само предика-

тивное отношеніе, но потому что въ немъ были формы, обозначавшія извѣстныя различія въ сочетаніи глагола, какъ сказуемаго съ его подлежащимъ, и такими формами были именно формы времени и наклоненія, о которыхъ я упоминалъ при обзорѣ формъ словъ. Если мы отбросимъ изъ числа формъ, составлявшихъ глаголъ въ индоевропейскомъ языкѣ, формы времени и наклоненія, то не найдемъ въ остающихся формахъ ни одной, въ которой мы могли бы признать обозначеніе глагола, какъ сказуемаго: въ формахъ лица напр. обозначается отношеніе глагола къ личнымъ или неличнымъ словамъ въ словосочетаніи, но изъ этихъ отношеній глаголъ не опредѣляется, какъ сказуемое; только формы времени и наклоненія индоевропейскаго глагола дѣлали изъ личныхъ формъ глагола формы сказуемаго, такъ какъ обозначали въ сочетаніи глагола съ личнымъ или не личнымъ словомъ извѣстныя различія, существующія въ соотношеніи членовъ сужденія.

Всякое формальное словосочетаніе состоитъ изъ двухъ частей, взаимное отношеніе которыхъ даетъ сочетанію отдѣльныхъ словъ форму словосочетанія. Въ одной изъ этихъ частей обозначается отношеніе одного слова къ другому въ формальномъ словосочетаніи, но есть одна изъ частей формальнаго словосочетанія обозначается непосредственно какъ

часть словосочетанія, другая же часть формальнаго словосочетанія, къ которой относится первая часть, становится частью словосочетанія лишь при посредствѣ первой части, такъ какъ сама въ себѣ не заключаетъ обозначенія части словосочетанія. Какъ всякое формальное словосочетаніе, такъ и предложеніе, то есть формальное словосочетаніе, не составляющее части другаго словосочетанія, имѣетъ въ себѣ тѣже двѣ части, причемъ каждая изъ этихъ частей можетъ быть не только отдѣльнымъ словомъ, но въ свою очередь также формальнымъ словосочетаніемъ. Въ лингвистикѣ нѣтъ какихъ либо принятыхъ терминовъ для обозначенія частей всякаго формальнаго словосочетанія въ указанномъ различіи ихъ между собой. Ту часть формальнаго словосочетанія, къ которой относится другая часть, мы можемъ называть главной частью формальнаго словосочетанія, а часть, относящуюся къ этой главной части, можно называть дополненіемъ, какъ между прочимъ и употребляется этотъ терминъ съ извѣстнымъ ограниченіемъ (дополненіе къ имени называется опредѣленіемъ). Такъ какъ формальное сужденіе словъ есть одинъ изъ видовъ формальнаго словосочетанія, то и здѣсь являются тѣже части словосочетанія, то есть главная часть и дополненіе, но такъ какъ для частей формальнаго сужденія словъ существуютъ

названія, обозначающія эти части въ качествѣ частей именно сужденія (подлежащее и сказуемое), то нѣтъ надобности примѣнять къ нимъ болѣе общія названія частей всякаго формальнаго словосочетанія. (Главной частью въ формальномъ сужденіи является подлежащее, дополненіемъ является сказуемое). Подобно тому, какъ всякое формальное словосочетаніе, не составляющее формальнаго сужденія словъ, можетъ быть, какъ я говорилъ, частью другаго формальнаго словосочетанія, такъ и формальное сужденіе словъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія, то есть формальное сужденіе словъ не образуетъ непремѣнно предложенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ я употребляю этотъ терминъ, то есть въ примѣненіи къ формальнымъ словосочетаніямъ, не составляющимъ части другаго словосочетанія. Напр. формальное сужденіе словъ „книга лежитъ" въ предложеніи „книга лежитъ на столѣ" образуетъ само часть этого предложенія, именно главную, къ которой относится дополненіе „на столѣ." Такимъ образомъ касательно ошибочнаго смѣшенія формальныхъ сужденій словъ съ предложеніями, какъ формальными словосочетаніями, не составляющими части другаго словосочетанія, надо замѣтить то, что смѣшеніе послѣднихъ съ первыми заключаетъ въ себѣ ту ошибку, что при этомъ

въ формальныхъ сужденіяхъ словъ видимъ такія словосочетанія, которыя будто бы сами по себѣ не могутъ составить части другаго словосочетанія. Та часть формальнаго словосочетанія, которую я называю дополненіемъ, должна заключать въ себѣ понятно форму, которого обозначается отношеніе одного слова, какъ слова, къ другому, главной части словосочетанія; таковы въ словахъ тѣ формы, которыя называются флективными формами словъ, какъ напр. падежныя формы имени, личныя формы глагола. Флективная форма слова образуетъ, слѣдовательно, изъ отдѣльнаго слова, какъ слова, часть формальнаго словосочетанія, именно часть называемую дополненіемъ. Но не однѣ флективныя формы слова могутъ обозначать дополненіе въ формальномъ словосочетаніи: въ такомъ же значеніи могутъ существовать формы, частями которыхъ являются: отдѣльное слово въ формѣ не флективной и формальное слово, обозначающее въ формѣ перваго слова дополненіе словосочетанія. Я говорилъ въ прошлый разъ, что формальныя слова - это такія слова, которыя обозначаютъ нѣчто въ другихъ словахъ, какъ словахъ, то есть обозначаютъ нѣчто въ формахъ другихъ словъ; формальныя слова предполагаютъ слѣдовательно существованіе формъ другихъ словъ.

Формальнымъ словамъ, какъ словамъ, обозна-

чающимъ нѣчто въ формахъ другихъ словъ, и имѣющимъ, слѣдовательно значенія отдѣльно отъ формъ другихъ словъ, соотвѣтствуютъ по этой частичности значенія тѣ слова, которыя называются частицами и которыя обозначаютъ нѣчто въ другихъ значеніяхъ словъ, такъ что формальныя слова могутъ быть названы и называются между прочимъ формальными частицами, хотя это названіе не принято распространять на такія формальныя слова, которыя сами имѣютъ формы словъ, напр. на членъ. Понятно, что формальныя слова, или формальныя частицы, не принадлежатъ къ числу отдѣльныхъ словъ языка, такъ какъ по самому значенію своему не существуютъ отдѣльно отъ другихъ словъ, между тѣмъ какъ частицы въ собственномъ смыслѣ, или частицы реальныя, являются, какъ мы видѣли, отдѣльными словами языка, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ не слова, но значенія словъ не существуютъ отдѣльно не отъ другихъ словъ, но отъ другихъ значеній.

Я говорилъ, что за исключеніемъ формальныхъ словъ, обозначающихъ самостоятельность другаго слова, въ отличіе отъ словъ несамостоятельныхъ, прочія формальныя слова существуютъ лишь въ формальныхъ словосочетаніяхъ и въ ихъ сочетаніяхъ. Сюда-то между прочимъ принадлежатъ тѣ формальныя сло-

ва, которыя обозначають другое слово, то есть его форму какъ часть формальнаго словосочетанія, какъ дополненіе. Напр. въ такомъ употребленіи является во французскомъ языкѣ слово de, какъ формальное слово. Для формъ словъ, образуемыхъ въ словосочетаніяхъ при помощи формальныхъ словъ, нѣтъ въ лингвистикѣ особыхъ терминовъ для отличія ихъ отъ формъ словоизмѣненія и вообще на формы словъ, образуемыя при помощи формальныхъ словъ, переносятъ названія, существующія для формъ словоизмѣненія по извѣстному сходству въ значеніи тѣхъ и другихъ. Напр. форма французскаго языка, частями которой являются: формальное слово de и имя существительное, называется формой родительнаго падежа по извѣстному сходству значенія съ той флективной формой склоняемаго слова, которая называется формой родительнаго падежа, хотя между той и другой формой существуетъ различіе какъ въ самомъ образованіи, такъ и въ значеніи.

Итакъ дополненіе въ формальномъ словосочетаніи можетъ обозначаться какъ флективной формой слова, такъ и формой, образуемой при помощи извѣстнаго формальнаго слова, которое вносить значеніе дополненія въ форму другого слова. Наконецъ дополненіе въ формальномъ словосочетаніи можетъ обозначаться

порядкомъ, расположеніемъ формъ словъ, какъ напр. во французскомъ языкѣ имя, какъ дополненіе глагола въ формальномъ словосочетаніи обозначается извѣстнымъ положеніемъ, занимаемымъ этимъ именемъ по отношенію къ глаголу.

Такія формы языка не принадлежатъ уже, понятно, къ формамъ отдѣльныхъ словъ, но являются исключительно формами частей словосочетаній. Мы видѣли, что и въ языкахъ, не имѣющихъ формъ словъ, а потому и формальныхъ словосочетаній, различія въ порядкѣ, расположеніи словъ могутъ обозначать эти слова въ качествѣ частей словосочетаній, но такъ какъ тамъ нѣтъ формъ словъ, то такимъ порядкомъ эти слова обозначаются въ этихъ языкахъ, какъ части словосочетанія неформальнаго.

Кромѣ тѣхъ формъ дополненія, которыя образуютъ само дополненіе, т.е. есть обозначаютъ извѣстное слово, какъ часть формальнаго словосочетанія, дополненіе можетъ получать и другія формы, принадлежащія ему какъ сказуемому въ формальномъ сужденіи словъ, т.е. есть обозначающія нѣчто въ самомъ сочетаніи дополненія съ главной частью, какъ въ сужденіи. Такія формы могутъ существовать во первыхъ въ томъ самомъ словѣ, которое является дополненіемъ въ формальномъ словосочетаніи; таковы формы словъ,

которыя я называю формами синтактическаго словоизмѣненія, каковы формы времени и наклоненія въ глаголѣ.

Эти формы словъ предполагаютъ существованіе въ тѣхъ же словахъ флективныхъ формъ, такъ какъ обозначаютъ нѣчто въ словѣ, какъ въ части формальнаго словосочетанія, то есть какъ въ словѣ, уже имѣющемъ флективныя формы. Формы времени и наклоненія вносятъ въ глаголъ въ его сочетаніи съ главной частью словосочетанія такія значенія, которыя принадлежатъ этому словосочетанію, какъ формальному сужденію словъ, и при посредствѣ такихъ формъ глаголъ становится слѣдовательно сказуемымъ формальнаго сужденія словъ. Формы, обозначающія нѣчто въ сочетаніи дополненія съ главной частью, какъ въ формальномъ сужденіи словъ, могутъ существовать не только въ извѣстныхъ формахъ самаго слова, являющагося въ дополненіи, каковы формы времени и наклоненія въ глаголѣ, но и въ соединеніи дополненія съ извѣстными формальными словами, вносящими такія значенія въ дополненіе, то есть въ числѣ формальныхъ словъ, обозначающихъ нѣчто въ формахъ другихъ словъ, могутъ быть кромѣ формальныхъ словъ, при посредствѣ которыхъ формы отдѣльныхъ словъ становятся дополненіемъ словосочетанія, также и такія формы словъ,

при посредствѣ которыхъ дополненіе формальнаго словосочетанія становится сказуемымъ формальнаго сужденія словъ.

Таково было еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ то формальное слово, которое называется связкой и которое вносило въ прилагательное имя въ его сочетаніи съ существительнымъ тѣ же значенія, которыя получалъ глаголъ въ формахъ времени и наклоненія, то есть прилагательное при посредствѣ такого слова становилось сказуемымъ, слѣдовательно самое формальное словосочетаніе являлось формальнымъ сужденіемъ словъ.

Въ современномъ русскомъ языкѣ, гдѣ нѣтъ связки для обозначенія формъ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, тѣмъ не менѣе такое формальное словосочетаніе какъ „снѣгъ бѣлъ" представляетъ формальное сужденіе словъ, такъ какъ самое отсутствіе связки при несклоняемой формѣ прилагательнаго обозначаетъ въ этомъ прилагательномъ, какъ сказуемомъ, форму настоящаго времени и форму изъявительнаго наклоненія по отношенію напр. къ словосочетаніямъ „снѣгъ былъ бѣлъ" или „снѣгъ былъ бы бѣлъ".

Въ послѣдней лекціи я говорилъ о составѣ формальныхъ словосочетаній и указалъ что всякое формальное словосочетаніе, а слѣ

довательно и всякое предложеніе заключаетъ въ себѣ такую часть, которая обозначается, какъ часть формальнаго словосочетанія и которая можетъ быть названа дополненіемъ такого словосочетанія. Въ томъ же формальномъ словосочетаніи, которое является формальнымъ сужденіемъ словъ, дополненіе словосочетанія должно обозначаться, какъ такая часть словосочетанія, которая составляетъ сказуемое такого сужденія. Эти части формальныхъ словосочетаній - дополненіе, сказуемое въ формальномъ сужденіи словъ - кромѣ тѣхъ формъ, о которыхъ я говорилъ въ прошлый разъ, могутъ имѣть формы сложныя, образуемыя черезъ такое соединеніе формъ простаго дополненія, или простаго сказуемаго съ реальной частицей (то есть съ частицей въ собственномъ смыслѣ) - черезъ такое соединеніе, при которомъ формы дополненія или сказуемаго обусловливаются въ своемъ значеніи сочетаніемъ дополненія или сказуемаго съ реальной частицей извѣстнаго значенія. Что касается сложныхъ формъ дополненія, то сюда принадлежатъ напр. такія сочетанія падежныхъ формъ съ предлогами, при которыхъ значеніе падежной формы предполагаетъ присутствіе въ дополненіи предлога; такъ напр. въ русскомъ языкѣ форма винительнаго падежа съ предлогомъ является такой сложной

формой дополненія. Форма винительнаго падежа въ выраженіяхъ „въ книгу", „на книгу" [въ отличіе отъ формы винительнаго падежа книгу, взятой безъ предлога, напр. въ выраженіи „я читаю книгу"], обусловлена въ этомъ своемъ значеніи соединеніемъ дополняемаго слова съ предлогомъ. Къ сложнымъ формамъ сказуемаго принадлежатъ напр. сочетанія формъ наклоненія съ союзомъ - напр. въ греческомъ языкѣ сочетаніе формъ наклоненія съ союзомъ εἰ.

До сихъ поръ я говорилъ о самостоятельныхъ простыхъ формальныхъ словосочетаніяхъ, но формальныя словосочетанія могутъ сочетаться также какъ съ словами, такъ и между собой. Въ первомъ случаѣ получается не самостоятельное, придаточное формальное словосочетаніе, а слѣдовательно и придаточное предложеніе; во второмъ случаѣ сочетаніе формальныхъ словосочетаній между собой образуетъ сложное предложеніе. Придаточное предложеніе есть такое формальное словосочетаніе, не составляющее части другаго формальнаго словосочетанія (какъ и вообще предложеніе есть формальное словосочетаніе, не составляющее части другаго словосочетанія), въ которомъ обозначается отношеніе словосочетанія къ извѣстнаго рода слову. Таковы въ русскомъ языкѣ такъ называемыя относительныя, придаточныя предложенія.

относящіяся къ слову существительному; таковы же дополнительныя придаточныя предложенія, относящіяся къ извѣстнаго рода глагольному слову. Форма придаточнаго предложенія образуется при посредствѣ извѣстнаго рода формальныхъ словъ, напр. „который", „что". При этомъ формальное значеніе можетъ получать и порядокъ, въ которомъ расположены придаточное предложеніе и то слово, къ которому оно относится. Подобно тому, какъ предложеніе самостоятельное можетъ не заключать въ себѣ формальнаго сужденія словъ, такъ и придаточное предложеніе можетъ не быть формальнымъ сужденіемъ словъ; но есть различіе между самостоятельнымъ или главнымъ и придаточнымъ предложеніемъ не зависитъ отъ того, существуютъ ли въ языкѣ формальныя сужденія словъ, или нѣтъ. Что же касается сложнаго предложенія, то оно получается тогда, когда одно формальное сужденіе словъ относится какъ сужденіе къ другому формальному сужденію словъ въ качествѣ части одного общаго сложнаго, формальнаго сужденія словъ; то есть сложными предложеніями являются сложныя формальныя сужденія словъ; а сложное формальное сужденіе словъ точно также не должно быть смѣшиваемо со сложнымъ реальнымъ сужденіемъ словъ, какъ и простое формальное сужденіе словъ

должно быть отличаемо отъ простаго реальнаго сужденія словъ. Союзы, обозначающіе различныя отношенія одного реальнаго сужденія словъ къ другому (напр. въ русскомъ языкѣ „если", „потомучто") не образуютъ сами по себѣ изъ данныхъ сужденій словъ одного сложнаго формальнаго сужденія, такъ какъ эти союзы обозначаютъ различныя отношенія одного сужденія ~~формальныхъ~~ реальныхъ значеній словъ къ другому сужденію реальныхъ значеній словъ, независимо отъ того, существуетъ ли въ данномъ словосочетаніи формальное сужденіе словъ или нѣтъ. Сложное предложеніе получается тогда, когда форма сказуемаго одного формальнаго сужденія обусловлена формой сказуемаго другаго формальнаго сужденія, то есть когда существуетъ такъ называемое согласованіе сказуемаго одного формальнаго сужденія словъ съ сказуемымъ другаго формальнаго сужденія словъ. Форма сложнаго формальнаго сужденія словъ образуется, слѣдовательно, при посредствѣ извѣстнаго согласованія формы сказуемаго въ одномъ формальномъ сужденіи съ формой сказуемаго въ другомъ формальномъ сужденіи словъ. Напр. въ русскомъ языкѣ сужденія словъ: „еслибы я увидѣлъ его, я бы сказалъ ему" образуютъ сложное формальное сужденіе или сложное предложеніе, такъ какъ форма сказуемаго въ одномъ формальномъ сужде-

денія обусловлена формой сказуемаго въ другомъ формальномъ сужденіи словъ.

Мы различили два рода словосочетаній въ языкѣ, - 1) словосочетанія, частями которыхъ являются отдѣльныя слова, по ихъ реальному значенію, и 2) словосочетанія, частями которыхъ являются отдѣльныя слова по ихъ формальному значенію, то есть какъ слова.

Мы видѣли, что словосочетанія перваго рода возможны лишь въ языкѣ, въ которомъ слова не различаются между собою какъ слова, то есть въ которомъ не существуетъ формъ словъ; между тѣмъ какъ въ языкѣ, имѣющемъ формы словъ, и словосочетанія являются необходимо сочетаніями формъ словъ, то есть въ такомъ языкѣ нѣтъ словосочетаній перваго рода. Но въ языкѣ, имѣющемъ всякія словосочетанія, въ качествѣ формальныхъ словосочетаній возможны такія словосочетанія, которыя, являясь словосочетаніями съ формальной стороны, то есть со стороны формъ словъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ быть вполнѣ разложены на отдѣльныя слова и со стороны ихъ реальныхъ значеній, связанныхъ между собой извѣстнымъ образомъ. Напр. въ русскомъ языкѣ таково словосочетаніе „желѣзная дорога", которое является словосочетаніемъ не только съ формальной стороны, но и со стороны реальнаго значе-

нія словъ, входящихъ въ это словосочетаніе. Объ этихъ словосочетаніяхъ, называемыхъ много реченіями, я говорилъ уже прежде, по поводу состава словъ.

Съ другой стороны въ языкѣ, имѣющемъ всякія словосочетанія въ качествѣ формальныхъ словосочетаній, возможны и такія формальныя словосочетанія, которыя будучи со стороны реальныхъ значеній двумя или нѣсколькими отдѣльными словами, въ тоже время не могутъ быть разложены вполнѣ на форму одного слова и на форму другаго слова, но образуютъ въ такомъ соединеніи формъ - одну общую форму - форму части словосочетанія. Такого рода формальныя словосочетанія могутъ быть названы синтактическими реченіями.

Напр. въ русскомъ языкѣ въ такомъ значеніи могутъ быть употреблены словосочетанія такого рода, какъ „прошлое лѣто", „прошлый годъ", „эту зиму", „ту зиму", тамъ, гдѣ „прошлое лѣто" значитъ „въ прошломъ лѣтѣ", „прошлый годъ", „въ прошломъ году", [между тѣмъ какъ напр. форма годъ сама по себѣ не имѣетъ того значенія, какое она получаетъ въ синтактическихъ реченіяхъ „прошлый годъ", „этотъ годъ"].

Или напр. къ синтактическимъ реченіям принадлежатъ и такія формальныя слово-

сочетанія, которыхъ принято называть, хотя и неточно, самостоятельными или абсолютными падежами. Напр. датель ный самостоятельный въ старославянском языкѣ.

Слова языка могутъ съ теченіемъ времени соединяться въ слова слитныя по происхожденію, въ которыхъ отдѣльныя слова, вошедшія въ составъ слова, не имѣютъ уже значенія частей реальнаго значенія цѣлаго слова, такъ что слитное слово, (напр. Новгородъ, Новгорода и т.д.) безъ отношенія къ его происхожденію не отличается отъ слова неслитнаго. Точно также и словосочетанія, называемыя много реченіями, могутъ переходить въ слитныя реченія (напр. „Новъ-городъ", „Нова-города", и т.д.). Подобно слитнымъ словамъ и словосочетаніямъ могутъ существовать въ языкѣ слова и словосочетанія, слитныя только по формѣ, — не по реальному значенію, то есть такія соединенія словъ, въ которыхъ формы словъ не имѣютъ значенія формальныхъ частей въ данномъ соединеніи словъ. Такого рода слитіе словъ по формѣ можетъ существовать, какъ въ сложныхъ словахъ, такъ и въ формальныхъ словосочетаніяхъ, и эти слитныя формальныя слова и слитныя формальныя словосочетанія должны быть, понятно, отличаемы отъ тѣхъ сложныхъ формальныхъ словъ и

словосочетаній, въ которыхъ сохраняется значеніе формы, какъ части сложнаго слова; или, какъ части формальнаго словосочетанія. Въ русскомъ языкѣ къ слитносложнымъ словам принадлежатъ такія слова, какъ „неучъ"; по отношенію къ реальному значенію здѣсь-два слова; но происхожденію-это слово сложное, сложное съ частицей; но въ части этого слова-„учъ"-форма „учъ" теперь уже не существуетъ отдѣльно отъ не и не обозначаетъ части сложнаго слова.

Слитною формою словосочетанія въ русском языкѣ является напр. родительный падежъ въ сочетаніи съ прилагательнымъ „полный". Форма родительнаго падежа не обозначаетъ сама по себѣ того, что въ данномъ случаѣ это слово является частью такого словосочетанія, въ которомъ первая часть есть слово „полный". Или „довольный", „довольствоваться" съ творительнымъ падежемъ.

Слитно-сложнымъ дополненіемъ въ предложеніи въ русскомъ языкѣ является напр. такое соединеніе падежной формы съ предлогомъ, какъ предлогъ у съ родительнымъ падежомъ;-форма родительнаго падежа сама по себѣ не обозначаетъ присутствія въ дополненіи предлога съ такимъ значеніемъ.

Слитносложною формою сказуемаго въ формальномъ сужденіи словъ въ русскомъ языкѣ является напр. такое соединеніе, какъ „чтобъ"

съ прошедшимъ временемъ глагола.

Ученіе о формахъ языка составляетъ тотъ отдѣлъ языковѣдѣнія, который называютъ грамматикой въ тѣсномъ смыслѣ, и который распадается на два отдѣла, сообразно съ тѣмъ, что формы языка могутъ быть какъ формами отдѣльныхъ словъ, такъ и формами словосочетаній. Первая часть грамматики, разсматривающая формы отдѣльныхъ словъ, называется этимологіей, хотя тоже названіе употребляется и въ примѣненіи къ изслѣдованію словъ съ ихъ неформальной стороны, вслѣдствіе чего удобнѣе замѣнить такой терминъ въ первомъ изъ этихъ двухъ значеній другимъ, и напр. часть грамматики, называемая этимологіей, можетъ быть названа морфологіей.

Другая часть грамматики, разсматривающая формы словосочетаній, называется, какъ извѣстно, синтаксисомъ. И это названіе, какъ скоро мы его удерживаемъ въ этомъ принятомъ употребленіи, не должно быть распространяемо на ученіе о реальныхъ словосочетаніяхъ языка, каковы напр. словосочетанія, существующія въ китайскомъ языкѣ.

И такъ факты грамматики - это формы языка, а формами языка являются обозначенія въ отдѣльныхъ словахъ и словосочетаніяхъ - самихъ словъ и словосочетаній. Значенія, существующія въ формахъ языка, суть

значенія формальныя, и потому значенія формальныя языка я опредѣляю, какъ значенія, примѣняющіяся къ фактамъ самого языка, т. е. къ словамъ.

Съ этими формальными значеніями не существующими отдѣльно отъ словъ и словосочетаній, не слѣдуетъ смѣшивать значеній, примѣняющихся къ самимъ значеніямъ, то есть значеній, не существующихъ отдѣльно отъ другихъ значеній и ихъ сочетаній, каковы напр. значенія словъ-частицъ (въ собственномъ смыслѣ), или каковы значенія, выражаемыя порядкомъ словъ, неимѣющихъ формъ.

По отношенію къ формальнымъ значеніямъ языка, существующимъ въ формахъ языка и предполагающихъ, слѣдовательно, самое существованіе языка, всѣ другія значенія, примѣняющіяся къ фактамъ не самого языка, и дающія существованіе языку, я называю <u>реальными</u> значеніями; то есть <u>реальными</u> значеніями языка я называю всѣ его значенія неформальныя, примѣняющіяся не къ самимъ словамъ языка, - безъ отношенія къ тому различію, какое оказывается въ свою очередь между этими неформальными значеніями, - въ зависимости отъ того, что въ числѣ ихъ существуютъ такія значенія, которыя примѣняются къ самимъ же значеніямъ языка.

Терминъ <u>форма</u> въ переносномъ смыслѣ,

какой онъ имѣетъ въ примѣненіи къ словамъ, можетъ, понятно, употребляться и въ примѣненіи къ самымъ значеніямъ языка, и по отношенію къ значеніямъ языка формой называется обозначеніе въ словахъ самихъ значеній и ихъ сочетаній; вслѣдствіе чего формальнымъ значеніемъ при такомъ употребленіи термина форма, является такое значеніе слова, которое образуетъ такую форму значенія словъ.) Понятно, къ какимъ недоразумѣніямъ должно вести употребленіе термина „формальное значеніе" въ примѣненіи къ двумъ совершенно различнаго рода значеніямъ языка, и насколько обивчивъ долженъ быть терминъ „формы языка", какъ скоро подъ этимъ названіемъ подразумѣваются и формы словъ, и формы значеній словъ. Это то смѣшанное употребленіе терминовъ форма, формальный, находимъ мы въ той грамматикѣ, которая, какъ сводъ извѣстныхъ фактовъ языка, сложилась раньше появленія научнаго языковѣдѣнія, и которая до сихъ поръ не только продолжаетъ существовать въ школѣ, но и вліяетъ своей терминологіей и системой и на современную лингвистику.

Подъ грамматикой, въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, издавна принято понимать ученіе о формахъ языка; но въ качествѣ формъ языка безразлично разсматриваются здѣсь и формы словъ, и формы значеній словъ.

Понятно, что не самый терминъ „форма" формальный вызвалъ смѣшеніе этихъ двухъ разнородныхъ фактовъ языка, но наоборотъ самое смѣшеніе этихъ фактовъ, то есть смѣшеніе слова со значеніемъ слова, вело за собой то, что въ качествѣ формъ языка безразлично разсматривались и формы словъ, и формы значеній словъ. Для того, чтобы расчистить почву для изслѣдованія грамматическаго, то есть для изслѣдованія формъ языка, необходимо прежде всего дать себѣ отчетъ въ томъ, что мы называемъ формами языка, то есть необходимо различать формы словъ и формы значеній словъ; а чтобы избѣжать смѣшенія тѣхъ и другихъ, полезно ограничить употребленіе терминовъ „форма языка", „формальное значеніе языка" примѣненіемъ ихъ лишь къ формамъ словъ, которыя главнымъ образомъ имѣются въ виду и при обыкновенномъ употребленіи этихъ терминовъ.

Формы склоненія въ индоевропейскомъ языкѣ. Склоненіемъ въ собственномъ смыслѣ называется та флексія слова, которая состоитъ въ измѣненіи этого слова по падежамъ; а падежомъ въ собственномъ смыслѣ, то есть косвеннымъ падежомъ, называется такая флективная форма, посредствомъ которой самостоятельное слово становится частью формальнаго, то есть грамматическаго словосочетанія. Въ общемъ ин-

доевропейскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія различались слѣдующіе косвенные падежи: винительный, родительный, дательный, отложительный, творительный-соціативный и мѣстный.

Въ винительномъ падежѣ общаго индоевропейскаго языка въ эпоху его распаденія я различаю два значенія. Въ главной массѣ случаевъ употребленія этой формы индоевропейскій винительный падежъ обозначалъ отношеніе склоняемаго слова къ слову несамостоятельному въ языкѣ, а несамостоятельными словами въ индоевропейскомъ языкѣ, то есть такими словами, которыя существовали здѣсь лишь въ словосочетаніяхъ, были-глаголъ и имя прилагательное, различавшіеся въ свою очередь между собой по флексіи. Другое значеніе индоевропейскаго винительнаго падежа, образовавшееся подъ вліяніемъ извѣстныхъ случаевъ употребленія винительнаго въ первомъ значеніи, состояло въ томъ, что эта форма обозначала, что склоняемое слово является такою частью формальнаго словосочетанія, которая по своему реальному значенію находится въ извѣстномъ отношеніи къ другому реальному значенію, а именно обозначаетъ по отношенію къ движенію -пунктъ, достигаемый движеніемъ.

Индоевропейскій винительный въ первомъ господствовавшемъ, употребленіи былъ, слѣдо-

вательно, флективною формою со значеніемъ исключительно синтактическимъ, между тѣмъ какъ индоевропейскій винительный во второмъ употребленіи имѣлъ и не синтактическую сторону значенія, такъ какъ обозначалъ въ слов, какъ въ части формальнаго словосочетанія, его реальное значеніе, какъ часть извѣстнаго сочетанія реальныхъ значеній.

Въ индоевропейскомъ родительномъ падежѣ я различаю также два значенія. Въ главной массѣ случаевъ употребленія этой формы индоевропейскій родительный обозначалъ отношеніе склоняемаго слова къ слову самостоятельному въ языкѣ, а такимъ самостоятельнымъ словомъ было само склоняемое слово; т. е. въ этомъ господствующемъ употребленіи родительный падежъ обозначалъ отношеніе склоняемаго слова къ другому склоняемому слову. Кромѣ такого, исключительно синтактическаго значенія формы родительнаго падежа въ индоевропейскомъ языкѣ, таже форма имѣла здѣсь и другое значеніе, не исключительно синтактическое, образовавшееся, вѣроятно, подъ вліяніемъ извѣстныхъ случаевъ употребленія родительнаго въ первомъ значеніи; а именно-индоевропейскій родительный обозначалъ также, что склоняемое слово является такой частью формальнаго словосочетанія, которая по своему реальному значенію находится въ извѣстномъ отношеніи

къ другому реальному значенію, а именно обозначалъ цѣлое по отношенію къ его части; такой родительный можетъ быть названъ родительнымъ раздѣлительнымъ.

Индоевропейскіе падежи - дательный, отложительный, творительный - соціативный и мѣстный обозначали, что склоняемое слово является такой частью формальнаго словосочетанія, которая по своему реальному значенію находится въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ другимъ реальнымъ значеніямъ, и различіе между этими падежами заключалось лишь въ этой несинтактической сторонѣ ихъ значенія, между тѣмъ какъ по синтактической сторонѣ значенія всѣ они одинаково обозначали склоняемое слово, какъ часть формальнаго словосочетанія.

Индоевропейскій дательный падежъ выражалъ, повидимому, то, что склоняемое слово, будучи частью словосочетанія, обозначаетъ то, что находится въ отношеніи къ чему либо другому по его аттрибуту, или признаку.

Индоевропейскій отложительный падежъ выражалъ, что склоняемое слово, будучи частью словосочетанія, обозначаетъ по отношенію къ чему либо то, отъ чего нѣчто отдѣлено, а также то, отъ чего нѣчто произошло; послѣднее значеніе развилось, повидимому, изъ перваго.

Въ индоевропейскомъ творительномъ соціа-

тивнымъ различаютъ по значенію два падежа, - падежъ соціативный по значенію и падежъ творительный по значенію; послѣднее значеніе можетъ быть образовалось изъ перваго. Индоевропейскій творительный-соціативный, какъ соціативный, выражалъ, что склоняемое слово, будучи частью словосочетанія, обозначаетъ по отношенію къ чему либо то, что соединено съ чѣмъ либо другимъ; а индоевропейскій творительный-соціативный, какъ творительный, выражалъ, что склоняемое слово, будучи частью словосочетанія, обозначаетъ по отношенію къ чему либо то, при посредствѣ чего произошло нѣчто.

Наконецъ, индоевропейскій мѣстный падежъ выражалъ, что склоняемое слово, будучи частью словосочетанія, обозначаетъ то, что находится въ отношеніи къ чему либо другому по положенію въ пространствѣ времени и мѣста.

Итакъ, каждый изъ этихъ косвенныхъ падежей въ индоевропейскомъ языкѣ обозначалъ склоняемое слово въ этой формѣ, какъ часть словосочетанія, то есть каждый обращалъ самостоятельное слово въ слово несамостоятельное и предполагалъ, слѣдовательно, существованіе въ этомъ словѣ такой формы, въ которой оно, оставаясь самостоятельнымъ, не являлось частью словосочетанія. Эту форму склоняемаго слова, въ которой оно остает-

са словомъ самостоятельнымъ, называютъ именительнымъ или прямымъ падежомъ по отношенію къ формамъ косвенныхъ падежей. Понятно, что терминъ <u>падежъ</u> въ примѣненіи къ самостоятельной именительной формѣ оказывается неточнымъ, и вѣрнѣе было бы именительный падежъ называть - именительной формой, но мы можемъ удержать терминъ „именительный падежъ", какъ общепринятый, не забывая при этомъ, что именительная форма, какъ падежъ, опредѣляется только признакомъ отрицательнымъ по отношенію къ косвеннымъ падежамъ. Именительный падежъ есть непадежная форма склоняемаго слова, то есть слова имѣющаго косвенные падежи, и въ этомъ отношеніи къ косвеннымъ падежамъ и состоитъ все значеніе именительнаго падежа. Если, слѣдовательно, языкъ не имѣетъ косвенныхъ падежей, то онъ не имѣетъ и именительнаго падежа, хотя, понятно и при отсутствіи косвенныхъ падежей, а слѣдовательно и именительнаго, въ языкѣ могутъ различаться слова самостоятельныя и несамостоятельныя, такъ какъ по отношенію ко всякому слову, имѣющему флексивныя формы, слово безъ такихъ формъ является самостоятельнымъ, но это самостоятельное слово не становится именительнымъ падежомъ, пока оно не имѣетъ формы одного изъ косвенныхъ падежей.

Кромѣ косвенныхъ падежей и именительнаго падежа индоевропейскій языкъ имѣлъ еще форму, называемую нерѣдко также падежомъ, - это звательная форма. По отношенію къ этой формѣ названіе „падежъ" является уже вполнѣ неправильнымъ, что сознавали и древніе грамматики, что сознается и теперь въ лингвистикѣ. Звательная форма не только не есть сама по себѣ падежъ, какъ извѣстнаго рода флективная форма слова, но и не имѣетъ никакой связи съ косвенными падежами. Косвенные падежи не предполагаютъ по своему значенію существованія звательной формы, а потому, и при отсутствіи въ языкѣ косвенныхъ падежей, звательная форма можетъ существовать. Звательная форма обозначаетъ въ самостоятельномъ словѣ-названіи - названіе второго лица рѣчи, то есть того лица, къ которому обращена рѣчь. Отсюда видно, что звательная форма можетъ принадлежать лишь самостоятельнымъ словамъ-названіямъ (самостоятельнымъ), то есть именамъ существительнымъ, и именно тѣмъ, которыя являются названіями живыхъ существъ или предметовъ, представляемыхъ живыми въ моментъ рѣчи. Иначе - значеніе звательной формы самостоятельнаго слова не предполагаетъ склоненія этого слова. Оно предполагаетъ лишь существованіе того же слова, какъ названія предмета рѣчи въ незватель-

ной формѣ, и эта незвательная форма самостоятельнаго слова является именительной формой, которая по ея отношенію къ звательной формѣ не можетъ быть, слѣдовательно, называема именительнымъ падежемъ, такъ какъ и звательная форма не есть падежъ. Соотношеніе звательной и именительной, какъ незвательной формы, образуетъ такимъ образомъ то, что я называю словообразовательной моціей слова, такъ какъ звательная форма есть такая словообразовательная форма, которая предполагаетъ существованіе другой - незвательной формы, какъ и наоборотъ незвательная форма предполагаетъ существованіе звательной.) Эта словообразовательная моція слова не связана съ флексіей слова, и если мы разсматриваемъ звательную форму въ склоненіи, то имѣемъ въ виду то, что также незвательная форма, при существованіи въ языкѣ косвенныхъ падежей, является по отношенію къ этимъ послѣднимъ именительнымъ падежемъ.

Съ измѣненіемъ слова по формамъ падежей въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ было неразрывно соединено и измѣненіе склоняемаго слова по формамъ числа, такъ что каждая падежная форма имѣетъ въ свою очередь форму числа. Формъ числа въ индоевропейскомъ языкѣ было три. Форма множе-

ственнаго числа выражала, что такое слово обозначаетъ нѣчто въ неопредѣленномъ количествѣ; форма двойственнаго числа выражала, что такое слово обозначаетъ нѣчто въ количествѣ двухъ; форма единственнаго числа выражала, что такое слово обозначаетъ нѣчто въ его единичности.

Формы числа въ индоевропейскомъ языкѣ въ самостоятельномъ словѣ были сами по себѣ формами словообразовательной логіи, такъ какъ не имѣли никакого синтаксическаго значенія, не обозначали слова, какъ части словосочетанія, и находились между собой въ соотношеніи по значенію, такъ какъ каждая изъ нихъ была формой не того числа, которое обозначалось другой формой, и напр. форма множественнаго числа предполагала существованіе формы немножественнаго числа, точно также какъ напр. форма единственнаго числа предполагала существованіе формы неединственнаго числа. Но формы числа въ индоевропейскомъ самостоятельномъ словѣ были, какъ я сказалъ, формами такого слова, какъ склоняемаго, но есть были формами словообразовательной логіи падежныхъ формъ склоняемаго слова и, слѣдовательно, хотя по значенію не предполагаютъ формъ флексіи, — не могутъ быть отдѣлены здѣсь отъ формъ падежной флексіи. Поэтому склоненіе въ индоевропейскомъ языкѣ должно быть опредѣле-

но, какъ измѣненіе самостоятельнаго слова не по падежнымъ только формамъ, но какъ измѣненіе такого слова по падежнымъ формамъ числа.

Не всѣ тѣ падежныя формы, которыя различались въ индоевропейскомъ языкѣ (въ эпоху его распаденія) въ единственномъ числѣ, различались здѣсь и во множественномъ и двойственномъ числахъ. Во множественномъ дательный и отложительный падежи совпадали въ одной общей формѣ, которая должна быть называема поэтому формой дательнаго-отложительнаго падежа. Въ формахъ же двойственнаго числа индоевропейскій языкъ въ эпоху распаденія имѣлъ только три падежныхъ формы, а именно форму общую для именительнаго и винительнаго падежа, затѣмъ форму общую для дательнаго, отложительнаго и творительнаго-соціативнаго, и наконецъ форму общую для родительнаго и мѣстнаго падежа.

Склоненіе, какъ измѣненіе склоняемаго слова по падежнымъ формамъ числа, существовало въ индоевропейскомъ языкѣ какъ въ словахъ личныхъ, такъ и въ словахъ неличныхъ, а въ последнихъ какъ въ именахъ, такъ и въ мѣстоименіяхъ. По отношенію къ формамъ числа существовало однако извѣстное различіе въ склоненіи между личными и неличными словами; это различіе заключалось частью въ

значеній этихъ формъ въ тѣхъ и другихъ сло-
вахъ, такъ какъ формы множественнаго и
двойственнаго числа въ склоненіи личныхъ
словъ кромѣ того значенія, которое онѣ имѣ-
ли въ склоняемыхъ словахъ неличныхъ, выра-
жали также, что личныя слова обозначаютъ
то или другое лицо рѣчи не въ отдѣльности,
но въ соединеніи или съ неопредѣленнымъ ко-
личествомъ другихъ лицъ, или въ соединеніи
съ какимъ то другимъ лицемъ, то есть напр.
личное слово, обозначающее второе лице рѣ-
чи, въ формѣ множественнаго числа значило
не только _вы_ въ смыслѣ многихъ _ты_, но и
въ смыслѣ _ты_ вмѣстѣ съ другими. Вмѣстѣ
съ различіемъ значенія формъ числа въ индо-
европейскихъ личныхъ и неличныхъ словахъ
здѣсь существовало различіе и въ образованіи
этихъ формъ въ тѣхъ и другихъ словахъ. А
именно: въ то время, какъ въ словахъ нелич-
ныхъ форма числа вносилась суффиксами
падежной флексіи, различавшимися между
собой въ этомъ отношеніи, въ личныхъ сло-
вахъ самая основа склоняемаго слова въ фор-
махъ одного числа была не та, какая явля-
лась въ формахъ другаго числа, между тѣмъ
какъ суффиксы падежной флексіи частью
не различались здѣсь между собой по формам
числа. На основаніи этого можно думать,
что нѣкогда въ индоевропейскомъ языкѣ скло-
неніе личныхъ словъ отличалось отъ склоне-

ній словъ неличныхъ тѣмъ, что склоненіе личныхъ словъ состояло въ измѣненіи словъ только по формамъ падежей, и форма числа не была здѣсь связана съ флексіей слова, то есть была формой словообразовательной, между тѣмъ какъ склоненіе словъ неличныхъ было уже измѣненіемъ словъ по падежнымъ формамъ числа. Слова неличныя, то есть какъ имена, такъ и мѣстоименія различались въ индоевропейскомъ языкѣ по формамъ рода, а именно въ склоненіи тѣхъ и другихъ существовало различіе между словами средняго рода и словами несредняго рода: первыя не имѣли формы винительнаго падежа, то есть именительная форма употреблялась въ нихъ въ словосочетаніяхъ между прочимъ и въ значеніи формы винительнаго падежа, существовавшей въ склоненіи словъ несредняго рода. Эта именительная форма именъ и мѣстоименій средняго рода отличалась и по образованію отъ именительной формы именъ и мѣстоименій несредняго рода.

Формы рода въ именахъ были въ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія формами извѣстной флексіи словъ, а именно: формами рода, такъ называемаго грамматическаго рода, обозначалось отношеніе одного имени, какъ несамостоятельнаго, прилагательнаго къ другому, какъ самостоятельному, существительному. Именами прилага-

тельными были здѣсь тѣ имена, которыя измѣнялись по формамъ грамматическаго рода, какъ имена мужескаго, женскаго, средняго рода, и этой флексіей имени прилагательнаго обозначалось то, къ какому изъ трехъ родовъ принадлежитъ то существительное, въ сочетаніи съ которымъ является данное прилагательное, и такимъ путемъ обозначалось самое отношеніе прилагательнаго, какъ несамостоятельнаго слова, къ существительному, какъ самостоятельному слову.

Имя прилагательное, то есть имя, измѣняющееся по формамъ грамматическаго рода, получало форму мужескаго рода въ сочетаніи съ именами существительными того класса, къ которому принадлежали названія существъ мужескаго пола и однородныя съ ними по формѣ имена существительныя, обозначавшія нѣчто неодушевленное. Имя прилагательное получало форму женскаго рода въ сочетаніи съ именами существительными того класса, къ которому принадлежали названія существъ женскаго пола и однородныя съ ними по формѣ имена существительныя, обозначавшія нѣчто неодушевленное. Наконецъ имена прилагательныя получали форму средняго рода въ сочетаніи съ именами существительными того класса, къ которому принадлежали однородныя по формѣ названія, не обозначавшія половаго различія.)

Эти три класса именъ существительныхъ, въ зависимости отъ различія которыхъ имена прилагательныя получали формы грамматическаго рода, сами существовали лишь въ сочетаніи существительнаго съ прилагательнымъ или съ мѣстоименіемъ въ извѣстномъ его употребленіи, какъ мы увидимъ далѣе; то есть имя существительное само по себѣ не имѣло, какъ не имѣетъ и теперь въ русскомъ языкѣ, какого либо грамматическаго рода; и форма того или другаго грамматическаго рода въ именахъ существительныхъ состоитъ въ томъ, что такія имена существительныя обозначаются какъ однородныя флексіей грамматическаго рода въ прилагательныхъ именахъ и мѣстоименіяхъ. Мы видѣли, что въ самомъ склоненіи въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ существовало извѣстное различіе между именами средняго рода и именами рода не средняго, то есть мужескаго и женскаго, между тѣмъ какъ имена мужескаго и женскаго рода не различались здѣсь между собою по формамъ склоненія. Имена средняго рода, то естъ то однородныя по формѣ имена, которыя не были ни именами мужескаго рода, ни именами женскаго рода, не отличали, какъ мы видѣли, формы винительнаго падежа отъ именительной формы.

Нельзя было бы конечно объяснить отсут-

ствіе формы винительнаго падежа въ такихъ именахъ тѣмъ, что они были именами грамматическаго средняго рода, тогда нельзя было бы сказать, что такія имена не различали винительной и именительной формы именно потому, что они были именами грамматическаго средняго рода; такъ какъ изъ значенія грамматическаго средняго рода никакимъ образомъ нельзя вывести отсутствія въ этихъ именахъ особой формы винительнаго падежа или присутствія въ нихъ общей формы для именительнаго и винительнаго, напротивъ того отсутствіе особой формы для винительнаго падежа въ такихъ именахъ само составляетъ тотъ признакъ, въ которомъ они однородны между собой по формѣ, какъ имена одного и того же класса, отличающіяся отъ именъ мужескаго и женскаго рода. И такъ, что бы объяснить себѣ, почему въ именахъ средняго рода въ индоевропейскомъ языкѣ существовала одна общая форма для именительнаго и винительнаго падежей, надо попытаться опредѣлить, какое значеніе имѣла нѣкогда та форма, которая затѣмъ, еще въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ стала формой грамматическаго средняго рода. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ мѣстоименія: формы рода въ мѣстоименіяхъ и въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія, какъ

и позже, были по значенію между прочимъ формами грамматическаго рода, обозначавшими отношеніе мѣстоименія къ одному изъ трехъ родовъ именъ существительныхъ; это отношеніе мѣстоименія къ имени существительному можетъ быть двоякаго рода: или отношеніемъ мѣстоименія, какъ несамостоятельнаго слова, къ существительному, какъ къ самостоятельному слову, или отношеніемъ мѣстоименія, какъ самостоятельнаго, существительнаго слова, къ замѣняемому имъ существительному. Въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ одно и тоже мѣстоименіе могло употребляться и въ сочетаніи съ существительнымъ и вмѣсто существительнаго, то есть формой грамматическаго рода въ мѣстоименіи обозначалось вообще отношеніе мѣстоименія къ имени существительному. Но кромѣ такого употребленія мѣстоименія, то есть по отношенію къ существительному, какъ въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, такъ и позже, въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ, мы находимъ мѣстоименія и безъ отношенія къ имени существительному, при чемъ и въ такомъ употребленіи мѣстоименія представляютъ форму рода, но эта форма, при такомъ употребленіи мѣстоименій являлась уже не формой грамматическаго рода, но извѣстной словообразовательной формой, которую мы

могли бы назвать формой естественнаго рода. Форма средняго рода при такомъ употребленіи мѣстоименія въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ обозначала указаніе или вопросъ въ примѣненіи къ чему либо неодушевленному, что есть форма средняго рода была при этомъ формой рода неодушевленнаго; таково же и теперь, напр. въ русскомъ языкѣ значеніе формы средняго рода въ мѣстоименіи, взятомъ безъ отношенія къ имени существительному, напр. въ вопросительномъ <u>что</u>, или въ <u>это</u>, взятомъ безъ отношенія къ существительному. Форма несредняго рода обозначала въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ въ мѣстоименіи, взятомъ безъ отношенія къ существительному, указаніе или вопросъ въ примѣненіи къ чему либо одушевленному, что есть при такомъ употребленіи это была форма рода одушевленнаго; а эта форма въ большинствѣ мѣстоименій распадалась на формы мужескаго и женскаго пола, изъ которыхъ первая обозначала указаніе или вопросъ въ примѣненіи къ существамъ мужескаго пола, а вторая обозначала указаніе или вопросъ въ примѣненіи къ существамъ женскаго пола.

Въ этомъ же значеніи мы находимъ эти формы и позже въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ; таковы напр. въ русском языкѣ <u>онъ</u>, <u>она</u>, – формы, взятыя безъ отно-

шенія къ имени существительному, а кто по отношенію къ что представляетъ форму одушевленнаго рода.

На основаніи такого значенія формъ рода въ мѣстоименіяхъ, взятыхъ безъ отношенія къ существительному, можно думать, что и формы грамматическаго рода въ именахъ въ индоевропейскомъ языкѣ образовались изъ формъ естественнаго рода, то есть, что форма грамматическаго средняго рода произошла изъ формы словообразовательной неодушевленнаго рода, а формы грамматическаго мужескаго и средняго рода произошли изъ словообразовательной формы рода одушевленнаго, которая распадалась на формы мужескаго и женскаго пола. Отсутствіе въ склоняемыхъ словахъ средняго рода особой формы винительнаго падежа нельзя ли объяснять потому изъ того значенія формы средняго рода, которое предшествовало значенію этой формы, какъ грамматическаго средняго рода и которое, какъ можно думать, было значеніемъ извѣстнаго естественнаго рода, именно рода неодушевленнаго? Ставя такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ одной общей формы для именительнаго и винительнаго падежей въ склоняемыхъ словахъ средняго рода, какъ рода неодушевленнаго, мы можемъ, я думаю, разъяснить этотъ фактъ общаго

индоевропейскаго языка при помощи одного явленія, представляемаго русскимъ языкомъ. Въ русскомъ языкѣ въ склоняемыхъ словахъ мужескаго рода и частью женскаго рода, форма винительнаго падежа совпала съ формой именительнаго падежа отчасти по фонетическим причинамъ, а отчасти подъ вліяніемъ аналогіи; но эта общая форма именительнаго и винительнаго падежей сохранилась, какъ извѣстно, лишь въ склоняемыхъ словахъ, обозначающихъ нѣчто неодушевленное, между тѣмъ какъ въ склоняемыхъ словахъ, обозначающихъ существа одушевленныя, въ значеніи формы винительнаго падежа, въ отличіе ея отъ именительной формы, употребляется форма родительнаго падежа, и напр. форма родительнаго падежа „мужа" замѣнила форму винительнаго падежа: „мужъ", а эта форма „мужъ" въ значеніи винительнаго падежа совпала съ именительной формой еще въ общеславянскомъ языкѣ. (мѫжь). Между этимъ явленіемъ русскаго языка и тѣмъ фактомъ общаго индоевропейскаго языка, по поводу котораго я обратился къ русскому языку, существуетъ то сходство, что, какъ здѣсь, такъ и тамъ, въ склоняемыхъ словахъ, обозначающихъ нѣчто неодушевленное, винительный и именительный падежъ не различаются между собой, между тѣмъ какъ въ склоняемыхъ словахъ, обозначающихъ одушевленное существо, сознается надобность различать оба эти падежа.

Такимъ образомъ и здѣсь и тамъ замѣчает-ся связь между значеніемъ формы винительнаго падежа и обозначеніемъ въ склоняемомъ словѣ одушевленнаго существа. Чтобы уяснить себѣ эту связь значеній въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху, предшествовавшую распаденію индоевропейскаго языка, намъ важно опредѣлить сходный фактъ, представляемый русскимъ языкомъ.

Я остановился на вопросѣ, почему въ русском языкѣ, въ склоняемомъ словѣ, обозначающемъ одушевленное существо, явилась надобность различать формы винительнаго и именительнаго падежа, между тѣмъ какъ въ склоняемомъ словѣ, обозначающемъ нѣчто неодушевленное, оба эти падежа могли не различаться между собой, тамъ гдѣ они съ теченіемъ времени совпали или гдѣ они не различались и въ общем индоевропейскомъ языкѣ, какъ въ именахъ среднего рода. Для насъ въ данномъ случаѣ безразлично, почему въ русскомъ языкѣ мы находим именно форму родительнаго падежа въ значеніи винительнаго, тамъ гдѣ является надобность отличить винительный падежъ, и въ поясненіе этого я замѣчу лишь то, что родительный и винительный падежи частью соприкасались между собой по употребленію въ уже въ литовскославянскомъ языкѣ, гдѣ уже извѣстно было употребленіе напр. родительнаго въ дополненіи къ глаголу соединенному съ ча-

стигую отрицания; но надо объяснить, почему въ русскомъ языкѣ въ склоняемыхъ словахъ, обозначающихъ одушевленное существо, явилась надобность отличить падежную форму въ значеніи винительнаго падежа отъ падежной формы именительной, между тѣмъ какъ по отношенію къ словамъ, обозначающимъ нѣчто неодушевленное, не сознавалась такая надобность различать падежи винительный и именительный. Ясно, что при этомъ требуется прежде всего опредѣлить значеніе винительнаго падежа въ русскомъ языкѣ. Мы видѣли, что въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія форма винительнаго падежа въ главномъ ея употребленіи обозначала отношеніе склоняемаго слова къ слову несамостоятельному, то есть глаголу или прилагательному. Другое же болѣе рѣдкое значеніе состояло въ обозначеніи въ склоняемомъ словѣ, какъ части словосочетанія, пункта достигаемаго движеніемъ. Въ русскомъ языкѣ винительный въ послѣднемъ значеніи существуетъ лишь въ соединеніи съ предлогами, причемъ въ склоняемомъ словѣ, обозначающемъ одушевленное существо, и такой винительный замѣняется формой родительнаго падежа (тамъ, гдѣ старая форма винительнаго совпала съ именительной), но это явленіе могло произойти подъ вліяніемъ употребленія въ такихъ склоняемыхъ словахъ формы родительнаго паде-

жа въ значеніи винительнаго безъ предлога. Винительный же безъ предлога имѣетъ въ русскомъ языкѣ болѣе тѣсное значеніе въ сравненіи съ индоевропейскимъ винительнымъ, обозначавшимъ дополненіе склоняемаго слова къ слову несамостоятельному; а именно въ русскомъ языкѣ этотъ винительный получилъ значеніе дополненія склоняемаго слова къ извѣстнаго рода глагольнымъ словамъ, именно къ глагольному слову въ формѣ переходной. Переходную форму наши глагольныя слова получаютъ по отношенію къ непереходной формѣ, образующейся чрезъ соединеніе съ глагольной формой формальнаго слова „ся", „сь"; то есть переходная форма глагольнаго слова у насъ состоитъ въ отсутствіи соединенія съ формальнымъ словомъ „ся", „сь", того глагольнаго слова, которое въ соединеніи съ „ся", „сь" получаетъ форму переходную. Значеніе переходной формы глагольнаго слова заключается въ томъ, что ею обозначается въ глагольномъ словѣ переходность аттрибута, выражаемаго этимъ словомъ, то есть присутствіе при аттрибутѣ объекта аттрибута; переходными же аттрибутами являются различныя дѣйствія и внѣшнія ощущенія, то есть субъектомъ переходнаго аттрибута въ прямомъ, непереносном значеніи можетъ быть лишь существо дѣйствующее и получающее внѣшнія ощущенія, то есть существо одушевленное или предста-

вляемое въ данномъ случаѣ одушевленнымъ. Отсюда понятно, что какъ скоро винительный падежъ сталъ обозначать дополненіе къ переходному глагольному слову, совпаденіе формы винительнаго падежа съ именительной формой представляло неудобство именно по отношенію къ тѣмъ склоняемымъ словамъ, которыя обозначали существа одушевленныя, а не по отношенію къ другимъ склоняемымъ словамъ, обозначавшимъ нѣчто неодушевленное. Въ первомъ случаѣ, по отношенію къ склоняемымъ словамъ, обозначавшимъ одушевленныя существа, при отсутствіи отличія формы въ значеніи винительнаго падежа отъ формы именительной, могло оставаться невыраженнымъ, которое изъ двухъ словъ обозначаетъ объектъ переходнаго аттрибута, которое — субъектъ, такъ какъ одушевленное существо можетъ быть какъ субъектомъ, такъ и объектомъ переходнаго аттрибута. Во второмъ случаѣ, то есть по отношенію къ склоняемымъ словамъ, обозначающимъ нѣчто неодушевленное, изъ самаго сочетанія реальнаго значенія такого склоняемаго слова съ реальнымъ значеніемъ глагольнаго слова по большей части, именно въ случаяхъ конкретныхъ, опредѣляется то, что это склоняемое слово обозначаетъ или то, что можетъ быть лишь объектомъ, а не субъектомъ переходнаго аттрибута, или то, что можетъ быть

лишь переноснымъ субъектомъ, а не объектом переходнаго аттрибута, какъ скоро именно такое слово обозначаетъ нѣчто неодушевлен-ное, обладающее даннымъ аттрибутомъ въ его непереходной сторонѣ какъ постоян-нымъ свойствомъ, напр.: „огонь жжетъ, дождь мочитъ".

Условія сходныя съ тѣми, которыя дѣйство-вали по отношенію къ разсмотрѣнному явленію русскаго языка, должны были суще-ствовать и въ индоевропейскомъ языкѣ въ ту эпоху его жизни, когда форма винитель-наго падежа возникла здѣсь лишь въ склоня-емыхъ словахъ, обозначавшихъ одушевленныя существа, между тѣмъ какъ склоняемыя слова, обозначавшія нѣчто неодушевленное, не получали такой формы, при чемъ и име-нительная форма въ такихъ словахъ от-личалась по образованію отъ именительной формы склоняемаго слова, имѣвшаго фор-му винительнаго падежа. Въ это время форма винительнаго падежа не могла имѣть тѣ значенія, какія мы находимъ въ ней въ эпоху распаденія индоевропейскаго языка, такъ какъ изъ этихъ значеній не объясняет-ся отсутствіе отдѣльной формы винитель-наго падежа въ склоняемыхъ словахъ средня-го рода. Мы не можемъ также предполагать и того, чтобы нѣкогда въ индоевропейскомъ языкѣ форма винительнаго падежа имѣла

то значеніе, какое получилъ винительный падежъ въ русскомъ языкѣ; мы не можемъ этого предполагать уже потому, что въ индоевропейскомъ глагольномъ словѣ мы не находимъ переходной формы въ ея отличіи отъ формы непереходной. Но мы можемъ предположить, что нѣкогда въ индоевропейскомъ языкѣ форма, ставшая впослѣдствіи формой винительнаго падежа, обозначала въ словѣ объектъ переходнаго аттрибута въ отличіе отъ субъекта переходнаго аттрибута, обозначавшагося въ томъ же словѣ формой именительной. Отсюда, сообразно съ сказаннымъ прежде объяснилось бы, почему винительная форма возникла лишь въ словахъ, обозначавшихъ одушевленныя существа, и почему эти слова отличались и въ именительной формѣ отъ словъ, обозначавшихъ нѣчто неодушевленное.

Форма рода въ индоевропейскомъ склоняемомъ словѣ существовала, какъ я сказалъ, лишь въ словахъ неличныхъ, какъ въ именахъ, такъ и мѣстоименіяхъ, между тѣмъ какъ слова личныя не имѣли формы рода. Такимъ образомъ личное склоняемое слово отличалось въ индоевропейскомъ языкѣ отъ прочихъ склоняемыхъ словъ, какъ по значенію и образованію формы числа, такъ и по отсутствію формы рода. Кромѣ того и въ образованіи самыхъ падежныхъ формъ индоевропейскія личныя слова отличались болѣе или

менье отъ прочихъ склоняемыхъ словъ. Такимъ образомъ склоняемыя слова въ индоевропейскомъ языкѣ не только по реальнымъ значеніямъ, но и по формамъ распадались на два главные класса: склоняемыя слова личныя и склоняемыя слова неличныя. Эти послѣднія, къ которымъ принадлежатъ какъ имена, такъ и мѣстоименія, въ свою очередь составляли два класса не только по реальнымъ значеніямъ, но и по формамъ. Въ мѣстоименіяхъ форма рода, какъ мы видѣли, представляла извѣстное отличіе по значенію отъ формы рода въ именахъ, и между мѣстоименіями и именами въ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху распаденія существовали извѣстныя различія и въ образованіи формъ склоненія, хотя эти различія были менѣе значительны чѣмъ тѣ, которыя существовали здѣсь въ склоненіи между именами и мѣстоименіями съ одной стороны и словами личными съ другой. Частью даже еще въ индоевропейскомъ языкѣ различія между именными и мѣстоименными формами склоненія могли стираться подъ вліяніемъ формъ одного склоненія на формы другаго склоненія. Имена въ индоевропейскомъ языкѣ распадались, какъ мы видѣли, по формамъ на имена существительныя и имена прилагательныя, но различіе между тѣми и другими существовало лишь въ формахъ флек-

сіи грамматическаго рода именъ прилагательныхъ, между тѣмъ какъ по отношенію къ склоненію ихъ и другія имена не различались между собой. Что касается значенія формъ склоненія въ прилагательныхъ именахъ, то надо замѣтить, что такъ какъ прилагательныя обнаруживаютъ зависимость отъ существительныхъ, то слѣдовательно и измѣненіе прилагательныхъ по формамъ склоненія обусловливается склоненіемъ существительныхъ.

Формы склоненія въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ образовывались при помощи различныхъ суффиксовъ, а звательная форма, въ ея отличіе отъ незвательной, обозначалась извѣстной флексіей основъ. Одна и таже форма склоненія могла представлять въ индоевропейскомъ языкѣ различія не только въ зависимости отъ различія въ склоняемомъ словѣ (было ли это слово личное, или неличное, а въ послѣднемъ случаѣ было ли оно имя, или мѣстоименіе), но иногда и въ зависимости отъ различія въ образованіи основы склоняемаго слова. Съ другой стороны были случаи, въ которыхъ въ соединеніи съ одной и той же основой допускались различные суффиксы склоненія съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ, что происходило частью и вслѣдствіе совпаденія различныхъ падежей въ одной падежной формѣ, частью подъ вліяніемъ склоне-

нія однихъ словъ на склоненіе другихъ словъ; насколько въ подобныхъ случаяхъ различія были діалектическими, судить пока трудно.

Что касается основъ словъ въ формахъ склоненія въ индоевропейскомъ языкѣ, то онѣ представляли различныя звуковыя измѣненія подъ фонетическимъ вліяніемъ суффиксовъ склоненія, а частью, можетъ быть и подъ вліяніемъ аналогіи формъ.

Мы разсмотримъ теперь формы склоненія общаго индоевропейскаго языка въ ихъ переходѣ въ отдѣльные индоевропейскіе языки - древне-индійскій, греческій, латинскій и старославянскій. Исторія склоненія въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ представляетъ постепенное совпаденіе различныхъ падежей въ одной формѣ съ различными значеніями. Тотъ же процессъ совпаденія различныхъ по значенію формъ склоненія въ одной формѣ происходилъ еще и въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, въ эпоху, предшествовавшую его распаденію, какъ можно думать на основаніи того, что въ формахъ множественнаго числа, а еще болѣе въ формахъ двойственнаго числа, мы находимъ здѣсь, какъ я говорилъ прежде, соединеніе въ одной формѣ падежныхъ значеній, различавшихся въ формахъ въ единственномъ числѣ. Но и въ единственномъ числѣ въ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія существовали такія формы скло-

ненія, въ которыхъ совпали различные падежи. Такъ именно падежъ творительный-соціативный, хотя и могъ развить свои значенія творительнаго-соціативнаго изъ одного общаго значенія, непосредственно явился, повидимому изъ двухъ падежей, различавшихся между собой по этимъ двумъ значеніямъ, какъ можно думать на основаніи того, что въ эпоху распаденія индоевропейскаго языка въ этомъ падежѣ въ единственномъ числѣ существовали два различныхъ падежныхъ суффикса, уже не различавшіяся между собой по значенію. Падежи отложительный и родительный въ единственномъ числѣ въ склоненіи большинства основъ, за исключеніем основъ на ā, совпадали въ эпоху распаденія индоевропейскаго языка, по крайней мѣрѣ въ его діалектахъ, въ одной формѣ, хотя при этомъ, можетъ быть, въ другихъ діалектахъ оба эти падежа различались по формамъ въ склоненіяхъ всѣхъ основъ.

Въ древне-индійскомъ языкѣ сохранились, повидимому, вообще не совпавшими всѣ тѣ формы склоненія, которыя различались въ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія. Въ греческомъ языкѣ вполнѣ совпали въ одной формѣ падежи родительный и отложительный, и притомъ во всѣхъ числахъ; между тѣмъ какъ въ индоевропейск. языкѣ въ формахъ неединственнаго числа

отложительный падежъ совпадалъ съ дательнымъ падежемъ; кромѣ того въ греческом языкѣ совпали въ одной формѣ падежи - дательный, мѣстный и творительный-соціативный. Въ латинскомъ языкѣ совпали въ одной формѣ падежи - отложительный, мѣстный и творительный-соціативный. Наконецъ въ старославянскомъ языкѣ совпали въ одной формѣ падежи родительный и отложительный, какъ и въ греческомъ языкѣ, и притомъ во всѣхъ числахъ.

Кромѣ совпаденія въ одной формѣ склоненія значеній, принадлежавшихъ прежде различнымъ формамъ, исторія индоевропейскаго склоненія въ разсматриваемыхъ нами отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ, представляетъ и утрату нѣкоторыхъ формъ, въ индоевропейскомъ языкѣ, составлявшихъ склоненіе. Такъ въ латинскомъ языкѣ исчезла форма двойственнаго числа; въ латинскомъ, греческомъ и старославянскомъ языкахъ утрачена звательная форма единственнаго числа.

Съ другой стороны мы находимъ въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ появленіе новыхъ формъ склоненія, несуществовавшихъ въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ. Таковы различія формъ склоненія по формамъ мужескаго и женскаго рода въ древне-индійскомъ, греческомъ, старославянскомъ языкѣ, между

тѣмъ какъ въ индоевропейскомъ языкѣ формы рода въ склоненіи были формами средняго и несредняго рода.

Мы будемъ разсматривать формы склоненія общаго индоевропейскаго языка въ ихъ переходѣ въ отдѣльные индоевропейскіе языки по отношенію именно къ звуковой сторонѣ этихъ формъ, причемъ, понятно, мы должны, насколько можемъ, отличать явленія фонетическія отъ явленій, которыя вызывались вліяніемъ аналогіи. О различіи тѣхъ и другихъ явленій я говорилъ въ прежнихъ курсахъ.

Мы остановимся на формахъ склоненія именъ и разсмотримъ ихъ по отношенію къ различіямъ въ индоевропейскихъ основахъ именъ въ склоненіи, то есть по отношенію къ различіямъ въ окончаніяхъ основъ именъ въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ.

Основы именъ въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ были какъ основами на гласную, такъ и основами на согласную. Въ именныхъ основахъ на гласную здѣсь различались слѣдующія основы: 1) основы на слоговую гласную, именно на гласныя a, ā, на ĭ и ī, на ŭ и ū, 2) основы на i и u въ окончаніи дифтонговъ. Мы начнемъ съ индоевропейскихъ именныхъ основъ на a°, чередовавшихся съ a^e, то есть на тѣ гласныя, изъ которыхъ, какъ вамъ извѣстно въ греческомъ, латинскомъ и старока-

вянскомъ языкахъ получались o и e, а въ древнеиндійскомъ языкѣ a и при извѣстныхъ условіяхъ ā (послѣднее именно изъ a° такого рода при положеніи его въ открытомъ слогѣ не въ концѣ слова). Во всѣхъ этихъ многочисленныхъ основахъ конечная гласная a°, чередовавшееся съ a^e, принадлежала по происхожденію словообразовательному суффиксу, такъ что всѣ эти основы имѣли больше одного слога.

Именныя основы на a°, чередовавшееся съ a^e, которыя мы для краткости можемъ называть основами на a° (такъ какъ въ значительномъ большинствѣ формъ являлось въ окончаніи основы именно a°, а не a^e) были въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ мужескаго и средняго рода, причемъ въ формахъ склоненія основы мужескаго рода обозначались, какъ основы рода несредняго, и различіе въ склоненіи именъ того и другаго рода состояло въ томъ, что имена средняго рода не отличали винительнаго падежа отъ именительнаго, и при этомъ въ самой именительной формѣ представлялось отличіе въ образованіи отъ именительной формы именъ мужескаго рода, какъ рода несредняго.

Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ именныя основы на o (изъ индоевропейскаго ā°) иногда имѣютъ и женскій родъ, но, насколько мы можемъ судить на основаніи другихъ

индоевропейскихъ языковъ, общій индоевропейскій языкъ еще не имѣлъ основъ на $\underline{a}^{o}$ женскаго рода.

Относительно греческаго языка, именно относительно аттическаго діалекта и отчасти іоническаго, надо замѣтить, что именныя основы на первоначальное $\underline{a}^{o}$ здѣсь являются между прочимъ и въ видѣ основъ на $\underline{\bar{o}}$ ($\underline{\omega}$); но это существуетъ лишь или въ основахъ на такое $\underline{\bar{o}}$, которое получилось въ этихъ діалектахъ изъ стяженія, какъ напр. λαγώς изъ λαγωος, или въ такихъ основахъ, которыя оканчивались здѣсь на группу $\underline{\varepsilon+\omega}$ которая получилась вслѣдствіе перестановки количества гласныхъ въ группѣ $\underline{\eta,+o}$ ($\bar{\varepsilon}+o$); а въ этой группѣ между гласными существовала нѣкогда одна изъ тѣхъ согласныхъ, которыя при такомъ положеніи должны были исчезать въ греческомъ языкѣ. Поэтому въ другихъ діалектахъ, въ соотвѣтствіи съ такимъ аттическимъ $\underline{\varepsilon\omega}$ является $\underline{\alpha+o}$ или $\underline{\eta+o}$; какъ напр. аттическое $\underline{\nu\varepsilon\acute{\omega}\varsigma}$ соотвѣтствуетъ іоническому $\underline{\nu\eta\acute{o}\varsigma}$, дорическому $\underline{\nu\alpha\acute{o}\varsigma}$.

Единственное число именительный падежъ отъ основъ мужескаго рода.

Суффиксъ этой формы въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ былъ звукъ $\underline{s}$, который въ разсматриваемыхъ нами именахъ при-

ставлялся къ а° въ окончаніи основы; то есть именительный единственнаго числа отъ такихъ основъ мужескаго рода оканчивался здѣсь на -<u>а°</u>.

По теоріи Боппа, какъ извѣстно, всѣ наиболѣе древніе суффиксы общаго индоевропейскаго языка образовались изъ мѣстоименныхъ словъ-корней, то есть изъ тѣхъ корневыхъ словъ, которыя мы впослѣдствіи находимъ въ корняхъ мѣстоименныхъ словъ. Въ большинствѣ случаевъ эта теорія, понятно, принадлежитъ къ числу такихъ гипотезъ, которыя не могутъ быть провѣрены, такъ какъ хотя такое происхожденіе суффиксовъ можетъ представляться вѣроятнымъ въ виду того, что мы знаемъ изъ другихъ языковъ относительно происхожденія аффиксовъ изъ отдѣльныхъ словъ, тѣмъ не менѣе изъ самого индоевропейскаго языка не можетъ быть открыто происхожденіе тѣхъ суффиксовъ, которые существовали въ немъ въ эпоху его распаденія. Къ рѣдкимъ исключеніямъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ суффиксъ именительнаго падежа единственнаго числа - звукъ <u>s</u>, такъ какъ здѣсь является возможность прослѣдить по нѣкоторымъ указаніямъ происхожденіе этого суффикса. Боппъ выводитъ этотъ суффиксъ изъ указательнаго корня <u>sa</u>, являющагося впослѣдствіи въ корнѣ одного изъ указательныхъ мѣстоименій

существующаго въ древнеиндійскомъ, греческомъ и готскомъ языкахъ. Эта догадка Боппа основывается на нѣкоторыхъ фактахъ языка, а именно - при такомъ происхожденіи суффикса именительнаго падежа единственнаго числа s -объясняется, почему сама мѣстоименная основа sa имѣла въ индоевропейскомъ языкѣ именительный падежъ мужескаго рода безъ этого суффикса -s. [сравните греческое ὁ, членъ]. и отсюда же объясняется и то, почему эту основу sa мы находимъ только въ именительномъ падежѣ, между тѣмъ какъ въ косвенныхъ падежахъ она замѣняется другой основой ta, напр. въ греческомъ языкѣ винительный падежъ τόν при именител. ὁ.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ индоевропейскій суффиксъ именительнаго падежа единствен. числа мужескаго рода - звукъ s - сохранялся какъ s. По этому напр. отъ древнеиндійской основы açva (конь) - именительный единственнаго - açvas, отъ основы deva (богъ) - devas. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ древнеиндійскомъ окончаніе словъ подвергалось извѣстнымъ фонетическимъ измѣненіямъ въ зависимости отъ того, стояло ли слово въ концѣ рѣчи, или передъ другимъ словомъ; а въ послѣднемъ случаѣ на различныя измѣненія въ окончаніи предшествующаго слова вліяли различія въ началѣ слѣдующаго слова.

Поэтому и въ именительномъ падежѣ единственнаго числа мужескаго рода основъ на ā°

конечное as въ древнеиндійскомъ языкѣ удерживалось въ этомъ видѣ лишь при извѣстномъ положеніи слова, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ оно переходило въ ah (h обозначаетъ придыханіе) въ a и въ ō (гдѣ это ō не изъ дифтонга, а изъ удлиненія a), то есть именительная форма açvas при извѣстномъ положеніи слова звучало açvah и açvo.(*)

Въ греческомъ языкѣ индоевропейскій суффиксъ именительнаго падежа единственнаго числа основъ на индоевропейское a° мужескаго рода звукъ s также сохраняется какъ s; поэтому напр. ἵππος, λόγος, гдѣ os изъ индоевроп. a°s.

Въ латинскомъ языкѣ индоевропейское s въ окончаніи именительнаго единственнаго числа само по себѣ сохранялось какъ s, причемъ въ сочетаніи словъ передъ согласной это s могло исчезать. Гласная o передъ этимъ s съ теченіемъ времени измѣнилась въ латинскомъ языкѣ въ u, сперва тамъ, гдѣ этой гласной не предшествовало u, слоговое или неслоговое (послѣднее совпало затѣмъ съ v); а въ послѣдствіи и въ этихъ случаяхъ является us вмѣсто os; то есть напр. us въ filius въ классическомъ языкѣ произошло изъ os, из-

(*) Приводя древнеиндійскія формы я буду постоянно имѣть въ виду лишь наиболѣе древній видъ окончаній формъ въ этомъ языкѣ и не буду слѣдить за тѣми измѣненіями, которымъ подвергаются эти окончанія вслѣдствіе фонетическихъ законовъ древнеиндійскаго языка.

вѣстнаго намъ изъ древнелатинскаго языка, а напр. въ equos servos - o сохранялось неизмѣнным и въ классическомъ языкѣ, между тѣмъ какъ позже переходило въ u.

Это измѣненіе латинскаго os въ us было вызвано тѣмъ фонетическимъ закономъ, по которому всякое o въ конечномъ закрытомъ слогѣ, то есть передъ конечной согласной, въ извѣстную историческую эпоху жизни латинскаго языка становилось закрытымъ и переходило въ u, именно сперва тамъ, гдѣ этой гласной не предшествовало u, или v, а впослѣдствіи и при этомъ условіи.

Въ именительномъ единственнаго числа именныхъ основъ на ro, изъ индоевропейскаго rā°, латинскій языкъ представляетъ форму на одно r, безъ os или us въ концѣ, напр. vir; гдѣ этому r предшествовала согласная, между этой согласной и r развивалось e, напр. ager, греческое ἀγρός. И въ именительномъ единственнаго числа основъ на io изъ древнелатинскаго языка извѣстны, кромѣ формъ на ios и образованія на is, напр. alis при alios = alius. И въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло несомнѣнно съ явленіями фонетическими по происхожденію, и я думаю, что оба эти явленія вызваны дѣйствіемъ одного и того же фонетическаго закона. Чтобы опредѣлить этотъ законъ, надо предварительно опредѣлить, всѣ ли именныя основы на первоначальное rā° въ именительном

единственнаго на первоначальное *s* дали въ латинскомъ языкѣ форму на *v* безъ *os* или *us*, или же нѣкоторыя сохранили форму на *vos*, откуда позже *vus*. Еслибы дѣйствительно въ латинскомъ языкѣ существовало такое различіе, то происхожденіе такого различія надо бы было искать въ какомъ либо фонетическом различіи между самыми основами на *vă*? Я думаю однако теперь, что у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, что нѣкогда имена съ основою на первоначальное *vo* дали въ латинскомъ языкѣ форму на *vos*, *vus*, а не на *v*. Извѣстно, что изъ числа латинскихъ имен существительныхъ втораго склоненія окончаніе *ĕvus* мы находимъ только *(h)umerus*, *numerus*, *uterus* и *hervus*. Но латинское *hume-vus* имѣетъ основу не на первоначальное *vo*, но на первоначальное *so*, то есть латинское *v* здѣсь изъ *s* между гласными, черезъ посредство *z*. Съ латинскимъ *humerus* родственны среднеиндійская именная основа *amsa*, греческое *ῶμος*, гдѣ *ω* явилась въ общегреческомъ языкѣ изъ *o* въ связи съ измѣненіемъ слѣдующей группы - носовая согласная + *s* въ одну носовую согласную. Въ латинскомъ *numerus* - латинское *r*, повидимому, также изъ *s*, и латинская основа *numero* произведена отъ основы *numes*; но корню родственно греческое *νέμω*. Въ латинскомъ *hevus* такъ же предполагаютъ происхожденіе *v* изъ *s* между гласными и сопоставляютъ это слово съ од-

нимъ словомъ въ языкѣ Авесты - со значеніемъ „господинъ", словомъ, которое имѣетъ основу изъ индо-иранской основы asu (въ языкѣ Авесты s здѣсь подверглось извѣстному измѣненію). Во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія въ латинскомъ ꝑerus видѣть основу на первоначальное ro. То же примѣняется и къ латинскому uterus, происхожденіе котораго неизвѣстно. Подобнымъ же образомъ и въ числѣ другихъ латинскихъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ на ros-rus въ именительномъ падежѣ единственнаго числа, остаются, повидимому, неизвѣстны такія основы, относительно которыхъ можно было бы утверждать, что онѣ восходятъ къ индоевропейскому rā°. Въ латинскомъ языкѣ въ числѣ такихъ именъ, оканчивающихся на rus изъ ros, существуютъ имена, гдѣ латинское ro имѣетъ r изъ s, какъ въ тѣхъ именахъ, которыя я приводилъ. Существуютъ такія основы, гдѣ r можетъ восходить къ группѣ r+j, а a j послѣ согласной вообще исчезъ въ латинскомъ языкѣ. Затѣмъ, въ числѣ такихъ именъ есть имена съ основою на ro новаго происхожденія; таково напр. vorus въ сложномъ carnivorus. Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ форма на rus (изъ древняго ros) вмѣсто формы на одно r, или при формѣ на r, могла явиться подъ вліяніемъ аналогіи другихъ именъ на os, us: можетъ быть такъ объясняется prae-posterus, гдѣ самое сложеніе есть во всякомъ случаѣ сло...

ніе новое, и что въ posterus основа можетъ быть на древнее ro (ra̅°); отъ латинской же основы postero безъ prae, форма именительнаго падежа единственнаго числа не встрѣчается въ текстахъ. Итакъ имена съ основой на несомнѣнное индоевропейское ra̅° въ именительномъ падежѣ единственнаго числа на первоначальное s - давали въ латинскомъ языкѣ только форму на r, и образованіе этого конечнаго r изъ ros въ фонетическ. отношеніи однородно съ образованіемъ конечнаго r изъ ris въ извѣстныхъ именахъ третьяго склоненія (какъ напр. въ acer), или съ образованіемъ латинскаго конечнаго r изъ res, напр. въ латинскомъ quatuor, родственномъ съ древнеиндійскимъ ĉatvâres (форма именит. падежа множествен. числа отъ основы мужескаго рода); латинское ŏ въ quatuor изъ ō (на долготу гласной указываютъ языки древнеиндійскій и готскій), получилось по тому же фонетическому закону, по которому латинск. pater, mater имѣютъ ĕ изъ ē, такъ какъ еще въ пра-латинскомъ языкѣ долгая гласная конечнаго слога передъ плавной и носовой подвергалась сокращенію.

Итакъ всѣ эти случаи образованія конечнаго r изъ ros, ris, res указываютъ на то, что еще въ пралатинскомъ языкѣ краткая гласная передъ конечнымъ s исчезала послѣ r еще въ пралатинскомъ языкѣ, причемъ изъ r+s въ результатѣ должно было получиться r черезъ посредство r+r, такъ какъ и внутри слова изъ

r+s мы находимъ r+r. Но въ фонетическомъ законѣ, выраженномъ такъ, остается неразъясненнымъ то, почему именно r могло дѣйствовать такимъ образомъ на краткую гласную, слѣдовавшую за нимъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ, равно какъ и то, требовалось ли для образованія этого явленія присутствіе въ концѣ слова согласной s, а не какой либо другой согласной. Что касается послѣдняго, то я думаю, что s дѣйствовало здѣсь какъ согласная шумная, то есть что и при другой шумной согласной происходило тоже явленіе. Можно думать напр., что латинское fert при fero представляетъ исчезновеніе послѣ r краткой гласной передъ t, той которая явилась бы въ латинскомъ языкѣ при другомъ условіи въ видѣ i (dicit) и которая восходитъ къ индоевропейскому ă° въ окончаніи извѣстнаго рода основы глагола, то есть что въ латинскомъ fert была та же основа, что и въ древнеиндійскомъ bharati, старославянск. береть. Что касается формы fers, то, какъ бы ее ни объясняли, во всякомъ случаѣ въ конечномъ s надо видѣть позднѣйшую приставку по аналогіи другихъ формъ втораго лица, такъ какъ и первоначальное r+s въ латинскомъ языкѣ не удержалось бы въ этомъ видѣ, но перешло бы въ r. Такимъ образомъ можно думать, что форма fer (замѣненная черезъ fers) получилась сама изъ той формы fers, гдѣ послѣ r исчезла краткая гласная въ

окончаніи основы, которая тамъ, гдѣ сохранялась, являлась въ латинскомъ языкѣ въ видѣ i (dicis), что есть что и здѣсь была таже основа, какъ напр. въ древнеиндійскомъ bharasi, или старославянскомъ бере въ береши. Въ такомъ случаѣ такія формы какъ fertis или повелительное ferte надобы объяснять вліяніемъ аналогіи со стороны формъ fers, fert.

И такъ исчезновеніе краткой гласной послѣ r въ конечномъ слогѣ происходило въ пралатинскомъ языкѣ не передъ s только, что было бы непонятно, но вообще передъ согласной шумной, слѣдовательно и передъ s, какъ передъ согласной шумной, то есть передъ такой, которая не принадлежитъ къ согласнымъ плавнымъ или носовымъ; а что плавныя и носовыя согласныя препятствовали выпаденію предшествовавшей краткой гласной послѣ r, указываютъ формы винительнаго падежа единственнаго числа основъ на ro, напр. virum, или такіе случаи какъ puerum, uber и тому подобные.

Кромѣ того намъ извѣстно и по отношенію къ долгимъ гласнымъ въ пралатинскомъ языкѣ, въ конечномъ закрытомъ слогѣ, что конечныя плавныя и носовыя, слѣдовавшія за ними, дѣйствовали на нихъ не такъ, какъ конечныя шумныя согласныя. Но опредѣляя условія выпаденія краткой гласной послѣ r въ пралатинскомъ языкѣ - положеніемъ въ конечномъ слогѣ передъ шумной согласной [а конечный слогъ сто-

собенъ сокращать звуки], опредѣляя это условіе, мы этимъ не объясняли, почему именно послѣ r происходило такое явленіе.

Я понимаю это явленіе такъ: въ праларинскомъ языкѣ, и можетъ быть еще въ общеиталійскую эпоху, краткая гласная въ конечномъ слогѣ передъ конечной согласной становилась вообще гласной ирраціональной (то есть очень краткой). На это указываютъ и факты другихъ древнеиталійскихъ языковъ, гдѣ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа на первоначальное s отъ основъ на первоначальное ǎ̊ мы находимъ исчезновеніе этой гласной не только тамъ, гдѣ она и въ латинскомъ не сохранялась, но и послѣ другихъ согласныхъ, напр. умбрское ager, латинское ager, осское hurts (u - o закрытому), латинское hortus. Можно думать поэтому, что поводъ для такого явленія былъ данъ еще въ обще-италійскомъ языкѣ, именно, что краткая гласная въ конечномъ закрытомъ слогѣ, по крайней мѣрѣ передъ шумной согласной, здѣсь становилась вообще гласной ирраціональной. Извѣстно, что ирраціональная гласная съ теченіемъ времени можетъ какъ совсѣмъ исчезать, такъ и переходить въ краткую гласную полнаго образованія; напр. въ современномъ русскомъ языкѣ общеславянскія ирраціональныя гласныя ь и ъ частью исчезли, частью при другихъ условіяхъ перешли въ гласныя полнаго образованія е-ю.

Въ пралатинскомъ языкѣ ирраціональная гласная конечнаго закрытаго слога передъ шумной согласной въ положеніи послѣ согласной вообще становилась гласной краткой, но послѣ r исчезала вполнѣ, такъ какъ изъ числа согласныхъ согласная r наиболѣе способна получать слоговое свойство; то есть въ то время когда разсматриваемая пралатинская гласная была еще гласной ирраціональной, она въ положеніи послѣ r перешла сперва въ ирраціональную неслоговую гласную въ связи съ тѣмъ, что само r дѣлалось слоговымъ; такъ напр. изъ viros, agros получилось viros, agros; между тѣмъ какъ въ положеніи послѣ другихъ согласныхъ ирраціональная гласная продолжала удерживать слоговое свойство, такъ какъ предшествовавшая согласная оставалась неслоговой, и затѣмъ перешла въ гласную краткую полнаго образованія; тогда какъ неслоговая ирраціональная гласная, то есть въ положеніи послѣ r исчезла, причемъ слоговое r (r), гдѣ ему предшествовала гласная, становилось не слоговымъ, напр. virs, откуда vir; а гдѣ предшествовала согласная, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ неслоговой гласной послѣ r, развилась неслоговая гласная передъ r, получившая потомъ слоговое свойство, напр. изъ латинскаго agros получилось agros, откуда черезъ посредство agrs и далѣе agars (a неслоговая ирраціональная гласная) получилось ager; подобнымъ же образомъ ново-верхне-нѣмец-

кое Acker произошло изъ общенѣмецкаго akrs готское akrs съ слоговымъ r.

Приходя къ тому заключенію, что въ пра-латинскомъ языкѣ иррацiональная гласная конечнаго закрытаго слога передъ шумной согласной становилась неслоговой, а затѣмъ вполнѣ исчезала въ положеніи послѣ r, какъ послѣ согласной, получавшей слоговое свойство, - мы должны отсюда вывести, что и въ положеніи послѣ другихъ слоговыхъ звуковъ, то есть и послѣ слоговой гласной, должно было происходить въ пралатинскомъ языкѣ тоже исчезновеніе пралатинской иррацiональной гласной черезъ посредство ея перехода въ иррацiональную неслоговую гласную; то есть когда изъ viros, съ иррацiональнымъ o, получилось въ результатѣ vir изъ virs, напр. и изъ alios должно было явиться alis, которое мы и находимъ въ древне-латинскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ оказывается, что латинскія формы vir, ager, alis - вызваны дѣйствіемъ одного и того же фонетическаго закона.

Что же касается того обстоятельства, что такія формы какъ alis, Fulvis были замѣнены черезъ alius, Fulvius, то ясно, что эта замѣна была вызвана аналогіей со стороны основъ этихъ именъ въ другихъ падежныхъ формахъ.

Но почему же подобная аналогія не дѣйствовала на окончаніе въ именительномъ единствен-

основъ на r, почему эта форма на r не замѣнилась формой на rus? — Одной изъ причинъ, препятствовавшихъ вытѣсненію формы на r могло быть то, что здѣсь были имена, въ которыхъ только въ именительномъ падежѣ по фонетическимъ условіямъ развивалась e передъ r, то есть въ которыхъ именительная форма и по основѣ отличалась отъ другихъ падежей; а сохраненіе формы на r въ именительномъ единственнаго числа въ такихъ именахъ могло способствовать сохраненію такой же формы въ другихъ именахъ въ именительномъ единственнаго, хотя частью, быть можетъ, и существовала замѣна именительной формы на r формой на rus отъ основъ на ro.

Относительно образованія именительнаго единственнаго числа отъ основъ мужескаго рода на первоначальное ia° въ латинскомъ языкѣ надо замѣтить еще, что кромѣ формъ на is, являвшихся, какъ мы видѣли, фонетически, и на ios, ius, гдѣ io, iu заступило мѣсто i подъ вліяніемъ другихъ падежныхъ формъ отъ тѣхъ же основъ, — кромѣ этихъ формъ древне-латинскій языкъ представляетъ въ собственныхъ именахъ еще два образованія именительнаго единственнаго числа отъ такихъ основъ, а именно формы на i напр. Claudi и формы на io напр. Cornelio, Roscio; очень рѣдко встрѣчается именительный на o въ собственныхъ именахъ съ основою на o безъ предшествующаго i напр. Sexto

и эти спорадическіе случаи могли быть вызваны вліяніемъ аналогіи со стороны формъ на *io* въ собственныхъ именахъ съ основою на *io*; но какъ произошли отъ такихъ основъ такія формы именительнаго единственнаго мужскаго рода на *i* и на *io*? Ясно, что нельзя предполагать фонетическаго отпаденія конечнаго *s* такъ какъ оно пишется въ тѣхъ же текстахъ, между прочимъ и въ формѣ именительнаго падежа на *ios*, *-ius* отъ тѣхъ же основъ. Что касается именительной формы на *i*, какъ *Claudi* (количество *i* неизвѣстно), то я думаю, что она представляетъ по происхожденію звательную форму отъ основъ на *io* съ извѣстнымъ стяженіемъ *ie* въ *ī*, то есть я думаю, что это та же форма, которая въ качествѣ звательной формы продолжала употребляться и впослѣдствіи и которая нѣкогда могла замѣнять въ латинскомъ языкѣ и именительную форму, хотя при этомъ продолжала существовать и дѣйствительная именительная форма; такъ въ текстѣ Senatus consultum de Bacchanalibus напр. *Claudi*, а вмѣстѣ съ тѣмъ напр. *Marcius*. Примѣры того, что звательная форма можетъ получать значеніе именительной формы, представляютъ и другіе языки; такъ въ сербскомъ языкѣ нерѣдко звательная форма употребляется въ значеніи именительной формы, а далѣе мы увидимъ аналогичные случаи въ греческомъ языкѣ. И такъ

древне латинская именительная форма на ī отъ собственныхъ именъ съ основой на io можетъ быть объясняема, какъ форма звательная по происхожденію. Что же касается древне латинской именительной формы на io отъ собственныхъ именъ съ основой на io, то эту форму я не могу объяснить иначе, какъ вліяніемъ извѣстной аналогіи, а именно - я предполагаю, что въ то время, когда въ латинскомъ языкѣ при именительномъ на is отъ именъ съ основою на io сталъ употребляться и именительный на ios (ius); тоже io стало замѣнять ī и въ параллельной именительной формѣ на ī, образовавшейся изъ звательной формы.

Въ старославянскомъ языкѣ въ соотвѣтствіи съ индоевропейскимъ ă°s въ окончаніи именительнаго единственнаго числа отъ основъ мужескаго рода на ă° мы находимъ ъ, то есть ирраціональное u, напр. рабъ. Старославянскій ъ изъ общеславянскаго ъ, который получился здѣсь по тому фонетическому закону общеславянскаго языка, по которому всякое o въ конечномъ закрытомъ слогѣ, то есть передъ конечной согласной, становясь закрытымъ, переходило въ ŭ, отсюда, какъ изъ всякаго ŭ въ общеславянскомъ языкѣ явилось u ирраціональное, то есть -ъ. Съ этимъ измѣненіемъ o въ такомъ положеніи по направленію къ u сравните подобное же явленіе въ латинскомъ языкѣ. Впослѣдствіи, въ эпоху распаденія общеславянскаго языка на

существовало самое ь, такъ какъ въ это время не допускались вообще согласная въ концѣ слова. Тамъ, гдѣ передъ ъ стояла въ общеславянскомъ языкѣ мягкая согласная j или согласная смягченная (а смягчение согласныхъ вызывалось дѣйствiемъ j'а) ъ измѣнялось въ ь что есть ĭ; отсюда и въ старославянскомъ языкѣ ь въ образованiяхъ, какъ оучитель, мѫжь; изъ группы же j + ь въ старославянскомъ получалось jĭ, совпадавшее может быть съ звукомъ ĭ и выражавшееся тою же буквою, поэтому напр. покои, гдѣ конечное и изъ j + ь, а ь изъ ъ подъ влiянiемъ предшествующей мягкой согласной.

Винительный падежъ
основъ мужескаго рода на индоевроп. ă°.

Падежнымъ суффиксомъ въ индоевропейскомъ языкѣ было здѣсь m, и винительный единственнаго числа отъ основъ на ă° оканчивался на ăm. Въ древнеиндiйскомъ отсюда ăm напр. áçvăm отъ основы áçvă. Въ греческомъ, какъ вамъ извѣстно, всякое конечное m переходило въ n и индоевропейскому ăm соотвѣтствуетъ греческое ον напр. ἵππον. Въ латинскомъ конечное m само по себѣ удерживалось и винительный единственнаго числа отъ основъ мужескаго рода на первоначальное ă° оканчивался въ латинском языкѣ на om, откуда позже um по закону, о которомъ я говорилъ по поводу именительной формы, напр. filiom, filium; aqvom, aqvum; equom, equum. Рядомъ съ формами на m тѣ-же

формы въ древнихъ надписяхъ пишутся и безъ m, какъ и въ другихъ случаяхъ конечное m частью писалось, частью не писалось, откуда надо заключать, что конечное m въ латинскомъ языкѣ могло звучать слабо; а передъ гласной слѣдующаго слова оно могло совсѣмъ исчезать.

Въ старославянскомъ языкѣ и уже въ общеславянскомъ винительный единственнаго числа отъ основъ мужескаго рода на первоначальное ă° долженъ былъ совпасть по фонетическимъ условіямъ съ именительнымъ единственнаго числа отъ тѣхъ же основъ, и въ старославянском при именительномъ рабъ, мѫжь, покои и винительный звучалъ также. Мы видѣли, что нѣкогда въ общеславянскомъ языкѣ, когда здѣсь допускалась конечная согласная, o передъ конечной согласной переходило въ ъ и поэтому, какъ въ именительномъ, такъ и въ винительномъ въ общеславянскомъ языкѣ въ конечномъ слогѣ должно было получаться ъ изъ o. Этотъ ъ изъ o въ формѣ винительнаго падежа долженъ былъ быть нѣкогда носовымъ въ общеславянскомъ языкѣ, такъ какъ за нимъ слѣдовала носовая согласная; а въ извѣстную эпоху общеславянскаго языка существовалъ законъ, по которому носовыя согласныя безъ послѣдующей гласной измѣняли предшествующую гласную въ носовую гласную, но изъ носовыхъ гласныхъ въ эпоху распаденія общеславянскаго языка сохранились лишь незакрытыя носовыя гласныя ę и ǫ, между

тѣмъ какъ закрытыя носовыя гласныя, то есть носовыя ī, ū, и ѣ, ъ утратили носовое свойство еще въ общеславянскомъ языкѣ, и поэтому въ винительномъ единственнаго числа отъ основъ на первоначальное ă° гласная ъ въ концѣ была уже не носовой въ эпоху распаденія общеславянскаго языка, отсюда и старославянск. ъ.

Именительный-винительный
или собственно именительный падежъ
отъ основъ средняго рода на первоначальное ă°.

Именительный-винительный единственнаго числа средняго рода отъ именныхъ основъ на ă° оканчивался въ индоевропейскомъ языкѣ на ăт, то есть имѣлъ суффиксомъ т и слѣдовательно совпадалъ по звуковой сторонѣ формы съ винительнымъ единственнаго числа тѣхъ же основъ мужескаго рода, хотя въ склоненіи всѣхъ прочихъ основъ въ индоевропейском языкѣ именительный-винительный падежъ единственнаго числа средняго рода отличался и по звуковой сторонѣ формы какъ отъ именительнаго, такъ и отъ винительнаго падежа тѣхъ же основъ мужескаго рода. Такъ какъ индоевропейскій именительный-винительный средняго рода отъ основъ на ă° не отличался отъ винительнаго единственнаго мужескаго рода, то слѣдовательно и въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ не могло существовать фонетическое различіе между обѣими формами.

Дѣйствительно и въ древнеиндійскомъ и въ греческомъ и въ латинскомъ языкѣ именительный-винительный единственнаго числа средняго рода отъ основъ на первоначальное ă° образуется совершенно также, какъ винительный единственнаго числа основъ на ă° мужескаго рода, напр. древнеиндійское yugam, латинское jugum, греческое ζυγόν. Но въ общеславянском языкѣ, а потому и въ старославянскомъ оказывается различіе между обѣими формами, и форма именительнаго-винительнаго единственнаго числа средняго рода отъ основъ на первоначальное ă° оканчивается на о, а не на ъ, напр. старославянское иго. Понятно, что если славянскій ъ въ винительномъ единственнаго числа отъ основъ мужескаго рода на первоначальное ă° представляетъ фонетическое измѣненіе индоевропейскаго ăm, то слѣдовательно славянское о въ именительномъ-винительномъ единственнаго числа средняго рода отъ основъ на первоначальное ă° не можетъ быть фонетическимъ измѣненіемъ индоевропейскаго ăm, то есть славянское о въ этой формѣ должно быть объяснено аналогіей. Такое вліяніе могло быть оказано со стороны формы именительнаго-винительнаго единственнаго числа средняго рода отъ мѣстоименныхъ основъ на славянское о изъ индоевропейскаго ă°, то есть со стороны такихъ образованій, какъ напр. общеславянское и старославянское то, гдѣ въ

концѣ нѣкогда хо^т^вшаго d изъ индоевропейска-
~~фраз составлявшаго суффиксъ этой формы~~
го d, какъ и всякой мгновенной ~~дальн.~~ конечна-
исходило повидимому, еще въ литовскославян-
скомъ языкѣ [сравните въ греческомъ отпаденіи конечной мгновенной согласной, напр. d: τό изъ τόδ], и въ эпоху когда въ общеславянскомъ языкѣ o въ конечномъ закрытомъ слогѣ переходило въ ъ, откуда ъ. мгновенная согласная въ концѣ слова уже не существовала, а потому o въ словѣ то по фонетическимъ условіямъ осталось неизмѣненнымъ въ ъ. Это то o въ мѣстоименныхъ формахъ повліяло повидимому въ общеславянскомъ языкѣ и на форму именительнаго-винительнаго единственнаго числа отъ именныхъ основъ средняго рода на первоначальное ā° и повліяло потому, что иначе послѣдняя форма совпала бы съ формой именительнаго единственнаго числа мужескаго рода отъ основъ на первоначальное ā°. Послѣ мягкой согласной (j смягченная согласная) мы находимъ общеславянское и старославянское e изъ o по тому же закону, по которому ъ въ такомъ положеніи обратился въ ь, и потому напр. старославянское ложе, море, срьдьце, пьние.

Родительный падежъ.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ суффиксомъ родительнаго единственнаго числа отъ основъ на первоначальное ā° является sya, напр.

açvasya отъ основы açva-, имѣвшій суффиксъ уникального единственнаго числа въ склоненіи основъ на первоначальное ā° указываютъ и германскіе языки; а въ склоненіи мѣстоименныхъ основ сюда же принадлежитъ окончаніе формы родительнаго падежа единственнаго числа и въ прусскомъ языкѣ, наконецъ изъ того же суффикса объясняется общеславянское и старославянское со въ формѣ чьсо (мѣстоименная основа ki): славянское s(ş) непосредственно изъ двухъ s, которыя получились изъ s+i. Этимъ индоевропейскимъ суффиксомъ должно было быть слѣдовательно, sya вѣроятно съ j послѣ s, гдѣ слѣдующее a было неударяемо, и съ i, гдѣ слѣдующее a находилось подъ удареніемъ. Изъ сопоставленія др.-индійскаго и др.-иранскихъ языковъ съ языками германскими можно вывести заключеніе, что уже въ индоевропейск. языкѣ въ склоненіи не только мѣстоименныхъ основъ, но и именныхъ основъ на ā° была извѣстна форма родительнаго единственнаго числа съ такимъ суффиксомъ sya, sia. въ склоненіи мѣстоименныхъ основъ, которыя были основами односложными, удареніе падало на конечную гласную, вслѣдствіе чего послѣ s въ этомъ суффиксѣ являлось i, а не j, а въ склоненіи именныхъ основъ на ā°, какъ основъ имѣвшихъ болѣе одного слога, удареніе оставалось на одном и томъ же слогѣ основы, и потому этотъ суф-

фиксъ заключалъ, вѣроятно, j а не i̯. Въ связи съ присутствіемъ или отсутствіемъ ударенія на гласной этого падежнаго суффикса быть можетъ находилось и различіе въ качествѣ этого a: подъ ударенiемъ, въ склоненіи односложныхъ мѣстоименныхъ основъ это было $\bar{a}^{o}$, отсюда славянское o, но въ формахъ безъ ударенія, то есть въ склоненіи именныхъ основъ на $\bar{a}^{o}$ можетъ быть здѣсь было $\bar{a}^{e}$, что впрочемъ не можетъ быть опредѣлено по формамъ, которыя намъ извѣстны. Что же касается качества a передъ этимъ суффиксомъ въ окончаніи основъ на a^{o}, чередовавшимся съ $\bar{a}^{e}$, то изъ германскихъ языковъ надо вывести заключеніе, что оно было $\bar{a}^{e}$, а не $\bar{a}^{o}$ не только въ мѣстоименныхъ основахъ, но также и въ именныхъ.

Кромѣ формъ родительнаго единственнаго на sı̯a, sja въ склоненіи основъ на $\bar{a}^{o}$, индоевропейскій языкъ долженъ былъ имѣть также и другое образованіе съ другимъ падежнымъ суффиксомъ, какъ свидѣтельствуютъ языки греческій, латинскій и славянскій. Въ этомъ другомъ образованіи форма родительнаго падежа единственнаго числа въ склоненіи именныхъ основъ на $\bar{a}^{o}$ оканчивалась въ индоевропейскомъ языкѣ повидимому на $\bar{a}^{o}$+i̯$\bar{a}^{e}$; здѣсь къ основѣ на $\bar{a}^{o}$ присоединялся падежный суффиксъ ia со слоговымъ i̯, которое въ положеніи между гласными стало неслоговымъ, примкнувши въ слоговомъ отношеніи къ послѣдующей гласн…

не имѣвшей ударенія. Я думаю теперь, что въ суффиксѣ этой формы было въ индоевропейскомъ языкѣ $\breve{a}^e$ а не $\breve{a}^o$: только изъ $\breve{a}^o i\breve{a}^e$ а не изъ $\breve{a}i\breve{a}^o$ можетъ быть объяснено удовлетворительно латинское $\bar{i}$ въ окончаніи этой формы, а частью можетъ быть и греческій языкъ свидѣтельствуетъ, что въ окончаніи этой формы было не $\breve{a}^o$, а $\breve{a}^e$. Такое заключеніе согласно съ тѣмъ фактомъ общаго индоевропейскаго языка, что а, которое было $\breve{a}^o$, чередовавшееся съ $\breve{a}^e$ въ концѣ слова, безъ ударенія являлось какъ $\breve{a}^e$; таково $\breve{a}^e$ въ окончаніи звательной формы единственнаго числа отъ разсматриваемыхъ нами основъ. Индоевропейскій суффиксъ родительнаго единственнаго числа на ia-i слоговый присоединялся и къ мѣстоименнымъ основам на $\breve{a}^o$, равно какъ и къ мѣстоименнымъ основамъ на другія гласныя, но вслѣдствіе существованія другихъ фонетическихъ условій здѣсь получалась форма, отличавшаяся въ звуковомъ отношеніи отъ формы родительнаго единственнаго числа съ тѣмъ же первоначальнымъ суффиксомъ въ склоненіи именныхъ основъ на $\breve{a}^o$, а именно въ склоненіи мѣстоименныхъ основъ, какъ основъ односложныхъ, удареніе въ косвенныхъ падежахъ, имѣвшихъ въ падежномъ суффиксѣ гласную, падало въ индоевропейскомъ языкѣ на эту гласную падежнаго суффикса. Въ связи съ этимъ въ разсматриваемомъ нами суффиксѣ родительнаго единственнаго числа

конечное a въ склоненіи мѣстоименныхъ основъ являлось какъ ă° подъ удареніемъ въ концѣ слова; вмѣстѣ съ тѣмъ слоговое i̯ между гласными при такомъ фонетическомъ условіи, то есть когда гласная слѣдующая за i̯ имѣла на себѣ удареніе, распадалось въ индоевропейскомъ языкѣ на два неслоговыхъ i̯, изъ которыхъ первое соединялось съ предшествующимъ a въ дифтонгъ, а второе примыкало въ слоговомъ отношеніи къ слѣдующему a, то есть отъ мѣстоименныхъ основъ на ă° при такомъ образованіи формы родительнаго единственнаго числа получалась форма на ăi̯-i̯ắ°, между тѣмъ какъ родительный единственнаго числа отъ именныхъ основъ на ă° съ тѣмъ же первоначальнымъ падежнымъ суффиксомъ оканчивался въ индоевропейскомъ языкѣ повидимому на ă°-i̯ăe.

Мы разсматриваемъ теперь склоненіе именныхъ, а не мѣстоименныхъ основъ, но я долженъ былъ указать и на индоевропейскую форму родительнаго единственнаго числа въ мѣстоименномъ склоненіи, такъ какъ въ греческомъ языкѣ эта форма частью оказала вліяніе и на именное склоненіе. Въ греческомъ языкѣ изъ индоевропейскаго ă°-i̯ăe въ окончаніи родительнаго единственнаго числа склоненія именныхъ основъ на первоначальное ă° получилось общегреческое οε съ выпаденіемъ неслоговаго i̯ между гласными, а группа οε въ діалек

нихъ подвергалась стяженію, въ однихъ діалектахъ въ ου (изъ ο закрытаго) именно въ іоническомъ, аттическомъ - напр. λύκου, въ другихъ въ ω̄ то есть ω напр. въ строго дорическомъ, изъ Θессалій-скаго же нарѣчія извѣстно οι повидимому изъ οε, напр. родительный Σατύροι Σιλάνοι. Обыкновенно это греческое ου, ω въ окончаніи родительнаго падежа единственнаго числа объясняютъ непосредственно изъ οο, но оно могло получиться и изъ οε. Θессалійское же окончаніе οι никакимъ образомъ нельзя объяснять изъ οο и также трудно выводить его изъ οιο и быть можетъ это οι образовалось изъ οε. Форма родительнаго единственнаго числа именнаго склоненія основъ на греческое ο (первоначальное ă). оказывала въ греческомъ языкѣ вліяніе и на склоненіе мѣстоименныхъ основъ на греческое ο, напр. τοῦ, какъ λύκου, какъ и въ дательномъ единственнаго числа мѣстоименныя основы на греческое ŏ въ греческомъ получали форму по аналогіи дательнаго единственнаго числа отъ именныхъ основъ на ο, но съ другой стороны относительно формы родительнаго единственнаго числа отъ основъ на греческое ο частью существовало въ греческомъ языкѣ и обратное вліяніе мѣстоименнаго склоненія на именное склоненіе, а именно гомеровскія формы на οιο: λύκοιο я считаю принадлежащими по происхожденію лишь мѣстоименному склоненію основъ на ŏ τοῖο и перенесенными отсюда въ именное склоненіе: то

ешь эти формы на oio я возвожу къ нимъ индоевропейскимъ формамъ на ăį-įă, которыя существовали въ родительномъ единственнаго числа отъ мѣстоименныхъ основъ на ă°.

Въ латинскомъ языкѣ въ окончаніи родительнаго надежа единственнаго числа въ склоненіи именныхъ основъ на первоначальное ă°, мы находимъ ī : equī. Относительно этого ī прежде всего надо опредѣлить, произошло ли оно непосредственно изъ дифтонга ei, или же никогда не было дифтонгомъ. Въ данномъ случаѣ вопросъ о непосредственномъ происхожденіи ī можетъ быть рѣшенъ изъ самаго латинскаго языка, такъ какъ эта форма встрѣчается и въ такихъ древнихъ надписяхъ, которыя различаютъ дифтонгъ ei и ī; къ такимъ надписямъ принадлежитъ извѣстная надпись „Senatus consultum de Bacchanalibus, гдѣ въ родительномъ единственнаго числа отъ именныхъ основъ на первоначальное ă°, пишется ī, между тѣмъ какъ въ именительномъ множественнаго отъ тѣхъ же основъ здѣсь является ei, а мы увидимъ далѣе, что латинскій языкъ, дѣйствительно, получалъ дифтонгъ въ окончаніи послѣдней формы. Итакъ, въ окончаніи родительнаго единственнаго числа въ склоненіи именныхъ основъ на латинское ŏ латинскій языкъ имѣлъ ī не изъ дифтонга. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ самаго латинскаго языка видно, что это ī не можетъ восходить къ индоевропейскому ī, такъ

какъ первоначальное ī въ латинскомъ языкѣ въ концѣ слова какъ и всякая долгая гласная въ первоначальномъ концѣ слова, должно бы было сохраниться. И такъ, слѣдовательно, самъ латинскій языкъ показываетъ, что ī въ родительномъ единственнаго числа имянного склоненія основъ на первоначальное ā образовалось путемъ стяженія; но какъ именно получилось латинское ī изъ предполагаемаго мною индоевропейскаго āiă? Латинское ī я выводжу непосредственно изъ двухъ i, гдѣ первое i изъ o по тому же фонетическому[⊗] латинскаго языка, по которому являлось въ латинскомъ такое i изъ e, напр. въ такихъ случаяхъ, какъ veritas, не verotas или unicus изъ oinocos сравните славянское инокъ, а именно въ латинскомъ языкѣ изъ o во внутреннемъ слогѣ, не имѣвшаго латинскаго ударенія, при положеніи o не передъ группой согласныхъ, получалось i, которое являлось и изъ a и e при подобныхъ фонетическихъ условіяхъ. Что же касается втораго i то оно образовалось изъ ĭe съ первоначальнымъ слоговымъ i также какъ изъ ie съ первоначальнымъ слоговымъ i получалось въ латинском языкѣ ī напр. въ звательной формѣ основъ на io. Было ли долгимъ или краткимъ то i, которое получилось изъ группы ie въ положеніи послѣ гласной я не опредѣляю, такъ какъ при этомъ остается неизвѣстнымъ, продол-

[⊗] закону

жалось ли сохраняться i какъ i и въ такомъ случаѣ въ результатѣ стяженія надо ожидать ī, или же оно переходило сперва въ i слоговое и въ такомъ случаѣ въ результатѣ стяженія являлось ī, а опредѣлено это не можетъ быть потому, что i, получившееся такимъ путемъ въ разсматриваемой нами формѣ стягивалось далѣе съ предшествовавшимъ i въ одно i, понятно долгое. Итакъ, латинская форма родительнаго единственнаго числа именнаго склоненія основъ на первоначальное ă° указываетъ на то, что въ индоевропейскомъ iă въ окончаніи этой формы родительнаго единственнаго числа было ăᵉ, а не ă°: въ группѣ i+o въ латинскомъ языкѣ нельзя было бы предполагать измѣненія въ i такъ какъ и въ группѣ слоговое i+o въ латинскомъ языкѣ o не подверглось измѣненію подъ вліяніемъ предшествующаго i, напр. въ именныхъ основахъ на iŏ.

Въ старославянскомъ языкѣ въ родительномъ единственнаго числа именнаго склоненія основъ на первоначальное ă° мы находимъ а наприм. раба изъ общеславянскаго ā, которому вполнѣ соотвѣтствуетъ литовское ō. Уже литовскославянскій языкъ имѣлъ здѣсь долгую гласную и эта долгая гласная получилась слѣдовательно путемъ стяженія изъ ă°+e, между которыми исчезло i, такъ какъ i между гласными исчезло еще въ литовскославянскомъ языкѣ. Изъ самаго литовскославянскаго язы-

ка не можетъ быть опредѣлено, получилось-ли въ этой формѣ ā° изъ стяженія a°+e или изъ стяженія группы ă°+ă°, но на первую группу указываетъ латинскій языкъ.

Отложительный падежъ.

Въ индоевропейскомъ языкѣ отложительный падежъ въ склоненіи именныхъ основъ на ă° оканчивался на ā°d, гдѣ въ этомъ ā° слились ă° - конечная гласная основы + гласная падежнаго суффикса ad, [качество a въ этомъ ad остается неизвѣстнымъ].

Въ древнеиндійскомъ языкѣ отсюда ad, āt напр. açvād, açvāt отъ именной основы açva. Въ греческомъ языкѣ индоевропейская форма отложительнаго падежа была утрачена, при чемъ форма родительнаго падежа получила между прочимъ и значеніе отложительнаго. Въ латинскомъ языкѣ сохранилась форма отложительнаго падежа; при чемъ изъ индоевропейскаго ā°d здѣсь должно было получится ōd, поэтому напр. древнелатинское equōd. Но въ положеніи послѣ долгой гласной конечны d въ латинскомъ языкѣ довольно рано стало исчезать и изъ equōd явилось equō, вслѣдствіе чего эта форма по звуковой сторонѣ совпала съ формой дательнаго падежа. Въ общеславянскомъ и уже въ литовскославянскомъ языкѣ форма индоевропейскаго отложительнаго падежа была утрачена, при чемъ и здѣсь, какъ и въ греческомъ языкѣ, значеніе этого падежа

... формы родительнаго падежа.

Дательный падежъ.

Въ индоевропейскомъ языкѣ дательный падежъ единственнаго числа отъ именныхъ основъ на ă° оканчивался на дифтонгъ ā°i, гдѣ въ этомъ ā слились конечная гласная основы, то есть ă° + слоговая гласная дифтонга ăi, составлявшаго суффиксъ дательнаго падежа единственнаго числа (о качествѣ ă въ этомъ дифтонгѣ я буду говорить дальше).

Въ древнеиндійскомъ языкѣ индоевропейскій дифтонгъ ā°i долженъ былъ обратиться въ дифтонгъ āi; но въ склоненіи именныхъ основъ на ă° мы находимъ здѣсь въ дательномъ падежѣ единственнаго числа форму не на ai, но на aya; напр. отъ основы açva - дательный падежъ единственнаго числа - açvāya; повидимому эта форма заключаетъ въ себѣ какую то приставку къ древней формѣ дательнаго падежа единственнаго числа.

Въ греческомъ языкѣ индоевропейскому дифтонгу ā°i долженъ былъ соотвѣтствовать дифтонгъ ōi, то есть ῳ, который мы и находимъ здѣсь; напр. отъ основы ἱππο - дательный единственнаго числа - ἵππῳ. Въ латинскомъ языкѣ дифтонгъ ōi изъ индоевропейскаго ā°i терялъ неслоговую часть, то есть обращался въ ō и поэтому въ дательномъ падежѣ единственнаго числа основъ на первоначальное ă° являются такія формы какъ equō.

Въ общеславянскомъ языкѣ индоевропейскій ~~дифтонгъ ā°i въ окончаніи дат...~~ ственнаго числа разсматриваемыхъ основъ утратилъ неслоговую часть, а первоначальное ā° перешло сперва въ ō закрытое, отсюда далѣе въ ū, старославянское оу, напр. рабу. Индоевропейское ā° въ общеславянскомъ языкѣ давало и ā, напр. дати; но я думаю, что изъ индоевропейскаго ā° получалось и ū, черезъ посредство ō закрытаго, старославянскаго оу, и объясняю это различіе различіемъ въ качествѣ долготы гласной, которая получалась изъ индоевропейскаго ā° съ различнымъ качествомъ долготы. Въ данномъ случаѣ общеславянскій языкъ въ дифтонгѣ изъ индоевропейскаго ā°i въ окончаніи дательнаго падежа единственнаго числа имѣлъ то именно литовскославянское ō, которое давало въ общеславянскомъ не ā, но ū. Замѣчу, что на тоже качество долготы индоевропейское ā° въ дифтонгѣ ā°i указываетъ, какъ я думаю, и готскій языкъ, такъ какъ и здѣсь индоевропейское ā° давало двѣ различныхъ гласныхъ въ зависимости отъ различія въ качествѣ долготы этого ā°.

Творительный соціативный.

Въ этомъ падежѣ въ формѣ единственнаго числа индоевропейскій языкъ имѣлъ два различныхъ падежныхъ суффикса, между которыми, повидимому, не существовало различія въ значеніи въ эпоху распаденія индоевропей-

скаго языка.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ, именно въ ведійскомъ нарѣчіи, творительный единственнаго числа отъ именныхъ основъ на первоначальное $\bar{a}^{\circ}$ оканчивался между прочимъ на $\underline{\bar{a}}$, напр. $\underline{a\varsigma v\bar{a}}$ отъ основы $\underline{a\varsigma va}$. Тождественную по происхожденію форму въ склоненіи тѣхъ же основ представляетъ литовскій языкъ, изъ котораго видно, что индоевропейское $\underline{\bar{a}}$ въ этой формѣ было $\underline{\bar{a}}^{\circ}$; въ составъ этого $\underline{\bar{a}}^{\circ}$ вошло $\underline{\bar{a}}^{\circ}$ основы + какое то $\underline{a}$ падежнаго суффикса. Изъ склоненія же въ литовскомъ языкѣ основъ на $\underline{\bar{a}}^{\circ}$ и изъ славянскаго склоненія основъ женскаго рода видно, что въ индоевропейскомъ языкѣ одинъ изъ суффиксовъ творительнаго соціативнаго падежа единственнаго числа имѣлъ въ концѣ носовую согласную, и притомъ именно долгую носовую согласную, какъ показываетъ литовскій языкъ; а древнеиндійскій языкъ, въ которомъ эта согласная не сохранилась, свидѣтельствуетъ, что это было долгое $\underline{\bar{n}}$, такъ какъ $\underline{m}$ въ древнеиндійскомъ языкѣ удержалось бы, между тѣмъ какъ $\underline{\bar{n}}$ исчезало здѣсь и внутри слова съ удлиненіемъ предшествующей краткой гласной. Поэтому и относительно формы творительнаго соціативнаго единственнаго числа, являющейся въ ведійской формѣ $\underline{a\varsigma va}$ и въ соотвѣтствующей литовской формѣ надо думать, что въ индоевропейскомъ языкѣ эта форма оканчивалась на $\underline{a^{\circ}\bar{n}}$. Въ

древнеиндійскомъ индоевропейское конечное *n* не могло сохраниться послѣ конечной долгой согласной, даже еслибы оно не происходило изъ *n̄*; а въ литовскомъ языкѣ это *n* должно было исчезнуть безъ слѣда по извѣстнымъ фонетическимъ условіямъ.

Итакъ, индоевропейское окончаніе творительнаго соціативнаго въ томъ образованіи этой формы, которое мы находимъ въ ведійской формѣ *açvā* было *ā°n̄*, гдѣ *ā* получилось изъ сліянія *ă°* въ окончаніи основы съ *ā* не склонявшимся къ *e* падежнаго суффикса *ān* (смотрите далѣе объ этомъ суффиксѣ).

Въ древнеиндійскомъ языкѣ, кромѣ ведійской формы творительнаго соціативнаго на *ā*, мы находимъ въ склоненіи тѣхъ же основъ и другую форму, употреблявшуюся преимущественно и въ ведійскомъ нарѣчіи, а въ собственномъ санскритѣ вполнѣ вытѣснившую форму на *ā*, - это именно форма на *ena*; напр. отъ основы *açva* творительный соціативный былъ *açvena*.

Я думаю, что эта форма перенесена въ именное склоненіе изъ склоненія мѣстоименныхъ основъ, то есть что *açvena* напр. образовано по аналогіи такихъ формъ, какъ *tena* отъ указательной основы *ta*; а въ склоненіи мѣстоименныхъ основъ на индоевропейское *ă°* въ различныхъ падежахъ еще въ индоевропейскомъ языкѣ являлся въ окончаніи основы дифтонгъ

āi вмѣсто одного *ā*. Съ древнеиндійскимъ *te* въ *tena* тождественно старославянское *тѣ* напр. въ *тѣмь* (въ старославянскомъ падежный суффиксъ другой). Что же касается древнеиндійскаго окончанія *na* въ этой формѣ, то къ вопросу о происхожденіи *n* въ подобныхъ формахъ я обращусь впослѣдствіи, когда буду говорить объ склоненіи индоевропейскихъ основъ на *ĭ* и *ŭ*, а пока замѣчу, что изъ этого древнеиндійскаго *na* нельзя еще выводить индоевропейское *na* какъ одно изъ окончаній творительнаго соціативнаго единственнаго числа.

Перехожу теперь къ старославянской формѣ творительнаго соціативнаго единственнаго числа отъ именныхъ основъ на первоначальное *ā°*. Надо замѣтить, что общеславянскій языкъ имѣлъ вообще два суффикса творительнаго соціативнаго единственнаго числа, но въ употребленіи ихъ здѣсь установилось слѣдующее различіе: одинъ изъ нихъ сталъ соединяться лишь съ основами женскаго рода, а другой лишь съ основами мужескаго и средняго. Этотъ послѣдній звучалъ въ общеславянскомъ *тъ* (то есть *т + ĭ* ирраціональное). А такъ какъ разсматриваемыя основы оставались въ общеславянскомъ, а слѣдовательно и въ старославянскомъ только основами мужескаго и средняго рода, то поэтому въ склоненіи этихъ основъ въ творительномъ единственнаго числа является въ общеславянскомъ и старославянскомъ

языкахъ только этотъ надежный суффиксъ мь, напр. рабомь, дѣломь, конемь, полемь, (гдѣ е изъ о послѣ мягкой согласной). При формахъ на омь въ старославянскомъ языкѣ существовали и формы на ъмь, напр. рабъмь, дѣлъмь (напр. въ Остромировомъ Евангеліи употребляются исключительно эти формы); а изъ сопоставленія съ другими славянскими языками видно, что и въ общеславянскомъ языкѣ въ творительномъ единственнаго числа существовали оба эти окончанія, то есть какъ на омь, такъ и на - ъмь. Послѣдняя форма вызвана вліяніемъ творительнаго единственнаго числа отъ основъ на первоначальное ŭ, то есть славянское ъ и происхожденіе этого вліянія можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Въ литовскославянскомъ языкѣ творительный единственнаго числа отъ именныхъ основъ на первоначальное ă° оканчивался только на оn изъ индоевропейскаго ă°+n, которое въ общеславянскомъ языкѣ явилось въ видѣ ǫ, старославянское ѫ, то есть при именительномъ рабъ явился бы творительный рабѫ; но въ общеславянскомъ языкѣ въ творительномъ единственнаго числа мужескаго и средняго рода сталъ употребляться лишь суффиксъ мь, причемъ на образованіе такой формы отъ именныхъ основъ на ă° долженъ былъ повліять прежде всего творительный единственнаго числа отъ именныхъ основ

на первоначальное ŭ (славянское ъ), такъ какъ въ именительномъ единственнаго числа отъ основъ мужескаго рода являлись въ склоненіи тѣхъ и другихъ именъ одинаково формы на ъ по фонетическимъ условіямъ, напр. сынъ (отъ основы на первоначальное ŭ) какъ рабъ, и такъ какъ поэтому и въ образованіи другихъ падежныхъ формъ тѣ и другія основы оказывали вліяніе другъ на друга еще въ общеславянскомъ языкѣ. Отсюда объясняется то, что въ то время, когда въ общеславянскомъ языкѣ въ творительномъ единственнаго числа отъ именныхъ основъ на первоначальное а° сталъ употребляться въ окончаніи падежа суффиксъ мь, то по аналогіи съ творительнымъ единственнаго числа - сынъмь, при именительномъ сынъ, и въ творительномъ единственнаго, при именительномъ рабъ, явилась форма рабъмь, а поэтому и дѣлъмь, такъ какъ эти основы средняго рода совпали, кромѣ именительнаго и винительнаго падежей, съ основами мужескаго рода. Но такъ какъ въ склоненіи основъ на славянское о изъ индоевропейскаго а° въ другихъ падежахъ, имѣвшихъ въ падежномъ суффиксѣ м, въ дательномъ множественнаго, дательномъ и творительномъ двойственнаго, передъ этимъ м являлось о а не ъ, напр. дательный множественнаго числа рабомъ, то поэтому и при формѣ творительнаго единственнаго числа рабъмь возникла форма рабомь съ о передъ м. Въ склоне-

ненія основъ на славянское е изъ о послѣ мягкой согласной въ творительномъ единственнаго числа при окончаніи емь извѣстно изъ старославянскихъ текстовъ и окончаніи ьмь а послѣ гласной и имь, гдѣ и изъ j+ь-отьцемь и отьцьмь, краемь и краимь. Но эти формы на ьмь и имь, при формахъ на емь были здѣсь вообще гораздо менѣе употребительны, сравнительно съ формами на ъмь при формахъ на омь.

Происхожденіе ь въ этомъ случаѣ можетъ быть объясняемо двоякимъ образомъ; или это ь изъ ъ послѣ мягкой согласной, или же творительный единственнаго отъ такихъ основъ образовался по аналогіи съ творительнымъ единственнаго числа на ьмь отъ основъ на первоначальное ĭ, то есть славянскій ь.

Что касается самого падежнаго суффикса мь, то ему вполнѣ соотвѣтствуетъ литовскій суффиксъ mĭ въ творительномъ единственнаго числа отъ основъ на ĭ и ŭ, и славянское мь, вмѣстѣ съ литовскимъ mĭ, могло бы восходить, казалось къ индоевропейскому mĭ, но при опредѣленіи того вида, какой имѣлъ этотъ падежный суффиксъ въ индоевропейскомъ языкѣ является слѣдующее затрудненіе. Въ другихъ формахъ склоненія именъ и мѣстоименій, гдѣ мы находимъ въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ, а также и въ германскихъ, гласную m въ суффиксѣ флексіи, въ соотвѣт-

ствіи съ этимъ *m* другіе индоевропейскіе язы
ки указываютъ на индоевропейское *bh*.
Таково отношеніе славянскаго *м* въ суффик-
сѣ дательнаго множественнаго *мъ* и древнеин-
дійскаго *bh* въ суффиксѣ *bhyas*, латинское *b*
въ суффиксѣ *bos*, *bus*; или таково отношеніе
м въ суффиксѣ творительнаго множественна-
го *ми* къ древнеиндійскому *bh* въ суффиксѣ
bhis. Это отношеніе нельзя объяснять какъ яв
леніе фонетическое, такъ какъ индоевропейское
bh вообще не переходило въ *m* ни въ литовско-
славянскомъ, ни въ общенѣмецкомъ языкахъ,
и потому остается вопросомъ, какъ произошло
такое литво-славянское и германское *m*. было
ли оно извѣстно и въ индоевропейскомъ языкѣ
въ тѣхъ же падежныхъ суффиксахъ, какъ варі-
антъ *bh*, что однако трудно допустить, или
же оно явилось вслѣдствіи подъ вліяніемъ
какой-то аналогіи и въ такомъ случаѣ сходство
литославянскаго языка съ германскими язы
ками по отношенію къ такому *m* являлось
бы указаніемъ на то, что когда-то эти язы-
ки составляли одинъ общій языкъ. Итакъ, на-
ходя въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ
mi (въ германскихъ не сохранился соотвѣтству-
ющій суффиксъ), мы отсюда еще не можемъ
вывести въ этомъ суффиксѣ индоевропейское
m; и даже, еслибы мы допустили возможность
существованія индоевропейскаго *m* въ этомъ
суффиксѣ, мы должны были бы предположить

здѣсь и индоевропейское bh, то есть индоевропейскій суффиксъ bhi; сравните въ творительн. множественнаго числа суффиксъ bhis въ древне индійскомъ, при славянскомъ ми, литовскомъ mis. Къ этому bhi въ творительномъ единственнаго числа восходитъ, повидимому, греческое φι, φιν въ эпическихъ падежныхъ формахъ напр. отъ основъ на ŏ - θεόφι, ζυγόφιν; а эта падежная форма является уже и въ гомеровскомъ нарѣчіи извѣстнымъ остаткомъ древности, и значеніе ея уже и въ это время было очень неопредѣленно; она совмѣщала въ себѣ значенія различныхъ косвенныхъ падежей, кромѣ винительнаго, преимущественно творительнаго, мѣстнаго, отложительнаго, и не заключала значенія формы числа. Что касается подвижнаго ν въ этомъ суффиксѣ φιν, то, какъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ подвижное конечное ν послѣ ι въ греческомъ языкѣ имѣло фонетическое происхожденіе, а не было вызвано вліяніемъ аналогіи, такъ и здѣсь оно можетъ восходить къ индоевропейскому n̄, то есть для индоевропейскаго языка надо бы предположить суффиксъ творительнаго соціативнаго единственнаго числа - bhin̄. Замѣчу, что и славянское ь въ мь, и литовское i въ mi могутъ восходить не только къ индоевропейскому i, но и къ in̄. За исключеніемъ формы на φι φιν, представлявшей по происхожденію, повидимому, творительный падежъ и [illegible]

рано въ греческомъ языкѣ неопредѣленное падежное значеніе, и затѣмъ вышедшей изъ употребленія, греческій языкъ не сохранилъ какого либо другаго образованія творительнаго падежа единственнаго числа, и значеніе этого падежа совпало съ формой дательнаго мѣстнаго падежа единственнаго числа, а эта форма въ склоненіи разсматриваемыхъ нами основъ по происхожденію была формой индоевропейскаго дательнаго падежа.

Въ латинскомъ языкѣ индоевропейскій творительный соціативный также не сохранился, и значеніе этой формы въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ соединилось здѣсь съ формою отложительнаго падежа.

Мѣстный падежъ единственнаго числа.

Въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа въ склоненіи именъ съ основою на $\breve{a}^{o}$, чередовавшейся съ $\breve{a}^{e}$, индоевропейскій языкъ имѣлъ падежнымъ суффиксомъ $\underline{i}$. Что касается качества $\breve{a}$ въ окончаніи основы передъ этимъ i, то оно, какъ и въ звательной формѣ, было $\breve{a}^{e}$, причемъ изъ соединенія этого $\breve{a}^{e}$ основы съ падежнымъ суффиксомъ i получался дифтонгъ $\breve{a}^{e}i$. На такое качество а въ этомъ падежѣ указываютъ, какъ нѣкоторыя греческія образованія, принадлежащія сюда, такъ и древне-италійскіе языки, именно оскій языкъ. Наконецъ и по аналогіи того чередованія глас-

ныхъ (въ окончаніи основы), которое существовало въ склоненіи именныхъ основъ на $\underline{\breve{a}}^{a}$, надо ожидать, что и въ склоненіи именныхъ основъ на $\underline{\breve{a}}^{\circ\circ}$ въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа по какимъ то фонетическимъ условіямъ являлось $\underline{\breve{a}}$ того же качества, какъ и въ звательной формѣ, то есть $\underline{\breve{a}}^{e}$. Но хотя такимъ образомъ представляется несомнѣннымъ, что мѣстный единственнаго числа оканчивался въ индоевропейскомъ языкѣ на $\underline{\breve{a}^{e}i}$, нельзя отрицать и возможности, что при такой формѣ въ эпоху распаденія общаго индоевропейскаго языка была извѣстна и форма на $\underline{\breve{a}^{\circ}i}$, гдѣ $\underline{\breve{a}}^{\circ}$ могло замѣнить $\underline{\breve{a}}^{e}$ по аналогіи окончанія основы въ другихъ падежахъ. По крайней мѣрѣ частью изъ греческаго языка, а также изъ общеславянскаго языка, извѣстенъ въ формѣ этого падежа дифтонгъ $\underline{\breve{o}i}$, ~~[illegible]~~, причемъ можно допустить и то, что греческій и общеславянскій независимо одинъ отъ другаго въ ихъ отдѣльномъ существованіи замѣнили здѣсь $\underline{\breve{e}}$ черезъ $\underline{\breve{o}}$ по аналогіи окончанія основы въ другихъ падежахъ. Такимъ образомъ я оставляю нерѣшеннымъ, имѣлъ ли индоевропейскій языкъ въ склоненіи разсматриваемыхъ нами основъ въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа только форму на $\underline{\breve{a}^{e}i}$, или же здѣсь существовала и форма на $\underline{\breve{a}^{\circ}i}$.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ мѣстный падежъ единственнаго числа отъ именныхъ основъ на

первоначальное ă° оканчивался на ī, напр. açve. Древнеиндійское ē получалось, какъ извѣстно, изъ индоевропейскаго дифтонга ăi съ ă различнаго качества.

Въ греческомъ языкѣ индоевропейскій мѣстный падежъ единственнаго числа отъ основъ на ă° исчезъ какъ падежъ, причемъ значеніе этой формы соединилось съ формой дательнаго падежа. Но нѣкоторыя слова, ставшія нарѣчіями, по происхожденію представляютъ форму мѣстнаго падежа отъ основъ на ă°, причемъ пред падежнымъ суффиксомъ ĭ греческій языкъ въ діалектахъ представляетъ какъ ĕ, такъ и ŏ, напр. οἴκοι, πέδοι, но и οἴκει; и изъ древняго мѣстнаго падежа могутъ быть объясняемы дорическія нарѣчія мѣста на ει, какъ πεῖ, ὅπει, τουτεῖ причемъ въ склоненіи мѣстоименныхъ основъ на o такое образованіе возникло по аналогіи именныхъ основъ на o въ то время, когда еще въ греческомъ языкѣ сохранялся мѣстный падежъ.

Въ латинскомъ языкѣ мѣстный падежъ единственнаго числа отъ именныхъ основъ на ă° также исчезъ, какъ падежъ, какъ и въ греческомъ языкѣ, а значеніе его соединилось съ формой отложительнаго падежа; но въ нѣкоторыхъ словахъ съ основою на первоначальное ă° въ латинскомъ языкѣ сохранилась индоевропейская образованія мѣстнаго падежа въ качествѣ нарѣчій; таковы нарѣчія мѣста на ī отъ основъ собствен.

ныхъ именъ мѣстностей, напр. Tarenti, а такъ же нарѣчія humi, domi. Конечное ī восходитъ къ болѣе древнему ei, а латинское ei въ конечномъ слогѣ могло получиться не только изъ ăi, но и изъ первоначальнаго ă°i; но и изъ осскаго языка извѣстны образованія мѣстнаго падежа единственнаго числа на дифтонгъ ei, а осскій дифтонгъ ei въ конечномъ слогѣ не можетъ быть объясняемъ изъ первоначальнаго ăi, но указываетъ на ăi

Въ старославянскомъ языкѣ мѣстный пад. единственнаго числа отъ именныхъ основъ на ă° оканчивался на ѣ, напр. рабѣ, а это ѣ образовалось изъ того ē общеславянскаго, черезъ посредство ie, которое въ общеславянскомъ языкѣ стянулось изъ дифтонга oi (изъ первоначальнаго ăi и ă°i)-то есть славянское образованіе мѣстнаго падежа единственнаго числа вполнѣ совпадаетъ съ греческимъ образованіемъ на oi, какъ οἴκοι. Въ эпоху, когда въ общеславянскомъ языкѣ дифтонгъ oi сохранялся еще какъ oi, или еще какъ ai, здѣсь дѣйствовалъ тотъ законъ, по которому о или ă° послѣ мягкой согласной переходило въ ĕ, а поэтому и oi послѣ мягкой согласной переходило въ ei, а всякое ei въ общеславянскомъ стягивалось въ ī, отсюда старославянское и, напр. оучители, покои.

Звательная форма. Для образованія звательной формы, формы непадежной, какъ мы видѣли, индоевропейскій языкъ не имѣлъ

особаго суффикса, и потому звательная форма въ индоевропейскомъ языкѣ совпадала съ основой склоняемаго имени, причемъ, однако, имя въ звательной формѣ получало удареніе на первомъ слогѣ, гдѣ бы ни находилось удареніе въ именительномъ и другихъ падежахъ. Въ именахъ съ основою на $\breve{a}^{o,e}$ звательная форма въ индоевропейскомъ языкѣ имѣла въ окончаніи основы, а слѣдовательно и формы, - не $\breve{a}^{o}$, но $\breve{a}^{e}$, подобно тому, какъ и въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа отъ разсматриваемыхъ основъ передъ падежнымъ суффиксомъ являлось, какъ мы видѣли, также $\breve{a}^{e}$.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ, гдѣ всѣ индоевропейскіе виды $\breve{a}$ совпали въ одномъ звукѣ $\breve{a}$, звательная форма единственнаго числа отъ именныхъ основъ на первоначальное $\breve{a}^{o,e}$ оканчивалась поэтому на $\breve{a}$, причемъ удареніе являлось всегда на первомъ слогѣ. Поэтому не только напр. звательная форма ácva, при именительномъ acvas, но напр. и déva, при именительномъ devás.

Надо замѣтить также, что въ древнеиндійскомъ языкѣ звательная форма употреблялась не только въ именахъ мужескаго и женскаго рода, но и въ именахъ средняго рода, поэтому напр. звательная форма yúga, при именительномъ yugám; въ индоевропейскихъ языкахъ нашей семьи имена средняго рода вообще не имѣютъ звательной формы.

Въ греческомъ языкѣ звательная форма отъ именныхъ основъ на первоначальное *ă*$^{o-e}$ оканчивалась на *ε*, восходящее къ индоевропейскому *ă*^{e}, напр. *ἵππε*. Въ *ἄδελφε* при именительн. *ἀδελφός* сохранилось древнее мѣсто ударенія звательной формы.

Въ латинскомъ языкѣ, какъ и въ греческомъ, звательная форма въ склоненіи такихъ именъ оканчивалась на *ĕ* изъ индоевропейскаго *ă*^{e}. Въ латинскихъ именахъ съ основою на латинское *io* звательная форма въ классическомъ латинскомъ языкѣ оканчивалась частью на *ī*, стянутое изъ *ie*, частью на полное *ie*; первое изъ этихъ окончаній мы находимъ въ собственныхъ именахъ съ основою на *io*, равно какъ и въ имени *filius*, то есть въ именахъ, гдѣ по самому значенію ихъ звательная форма была очень употребительна; окончаніе же *ie* является въ звательной формѣ тѣхъ именъ, въ которыхъ звательная форма по ихъ значенію была мало употребительна. Образованія перваго рода (на *ī*) представляютъ фонетическое измѣненіе *ie* стяженіе въ *ī*; между тѣмъ какъ образованія звательной формы на *ie* (отъ именъ съ основою на *io*) возникли подъ вліяніемъ аналогіи со стороны звательныхъ формъ отъ именъ съ основою на *e* безъ предшествующаго *i*, то есть напр. звательная форма *filie* вмѣсто *filī* явилась по аналогіи звательныхъ формъ на *e*, какъ *serve*. Въ латинскихъ име-

нахъ съ основою на латинское *-o* (именительное на *-r*) звательная форма была утрачена, то есть совпала съ именительной формой. Это явленіе нельзя, повидимому, объяснять какъ явленіе фонетическое, и, можетъ быть, на утрату звательной формы въ этихъ именахъ оказывали вліяніе такія имена на *er* (съ основою на первоначальное *r*), какъ *pater*, *mater*, гдѣ звательная форма по фонетическимъ условіямъ должна была совпасть съ формой именительной еще въ пралатинскомъ языкѣ.

Въ общеславянскомъ языкѣ, какъ и въ греческомъ и латинскомъ, звательная форма отъ основъ на первоначальное *ă*^o-e^ оканчивалась на *e*, отсюда и старославянское *e*, напр. *рабе*.

Что касается однако славянскихъ именныхъ основъ на *e* изъ *o* послѣ мягкой согласной, то уже въ общеславянскомъ языкѣ звательная форма такихъ именъ образовывалась по аналогіи звательной формы именъ на первоначальное *ŭ* (славянское *ъ*); а въ этихъ послѣднихъ звательная форма оканчивалась на общеславянскій дифтонгъ *ou* изъ индоевропейскаго *ău*, откуда далѣе общеславянское *ū*, перешедшее въ старославянскомъ языкѣ въ *оу*. Тоже окончаніе мы находимъ и въ славянской звательной формѣ именъ съ основою на *e* изъ *o* (изъ первоначальнаго *ă*) послѣ мягкой согласной, и потому напр. при именительномъ *оучитель*

звательная форма была оучителю. Кажущееся исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ имена, имѣющія передъ конечной гласной основы мягкія согласныя ц или ѕ (зѣло), откуда старославянское ѕ и діалектическое з; и напр. при именительномъ старославянскомъ отьць, кънѧѕь, звательная форма, по крайней мѣрѣ въ древнихъ образованіяхъ, была отьче, кънѧже. Въ прежнихъ курсахъ я объяснялъ это кажущееся исключеніе и указывалъ, что общеславянское ц и ѕ явились изъ позднѣйшаго смягченія к и г въ общеславянскомъ языкѣ, и что общеславянск. ч и ж въ отьче, кънѧже, образовались не изъ ц и ѕ, но изъ к и г, то есть что звательныя формы отьче, кънѧже предполагаютъ древнія именительныя формы отькъ, кънѧгъ. Отсюда понятно, почему звательная форма отъ такихъ именъ отличалась отъ звательной формы другихъ именъ съ основою на славянское е изъ о послѣ мягкой согласной. Но спрашивается, почему въ этихъ другихъ славянскихъ именахъ съ основою на е изъ о послѣ древней мягкой согласной было утрачено древнее образованіе звательной формы, замѣнившееся звательной формой на ŭ, старославянское оу, по аналогіи звательной формы именъ съ основою на первоначальное ŭ, славянское ъ.

Что касается того, почему основы на первоначальное ŭ, славянское ъ могли вообще вліяніе

мѣ въ общеславянскомъ языкѣ на основы на первоначальное ă̊, но это явленіе станетъ понятнымъ, какъ скоро мы припомнимъ, что въ именительномъ единственнаго числа мужскаго рода получилась по фонетическим условіямъ въ общеславянскомъ одна и таже форма на ъ какъ отъ основъ на первоначальное ă̊, такъ и отъ основъ на первоначальное ŭ.

Но отсюда еще не видно, почему при образованіи именно звательной формы и притомъ лишь отъ тѣхъ именъ, которыя имѣли передъ конечной гласной основы древнюю мягкую согласную, вліяла аналогія звательной формы отъ основъ на первоначальное ŭ, славянское ъ.

Чтобы объяснить это явленіе, мы должны прежде всего припомнить, откуда получалась здѣсь въ общеславянскомъ языкѣ древняя мягкая согласная передъ конечной гласной основы. Нѣкогда въ общеславянскомъ языкѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ существовалъ j, который затѣмъ сохранился лишь тамъ, гдѣ ему не предшествовала согласная, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему предшествовала согласная, j исчезъ еще въ общеславянскомъ языкѣ, оставивъ слѣдъ въ смягченіи предшествующей согласной. Но что такое общеславянскій j по своему происхожденію? Въ этомъ звукѣ въ конечномъ слогѣ, а также и въ началѣ слова, совпали - первоначальныя j, i̯ и ĭ слого-

вое передъ гласною (послѣднее въ началѣ слова, если и существовало и въ индоевропейскомъ языкѣ, не перешло въ общеславянскій языкъ). Что касается славянскихъ именъ съ основою на первоначальное <u>а̄</u> въ положеніи послѣ общеславянской древней мягкой согласной (что есть не послѣ <u>ц</u>, <u>s</u>), то почти во всѣхъ тѣхъ основахъ, которыя передъ конечной гласной основы въ эпоху распаденія общеславянскаго языка имѣли смягченную согласную, а не <u>j</u>, нѣкогда въ общеславянскомъ языкѣ передъ конечной гласной основы существовалъ еще не <u>j</u>, но <u>i</u> или <u>i̯</u>, восходящее къ индоевропейскому слоговому <u>i</u> передъ гласною, а частію можетъ быть и къ <u>i̯</u> неслоговому, что есть въ этихъ основах конечный суффиксъ по происхожденію былъ по большей части тотъ же, что и въ греческихъ основахъ на <u>ιο</u>, и въ латинскихъ основахъ на <u>io</u>. На основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, я думаю, что въ общеславянскомъ языкѣ вмѣсто <u>i</u> въ положеніи послѣ первоначальнаго слоговаго <u>i</u> или <u>i̯</u>, являлось <u>ĭ</u>, отсюда <u>ĭ</u> ирраціональное, что есть <u>ь</u>, причемъ въ конечномъ слогѣ <u>i</u> первоначальное слоговое или <u>i̯</u>, а также <u>i̯</u> въ началѣ слова — обратились съ теченіемъ времени въ <u>j</u>, который затѣмъ въ положеніи послѣ согласной исчезъ, оставивъ слѣдъ въ смягченіи этой согласной. Такимъ образомъ звательная форма отъ общеславянскихъ именъ на первоначальныя <u>iа̄</u> и <u>i̯а̄</u> должна была

по фонетическимъ условіямъ совпасть съ име-
нительнымъ падежемъ отъ тѣхъ же основъ,
то есть должна была оканчиваться на ŏ, а
потому понятно, что языкъ, желая сохра-
нить и здѣсь отличіе звательной формы
отъ именительной, воспользовался тѣмъ
образованіемъ звательной формы, которое су-
ществовало въ именахъ съ основою на первона-
чальное ĭ, что есть славянское ъ, т. е. въ тѣхъ
именахъ, которыя, какъ мы видѣли, совпали
въ общеславянскомъ языкѣ въ именительномъ
падежѣ единственнаго числа, мужскаго рода
съ именами, заключавшими въ себѣ основу на
первоначальное ă°.

Перехожу теперь къ формамъ множествен-
наго числа.

Именительный падежъ множественнаго числа отъ основъ мужскаго рода на ă°.

Въ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху его
распаденія были извѣстны ~~разныя~~ различ-
ныя образованія этой формы въ именахъ съ
основой на ă°. Во первыхъ и здѣсь, какъ въ скло-
неніи другихъ именныхъ основъ, употребляя-
ся суффиксъ ăs, откуда греческое ες въ имени-
тельномъ множественнаго числа напр. основъ
на согласную; при этомъ изъ соединенія конеч-
наго ă° въ основѣ съ гласной ă^e падежнаго суф-
фикса получалось ā°, что есть именительный
множественнаго числа отъ именныхъ основъ.

мужескаго рода на $\underline{\breve{a}}^{\circ}$ оканчивался при такомъ образованіи на $\underline{\bar{a}s}$. Отсюда древнеиндійское $\underline{\bar{a}s}$ напр. отъ основы мужескаго рода $\underline{a\c{c}va}$ именительный множественнаго $\underline{a\c{c}v\bar{a}s}$; отсюда же происходитъ образованіе именительнаго множественнаго числа отъ разсматриваемыхъ нами основъ мужескаго рода и въ осскомъ языкѣ, изъ котораго между прочимъ видно, что индоевропейскій языкъ имѣлъ въ окончаніи $\underline{\bar{a}s}$ именно $\underline{\breve{a}}^{\circ}$, между тѣмъ какъ изъ древнеиндійскаго языка, понятно, не можетъ быть опредѣлено качество этого $\underline{\bar{a}}$. Но древнеиндійскій языкъ, именно въ его ведійскомъ нарѣчіи имѣлъ, кромѣ формы на $\underline{\bar{a}s}$ въ именительномъ множественнаго основъ на $\underline{\breve{a}}^{\circ}$ еще и другую форму, на $\underline{\bar{a}sas}$, то есть отъ основы $\underline{a\c{c}va}$, напр. именительный множественнаго $\underline{a\c{c}v\bar{a}sas}$. Германскіе языки въ именительномъ множественнаго числа представляютъ въ склоненіи тѣхъ же основъ соотвѣтственно съ древнеиндійскимъ образованіе на первоначальное $\underline{\bar{a}s}$ и частью можетъ быть на $\underline{\bar{a}sas}$ но въ греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и литовскомъ языкахъ мы находимъ въ именительномъ множественнаго именныхъ основъ мужескаго рода на $\underline{\breve{a}}^{\circ}$ другое образованіе, которое слѣдовательно должно было существовать и въ индоевропейскомъ языкѣ, такъ какъ иначе нельзя было бы объяснить, почему въ греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и литовскомъ языкахъ

именительный множественнаго числа отъ разсматриваемыхъ основъ образуется одинаково; это образованіе состоитъ въ присоединеніи суффикса i къ конечному ā основы, причемъ слѣдовательно получался дифтонгъ āi. И прочіе индоевропейскіе языки указываютъ на такой суффиксъ, но только въ мѣстоименномъ склоненіи; между тѣмъ какъ въ греческомъ, латинскомъ, литовскомъ и славянскомъ мы находимъ тоже образованіе и въ именительномъ множественнаго числа именныхъ основъ на ā; потому можно думать, что нѣкогда въ индоевропейскомъ языкѣ такое образованіе принадлежало лишь мѣстоименному склоненію, но что впослѣдствіи и притомъ еще до распаденія индоевропейскаго языка аналогіи мѣстоименнаго склоненія часто подчинились и именныя основы на ā. Въ греческомъ языкѣ индоевропейскій дифтонгъ āi обращался въ oi и въ именительномъ множественнаго отъ именныхъ основъ несредняго рода на первоначальное ā мы находимъ потому форму на oi, напр. ἵπποι. Въ латинскомъ языкѣ конечный дифтонгъ oi еще въ пралатинскую эпоху переходилъ въ ei, а этотъ дифтонгъ ei, какъ и всякой, съ теченіемъ времени стягивался въ ī, поэтому древнее equei, отсюда позже equī. Но существовало въ древнелатинскомъ языкѣ и другое образованіе, а именно встрѣчаются

формы именительнаго множественнаго числа на eis, es, is, напр. vireis, magistres, magistris. Сравненіе съ другими индоевропейскими языками не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что эти образованія принадлежатъ въ латинскомъ языкѣ къ новообразованіямъ, явившимся подъ вліяніемъ аналогіи, а именно — можно думать, что старая форма на латинскій дифтонгъ ei могла получать s по аналогіи именительнаго множественнаго числа на s въ склоненіи другихъ основъ, а какъ скоро являлась такая форма на eis, то она легко могла смѣшиваться съ сходными формами именительнаго множественнаго числа отъ основъ на ĭ и на согласную, то есть съ формами на ēs и īs.

Въ общеславянскомъ языкѣ дифтонгъ oi въ окончаніи именительнаго множественнаго числа отъ именныхъ основъ на первоначальное a° мужскаго рода обратился съ теченіемъ времени въ ī (или въ i среднее по количеству), откуда старославянское и, напр. раби. Доказательство того, что это славянское i было нѣкогда дифтонгомъ oi мы находимъ какъ въ литовскомъ языкѣ, который въ соотвѣтствующей формѣ имѣетъ ai, такъ и въ самомъ славянскомъ языкѣ; а именно — появленіе въ задненёбныхъ согласныхъ такъ называемаго мною втораго вида сложнаго смягченія передъ этимъ i, напр. въ старославян-

скомъ чловѣци, дуси, показываютъ, что въ ту эпоху, когда заднинебныя согласныя подвергались первому виду сложнаго смягченія, то есть когда к, g, х передъ мягкими звуками измѣнялись въ č, ǯ, откуда ч, и въ ž, что въ это время именительный множественнаго числа отъ основъ мужескаго рода на славянское о изъ индоевропейскаго ă° оканчивался еще на дифтонгъ oi и о или ā°, то есть что въ то время согласная передъ конечной гласной основы оставалась еще твердой. Что касается самаго происхожденія общеславянскаго і долгаго или средняго по количеству, старославянскаго и изъ дифтонга oi, который самъ по себѣ давалъ съ теченіемъ времени общеславянское ē, откуда сочетаніе ie, старославянское ѣ, то я объясняю это і слѣдующимъ образомъ. Общеславянское ē, откуда далѣе ie, какъ изъ дифтонга oi, такъ и изъ литовскославянскаго ē (индоевропейскаго ā^e) при положеніи въ концѣ слова, частью сохранялось въ общеславянскомъ языкѣ какъ ie (старославян. ѣ), частью переходило въ і долгое или среднее по количеству (откуда старославянское и), именно въ зависимости отъ качества долготы е, распадавшагося на ie и происходившаго или изъ дифтонга oi или изъ древняго ē. А именно конечное ie, получившееся изъ того ē, въ которомъ совпали въ общеславянскомъ языкѣ старое ē съ извѣстнымъ видомъ долготы, именно съ тою долготой

которую я называю прерывистой, то есть такой, при которой долгая гласная распадалась какъ бы на составныя части, и дифтонгъ oi также прерывистый, то есть съ ī, ü, получившееся изъ такого ẹ въ концѣ слова дало ī, или i среднее по количеству, между тѣмъ какъ ie съ другимъ качествомъ долготы, то есть изъ ē съ долготой длительной и изъ дифтонга oi съ длительной долготой, то есть съ i нѣкратнимъ, но среднимъ, сохранилось въ общеславянскомъ какъ ie въ концѣ слова. Такимъ образомъ различное измѣненіе конечнаго oi въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа и именительномъ множественнаго въ склоненіи разсматриваемыхъ нами основъ, старославян. рабѣ, раби - это различіе показываетъ, что дифтонгъ oi въ окончаніи той и другой формы былъ неодинаковый. Къ тому же заключенію приводитъ и греческій языкъ, гдѣ различіе въ качествѣ ударенія перваго слога въ именительн. множественнаго οἶκοι и въ нарѣчіи изъ стараго мѣстнаго единственнаго οἴκοι обусловливается старымъ различіемъ въ количествѣ дифтонга, именно различіемъ по отношенію къ неслоговой части дифтонга. Замѣчу, что и литовскій языкъ свидѣтельствуетъ, что въ окончаніи мѣстнаго единственнаго числа отъ разсматриваемыхъ нами основъ существовалъ дифтонгъ длительный.

Съ образованіемъ общеславянскаго і долгаго или средняго по количеству изъ oi черезъ посредство ē, ie въ именительномъ множественнаго числа, напр. въ старославянскомъ раби при ѣ въ мѣстномъ единственнаго - рабѣ, изъ oi черезъ посредство ē, откуда ie однородно образованіе общеславянскаго і долгаго или средняго по количеству, старославянскаго и изъ стараго ē, напр. въ старославянскихъ мати, дъшти, при ѣ изъ стараго ē, въ именительномъ двойственнаго личнаго мѣстоименія вѣ. Литовскій языкъ показываетъ, что въ первомъ случаѣ литовскославянское ē, = греческому η въ πατήρ, имѣло долготу прерывистую (въ данномъ случаѣ изъ индоевропейской длительной долготы, вслѣдствіе положенія передъ первоначальнымъ краткимъ ĭ), между тѣмъ какъ въ послѣднемъ случаѣ, въ старославянскомъ вѣ, литовскославянское ē имѣло долготу длительную.

Винительный множественнаго числа отъ именныхъ основъ на ă° мужескаго рода.

Суффиксомъ винительнаго множественнаго числа отъ именныхъ основъ мужескаго и женскаго рода въ индоевропейскомъ языкѣ была группа n + s. Этотъ суффиксъ является поэтому и въ склоненіи разсматриваемыхъ нами основъ мужескаго рода, причемъ въ окончаніи основы въ этой формѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ падежныхъ формъ, а имѣ-

ло здѣсь качество ā°, то есть винительный множественнаго оканчивался на ān̆s.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ конечная группа n+s вызвала удлиненіе предшествующей гласной, причемъ конечное s послѣ n должно было исчезнуть по извѣстному фонетическому закону древнеиндійскаго языка (именно въ группѣ согласныхъ въ концѣ слова отпадаютъ всѣ согласныя за исключеніемъ первой). Поэтому въ древнеиндійскомъ языкѣ отъ основы мужескаго рода açva винительный множественнаго açvân, гдѣ ân получилось изъ индоевропейскаго ān̆s; но въ сочетаніи со слѣдующимъ словомъ, имѣвшимъ въ началѣ глухую мгновенную согласную-зубную, язычную или переднебную (древнеиндійское č-ṭ), s въ группѣ n+s не исчезало, но лишь уподоблялось послѣдующей язычной или переднебной и передъ ṭ язычнымъ переходило въ ṣ язычное, передъ č переходило въ ç переднебное, причемъ по фонетическому закону древнеиндійскаго языка носовая согласная передъ фрикативной измѣняла предшествующую гласную въ носовую гласную, а сама исчезала. Поэтому та же форма açvân въ соединеніи съ послѣдующей согласной слова ča (латинское que) давала сочетаніе açvâṅçča.

Въ греческомъ языкѣ, именно въ общегреческомъ группа n+s въ концѣ слова еще сохранялась, поэтому отъ основы λογο винител-

ный множественнаго былъ λογονς, гдѣ ο передъ νς можетъ быть было носовымъ. Это ονς или ōνς сохранило и впослѣдствіи ν въ критскомъ діалектѣ, но въ другихъ діалектахъ носовой исчезалъ, причемъ въ отдѣльныхъ діалектахъ являлось удлиненіе гласной, предшествовавшей носовой согласной, а именно въ іоническомъ и аттическомъ діалектахъ ο переходило въ ου черезъ посредство ō закрытаго, въ другихъ - въ дорическомъ и беотійскомъ въ ō : ω, въ лесбійскомъ же діалектѣ изъ конечнаго ονς получалось οις подобно тому, какъ изъ конечнаго ανς здѣсь получалось αις. Въ латинскомъ языкѣ ons изъ индоевропейскаго ŏns въ окончаніи винительнаго множественнаго при посредствѣ вѣроятно os перешло въ ōs напр. equōs. Въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія винительный множественнаго числа отъ основъ мужескаго рода на славянское о въ положеніи послѣ славянской твердой согласной оканчивался на ы, откуда старославянское ы напр. рабы. Это ы, старославян. ы, получилось въ общеславянскомъ языкѣ такимъ образомъ: по извѣстному закону общеславянскаго языка вмѣсто о въ конечномъ закрытомъ слогѣ являлось ŭ, обратившееся, какъ и всякое ŭ въ общеславянскомъ языкѣ въ ы то есть въ ъ, откуда старославянскій ъ (сравните именительный единственнаго рабъ). Затѣмъ, послѣ того когда произошелъ такой ъ, сталъ дѣй-

ствовать законъ относительно образованія носовыхъ гласныхъ, а законъ этотъ состоялъ въ томъ, что гласная передъ носовой согласной безъ послѣдующей гласной, обращалась въ носовую гласную, причемъ носовая согласная исчезала. Слѣдовательно въ общеславянскомъ языкѣ въ окончаніи винительнаго множественнаго числа отъ разсматриваемыхъ нами основъ должна были существовать нѣкогда группа ъns, а эта группа должна была обратиться въ группу ъ̨s; но общеславянскія носовыя гласныя въ положеніи передъ s, какъ согласной фрикативной, безъ послѣдующей гласной подвергались удлиненію, то есть изъ группы ъ̨s получалась группа ų̄ns или ъ̨̄s (сравните общеславянское ъ̄ı изъ ū). Въ эпоху же распаденія общеславянскаго языка закрытыя носовыя гласныя, то есть ь̨ и ų, утратили уже носовое свойство, и въ данномъ случаѣ существовало уже ъ̄ı неносовое, отсюда старославянское ы. Что же касается основъ на славянское e изъ o послѣ славянской мягкой согласной, то въ винительномъ множественнаго общеславянскій языкъ имѣлъ здѣсь то носовое ę, которое я опредѣляю, какъ носовое ę неоткрытое, отличное отъ другаго носоваго ę болѣе открытаго, близкаго къ a; въ старославянскомъ отсюда ѧ (ę), напр. винительный множественнаго коня, учителя. Въ старославянскомъ языкѣ ę(ѧ)

получалось также и изъ общеславянскаго ę открытаго, такъ что старославянскій языкъ самъ по себѣ не указываетъ на существованіе въ общеславянскомъ языкѣ двухъ ę и на то, что въ данномъ случаѣ было ę неоткрытое, но нѣкоторые другіе изъ славянскихъ языковъ свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣкогда общеславянскій языкъ имѣлъ два различныя носовыя e, имѣвшія, понятно, и различное происхожденіе. То общеславянское ę, которое было носовымъ e открытымъ, близкимъ къ a и которое получалось изъ e передъ носовой согласной безъ послѣдующей гласной или изъ i ирраціональнаго неслогового передъ слоговой носовою, въ русскомъ языкѣ обращалось въ я въ положеніи безъ предшествующей согласной, а послѣ согласной въ a со смягченіемъ предшествующей согласной; сравните русское пятый, старославянское пѧтыи, литовское penktas, греческое πέμπτος; русское десятый, старославянское десѧтыи, литовское deszimtas, греческое δέκατος. Другое же общеславянское носовое e, которое я опредѣляю, какъ ę неоткрытое, и которое существовало въ общеславянск. языкѣ лишь въ положеніи послѣ мягкой согласной, хотя въ томъ же положеніи существовало и ę открытое, именно - если предшествующая мягкая согласная получалась изъ смягченія задненёбной согласной, это другое носовое ę въ древнерусскомъ являлось въ видѣ зву-

коваго сочетанія, передававшагося через ѣ, откуда затѣмъ русское е; также ѣ существовало между прочимъ и въ винительномъ множественнаго конѣ (= старославянск. коня).

Современный русскій языкъ въ его литературномъ нарѣчіи не сохранилъ въ склоненіи такихъ основъ старую форму винительнаго множественнаго и замѣнилъ ихъ извѣстными новообразованіями [въ склоненіи именъ, означающихъ существа одушевленныя, форма винительнаго замѣнилась формой родительнаго], но и въ современномъ русскомъ литературном языкѣ мы находимъ случаи, указывающіе на существованіе въ общеславянскомъ языкѣ другаго ę, кромѣ того, которое давало въ русском языкѣ я или а со смягченіемъ предшествующей согласной, а именно въ соотвѣтствіи со старославянской формой нѩ русскій языкъ представляетъ её изъ ее (древнерусское нѣ), и также ё является въ современномъ самоё. Эти формы, по происхожденію формы родительнаго падежа, въ русскомъ языкѣ по извѣстному правилу получили и значеніе винительнаго падежа. Итакъ общеславянскій языкъ имѣлъ, кромѣ носоваго е открытаго, другое носовое е неоткрытое, и такое ę существовало въ окончаніи винительнаго множественнаго числа отъ основъ на славянское е изъ о послѣ мягкой согласной; это носовое е получалось изъ удлиненія слоговаго ь носоваго но-

слѣ мягкой согласной, а удлиненію носовой ę, какъ и другія носовыя гласныя, подвергался въ общеславянскомъ языкѣ въ положеніи передъ s безъ послѣдующей гласной, причемъ удлиняясь ę давалъ самъ по себѣ ę̄, но послѣ мягкой согласной удлиннявшійся слоговой ę переходилъ въ ę̄ болѣе или менѣе закрытое, то есть болѣе открытое въ сравненіи со звукомъ ѣ (= ē первоначал.), и съ этимъ явленіемъ аналогично въ общеславянскомъ языкѣ измѣненіе ē послѣ мягкаго звука въ ā. Итакъ, винительный множественнаго числа отъ основъ на общеславянское e изъ o оканчивался нѣкогда въ общеславянскомъ языкѣ на ěns, откуда ę̄s съ ę̄ неоткрытымъ и далѣе ę̄, старославянское ѧ. Что же касается самого ѣ, то онъ получался здѣсь изъ ě, послѣ мягкой, подобно тому, какъ мы находимъ въ именительномъ единственнаго числа оучитель при рабъ. А мы видѣли уже, что винительный множественнаго числа отъ основъ на первоначальное ā° въ общеславянскомъ языкѣ въ положеніи послѣ согласной не мягкой долженъ былъ оканчиваться на ъns, откуда послѣ мягкой согласной ьns съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ этой группы.

Именительный-винительный средняго рода множественнаго числа.

Въ индоевропейскомъ языкѣ именительный-винительный средняго рода множествен-

наго числа отъ основъ на $\breve{a}^{o}$ оканчивался на $\bar{a}$ чистое, въ составъ котораго вошла, понятно, конечная гласная основы. То обстоятельство, что изъ соединенія конечной гласной основы, которая была a краткое, склонное къ o и чередовавшееся съ a краткимъ, склоннымъ къ e $(\breve{a}^{o-e})$, изъ соединенія этой гласной съ гласной суффикса получилось $\bar{a}$ чистое, указываетъ на то, что гласная самаго суффикса была $\bar{a}$ чистое, такъ какъ только при такомъ условіи могло явиться $\bar{a}$ чистое въ окончаніи этой формы. Какъ скоро въ индоевропейскомъ языкѣ сливались два a краткія или долгія съ однимъ и тѣмъже качествомъ, получалось, понятно, $\bar{a}$ того же качества; какъ скоро же сливались два a краткія или долгія различнаго качества, то качества $\bar{a}$, получавшагося изъ соединенія двухъ такихъ a, опредѣлялось слѣдующими условіями. Изъ соединенія двухъ a различнаго качества, но одинаковаго количества, являлось $\bar{a}$ съ качествомъ перваго изъ этихъ двухъ a и напр. изъ соединенія $\breve{a}^{o}$ съ $\breve{a}$ какого бы то ни было качества, получалось $\bar{a}^{o}$; такого рода $\bar{a}^{o}$ существовало напр. въ окончаніи отложительнаго единственнаго числа отъ основъ на $\breve{a}^{o}$ на $\bar{a}^{o}d$ или въ окончаніи дательнаго единственнаго отъ нихъ же основъ - на $\bar{\breve{a}}i$. Если же два a, сливавшіяся въ индоевропейскомъ языкѣ въ одно долгое a были различнаго каче-

ства (и количества, то ā получало качество) того изъ нихъ, которое было долгимъ. Отсюда слѣдуетъ, что если форма именительнаго-винительнаго множественнаго числа средняго рода отъ разсматриваемыхъ основъ оканчивалась на ā чистое, — а на ā чистое указываютъ отдѣльные индоевропейскіе языки, — то слѣдовательно самъ суффиксъ имѣлъ ā чистое, такъ какъ въ окончаніи этихъ основ а не было а чистымъ, но ă склоннымъ къ о или къ е.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ, именно въ ведійскомъ его нарѣчіи, индоевропейская форма именительнаго-винительнаго множественнаго числа средняго рода отъ основъ на ă° сохранилась, какъ форма на ā, напр. yugā отъ основы средняго рода yugá, греческое ζυγόν, но и въ ведійскомъ нарѣчіи существовала другая форма: yugāni, а въ санскритскомъ нарѣчіи исключительно употреблялось послѣднее образованіе на âni; происхожденіе этого образованія остается не вполнѣ яснымъ: повидимому здѣсь съ формой на ā слилась какая-то частица.

Въ греческомъ языкѣ въ формѣ именительнаго винительнаго множественнаго числа средняго рода отъ основъ на первоначальное ă° мы находимъ ă (ᾰ) вмѣсто индоевропейскаго ā чистаго, напр. ζυγά; у Гомера въ извѣстныхъ случаяхъ находится здѣсь ā, но эта долгота есть несомнѣнно долгота новая,

обусловленная метрическими причинами: древнее $\bar{a}$ чистое явилось бы у Гомера въ видѣ η. Иначе общегреческій языкъ въ окончаніи именительнаго-винительнаго множественнаго числа средняго рода отъ основъ на первоначальное $\breve{a}^{o}$ имѣлъ $\breve{a}$ вмѣсто индоевропейскаго $\bar{a}^{a}$. Такое же греческое $\breve{a}$ изъ индоевропейскаго $\bar{a}^{a}$ мы находимъ и въ окончаніи именительнаго-винительнаго множественнаго числа средняго рода и отъ основъ не на первоначальное $\breve{a}^{o}$; напр. отъ основъ на согласную, гдѣ такое греческое $\breve{a}$ восходитъ также къ индоевропейскому $\bar{a}$ чистому, составлявшему падежный суффиксъ этой формы. Можно было бы предполагать, что греческое $\breve{a}$ въ именительномъ-винительномъ множественнаго числа средняго рода въ склоненіи, напр. основъ на первоначальное $\breve{a}^{o}$ замѣнила $\bar{a}^{a}$ по аналогіи той же формы въ склоненіи другихъ основъ, или, что наоборотъ, $\breve{a}$ въ окончаніи этой формы въ склоненіи основъ не на первоначальное $\breve{a}^{o}$ въ греческомъ языкѣ явилось по аналогіи съ $\breve{a}$ въ склоненіи другихъ основъ. Но во всякомъ случаѣ въ склоненіи тѣхъ или другихъ основъ, а можетъ быть въ склоненіи и тѣхъ, и другихъ основъ $\breve{a}$ въ греческомъ языкѣ должно было произойти путемъ фонетическимъ. На основаніи нѣкоторыхъ фактовъ я предполагаю, что индоевропейскія долгія гласныя съ той долготой, которую я называю прерывистой, въ общегреческомъ языкѣ

при положеніи въ конечномъ слогѣ подвергались сокращенію, и думаю, что индоевропейское $\bar{a}^a$ въ окончаніи именительнаго-винительнаго множественнаго числа-средняго рода или всюду имѣло долготу прерывистую, откуда всюду греческое $\breve{\alpha}$, или, что таково оно было въ одномъ изъ двухъ случаевъ образованія такого $\bar{a}^a$ въ окончаніи этой формы; а мы видѣли что различіе здѣсь состояло въ томъ, что въ склоненіи основъ на $\breve{a}$ склонное къ o и чередовавшееся съ $\breve{a}$ склоннымъ къ e, $\bar{a}^a$ въ окончаніи формы именительнаго-винительнаго множественнаго числа средняго рода произошло изъ стяженія конечной гласной основы съ $\bar{a}^a$ надежнаго суффикса, между тѣмъ какъ въ склоненіи другихъ основъ въ окончаніи формы именительнаго-винительнаго множественнаго числа средняго рода являлось $\bar{a}^a$, принадлежавшее самому надежному суффиксу. Замѣчу однако, что и въ греческомъ языкѣ сохранилась долгота этого $\bar{a}$ чистаго при старомъ положеніи его не въ конечномъ слогѣ, именно въ числительномъ. τριάκοντα при τρία.

Въ латинскомъ языкѣ индоевропейскому $\bar{a}^a$ соотвѣтствуетъ $\bar{a}$, но еще въ праиталійскомъ языкѣ долгія гласныя въ концѣ слова, каково бы ни было первоначальное качество ихъ долготы, подвергаясь сокраще-

щенію, переходили сперва въ гласныя среднія по количеству, откуда затѣмъ получались краткія гласныя. Поэтому въ латинскомъ языкѣ-въ разсматриваемой формѣ-ă напр. jugă. Изъ древнелатинскаго метрическаго языка извѣстны случаи, гдѣ конечная гласная, первоначально долгая, является долгою, и такая долгая гласная получалась, вѣроятно, непосредственно изъ гласной средней по количеству; такое долгое ā извѣстно въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ окончаніи формы именительнаго-винительнаго множественнаго числа средняго рода въ склоненіи разсматриваемыхъ нами основъ.

Въ общеславянскомъ языкѣ индоевропейскому ā чистому соотвѣтствуетъ ā, откуда старославянское а; поэтому именительный-винительный множественнаго числа средняго рода отъ основъ на первоначальное а° въ славянскомъ оканчивался на а напр. дѣла, полꙗ.

Родительный падежъ множественнаго числа.

Индоевропейскимъ падежнымъ суффиксомъ родительнаго множественнаго числа было ām. Поэтому родительный множественнаго отъ основъ на ă склонное къ о, чередовавшееся съ ă склоннымъ къ е (ă°-e), оканчивался въ индоевропейскомъ языкѣ также на ām, гдѣ въ составъ ā° вошла

и конечная гласная основы. Можетъ быть однако между $\bar{a}^{o}$ въ суффиксѣ родительнаго множественнаго числа и въ окончаніи <u>ām</u> въ родительномъ множественнаго отъ основъ на $\breve{a}^{o-e}$, можетъ быть между двумя этими $\bar{a}^{o}$ существовало различіе въ качествѣ долготы въ зависимости отъ различнаго происхожденія этихъ $\bar{a}^{o}$.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ сохранились въ ведійскомъ нарѣчіи нѣкоторые, притомъ очень рѣдкіе остатки формъ родительнаго множественнаго на <u>ām</u> изъ индоевропейскаго <u>ām</u>; такъ напр. изрѣдка является въ Ведахъ форма родительнаго множественнаго числа <u>dēvām</u>. Обыкновенное же образованіе родительнаго множественнаго числа отъ именныхъ основъ на $\breve{a}^{o}$ въ древнеиндійскомъ языкѣ было на <u>ânâm</u>, напр. отъ основы <u>dēva</u> – <u>dēvānām</u>, отъ <u>açva</u> <u>açvānām</u>; происхожденіе этого образованія, заключающаго въ себѣ во всякомъ случаѣ суффиксъ родительнаго множественнаго <u>ām</u>, остается неяснымъ.

Въ греческомъ языкѣ, гдѣ индоевропейскому $\bar{a}^{o}$ соотвѣтствуетъ <u>ω</u> и гдѣ первоначальное конечное <u>m</u> обратилось въ <u>ν</u> родительный множественнаго числа отъ основъ на первоначальное $\breve{a}^{o}$ оканчивался на <u>ων</u>, напр. <u>ἵππων</u>. Если индоевропейское <u>ām</u> въ

окончаніи родительнаго множественнаго отъ основъ на первоначальное $\breve{a}^{o}$ или-то $\bar{a}^{o}$ съ долгою длительной, что греческое ων представляетъ фонетическое измѣненіе этого индоевропейскаго $\bar{a}m$.

Въ латинскомъ языкѣ, гдѣ индоевропейскому $\bar{a}^{o}$ соотвѣтствуетъ $\bar{o}$, родительный множественнаго отъ разсматриваемыхъ основъ долженъ былъ нѣкогда оканчиваться на $\bar{o}m$; слѣдовательно напр. отъ латинской основы equo родительный множественнаго въ пралатинскомъ былъ нѣкогда equōm, отъ viro - virōm; но долгая гласная передъ конечною плавною или носовою еще въ пралатинскомъ языкѣ подвергалась сокращенію, и изъ virōm еще въ пралатинскомъ языкѣ явилось virŏm; позже, въ историческую эпоху существованія латинскаго языка, $\breve{o}$ въ конечномъ закрытомъ слогѣ обращалось въ $\breve{u}$; то есть virōm съ теченіемъ времени должно было измѣниться въ форму virum. Такое образованіе родительнаго множественнаго числа отъ основъ на первоначальное $\breve{a}^{o}$ является въ латинск. языкѣ лишь въ немногихъ словахъ, напр. deum, virum напр. въ duumvirum, socium напр. praefectus socium; въ классическомъ языкѣ такое образованіе родительнаго множественнаго числа сохранилось также въ названіяхъ монеты, мѣры,

вѣса: nummum, modium. Что же касается обыкновеннаго образованія напр. equorum, deorum, гдѣ um изъ болѣе древняго om то оно заимствовано изъ мѣстоименнаго склоненія, напр. quorum, гдѣ индоевропейскій языкъ имѣлъ суффиксомъ падежа sām, откуда древнеиндійское sām или ṡām (при извѣстномъ положеніи); латинское r между между гласными изъ s между гласными. Если мы спросимъ, что же вызвало въ данном случаѣ вліяніе мѣстоименнаго склоненія на именное, то отвѣтъ долженъ быть такой: вслѣдствіе сокращенія въ пралатинскомъ языкѣ конечнаго ōm въ ŏm родительный множественнаго числа въ склоненіи такихъ основъ по формѣ долженъ былъ совпасть съ формой винительнаго единственнаго числа отъ основъ не средняго рода и именительнаго-винительнаго единственнаго числа отъ основъ средняго рода, то есть родительный множественнаго equŏm еще въ пралатинскомъ языкѣ не отличался отъ винительнаго единственнаго equŏm, между тѣмъ какъ въ мѣстоименномъ склоненіи, гдѣ уже въ индоевропейскомъ языкѣ употреблялся другой суффиксъ, и въ латинскомъ поэтому сохранялось различіе между родительнымъ множественнаго и винительнымъ единственнаго отъ основъ на первоначальное ā. Понятно поэтому, что языкъ

воспользовался окончаніемъ мѣстоименнаго склоненія и перенесъ отсюда окончаніе родительнаго множественнаго и въ склоненіе именныхъ основъ на первоначальное ā°.

Въ старославянскомъ языкѣ родительный множественнаго отъ основъ на первоначальное ā° оканчивался на ъ, напр. рабъ и то же окончаніе ъ существовало и въ общеславянскомъ языкѣ. Сравненіе съ литовским показываетъ, что еще въ литовскославянск. языкѣ въ родительномъ множественнаго индоевропейское ā° передъ конечнымъ m перешло въ ū; само по себѣ ā° въ литовскославянскомъ давало ō, а переходъ этого ō въ ū въ окончаніи родительнаго множественнаго обусловливается, вѣроятно, конечнымъ m, когда оно еще сохранялось какъ m. И такъ еще въ литовскославянскомъ языкѣ родительный множественнаго отъ основъ на первоначальное ā° оканчивался на ūm изъ ōm. Въ общеславянскомъ языкѣ въ извѣстную эпоху его жизни изъ сочетанія: гласная + носовая безъ послѣдующей гласной — получалась носовая гласная, причемъ долгая гласная въ такомъ положеніи еще раньше сокращалась, и поэтому въ данномъ случаѣ получалось ŭ, откуда дальше ũ носовое, а носовыя į и ų утратили носовое свойство еще въ общеславянскомъ языкѣ, и потому въ данномъ случаѣ еще въ общеславянскомъ

языкѣ получился въ окончаніи формы ъ неносовой. Послѣ мягкой согласной ъ измѣнялся въ ь, при чемъ общеславянское j+ь въ старославянскомъ обратилось въ ји или и, обозначаемое буквой и, поэтому мы находимъ здѣсь формы родительнаго множественнаго оучитель, краи (конечное и изъ общеславянскаго j+ь).

Дательный-отложительный множественнаго числа.

Въ формѣ множественнаго числа дательный и отложительный имѣли въ индоевропейскомъ языкѣ одну общую форму. Тотъ суффиксъ индоевропейскаго дательнаго отложительнаго множественнаго числа, который извѣстенъ изъ древнеиндійскаго и латинскаго языковъ, былъ bhyas съ b придыхательнымъ, гдѣ a по крайней мѣрѣ латинскаго языка было ă°. Въ склоненіи разсматриваемыхъ нами основъ этотъ суффиксъ присоединялся къ ă°, но есть эта форма оканчивалась на ăbhyas. Въ древнеиндійскомъ языкѣ этому индоевропейскому bhyas соотвѣтствуетъ суффиксъ bhyas (при которомъ въ ведійскомъ нарѣчіи существовалъ также и суффиксъ bhias), но передъ этимъ суффиксомъ именная основа въ древнеиндійскомъ языкѣ имѣла не a изъ ă° въ окончаніи, но ē изъ дифтонга ăĭ по аналогіи мѣстоименнаго склоненія, гдѣ еще въ индоевропейск.

языкѣ было $\breve{a}^{\circ}$ въ окончаніи основы въ образованіи различныхъ падежей распространялось черезъ i въ дифтонгъ $\breve{a}^{\circ}i$. Поэтому напр. açvēbhyas по аналогіи съ tēbhyas (срав. выше старослав. тѣ – въ тѣмъ).

Въ греческомъ языкѣ индоевропейская форма дательнаго-отложительнаго множественнаго числа исчезла, значеніе же отложительнаго падежа, во множественномъ числѣ, какъ и въ единственномъ, соединилось здѣсь съ формой родительнаго падежа, а значеніе дательнаго падежа совпало здѣсь съ формой мѣстнаго множественнаго числа, а также въ склоненіи разсматриваемыхъ нами основъ, съ формой творительнаго соціативнаго.

Въ латинскомъ языкѣ индоевропейскій суффиксъ дательнаго-отложительнаго множественнаго bhyas является въ видѣ bos откуда bus; первоначальное j послѣ согласной въ латинскомъ языкѣ должно было исчезать. Въ латинскомъ языкѣ индоевропейскій дательный-отложительный множественнаго числа по значенію всюду совпадалъ съ индоевропейскимъ творительнымъ соціативнымъ, и при этомъ въ склоненіи основъ на первоначальное $\breve{a}^{\circ}$ сохранялась именно форма индоевропейскаго творительнаго соціативнаго, какъ въ значеніи творительнаго соціативнаго, такъ и въ значеніи дательнаго-отложительнаго. Исключеніе въ этомъ

отношеній въ латинскомъ языкѣ предста-
вляютъ числительныя duo, ambo, -съ осно-
вою на первоначальное ă°. Здѣсь въ значеніи
творительнаго соціативнаго и дательнаго
отложительнаго употреблялась форма пер-
воначальнаго дательнаго отложительнаго
надежа, замѣнившая въ этихъ числительныхъ
нѣкогда существовавшую форму дательнаго
отложительнаго и творительнаго-соціатив-
наго двойственнаго числа. Въ этихъ формахъ
duōbus, ambōbus требуетъ еще объясненія
ō: можетъ быть о вмѣсто ŏ явилось здѣсь
подъ вліяніемъ ō въ формѣ duō [гдѣ ō было
нѣкогда долгимъ] ambō. Что же касается
такихъ единичныхъ образованій дательна-
го отложительнаго множественнаго числа
на bus, въ древнелатинскомъ языкѣ, какъ
напр. pannibus, то въ виду единичности
такихъ случаевъ представляется затруд-
нительнымъ видѣть въ нихъ первоначаль-
ное образованіе дательнаго-отложительна-
го надежа; вѣроятно это новообразованія,
сложившіяся подъ вліяніемъ склоненія другихъ
основъ, имѣвшихъ въ этомъ надежѣ суффиксъ
первоначальнаго дательнаго-отложительна-
го - bus. Изъ позднѣйшаго латинскаго язы-
ка, императорской эпохи, извѣстны и дру-
гія формы этого рода, напр. amicibus, но здѣсь,
какъ показываетъ самое время появленія
такихъ формъ, надо признать ~~новообразо~~

ваніе, сложившееся подъ вліяніемъ дательнаго-отложительнаго множественнаго отъ другихъ основъ.

Творительный-соціативный множественнаго числа.

Въ склоненіи индоевропейскихъ именныхъ основъ, оканчивавшихся не на <u>ā°</u>, въ творительномъ соціативномъ множественнаго числа наиболѣе употребительнымъ суффиксомъ множественнаго числа было, по крайней мѣрѣ между прочимъ - <u>bhis</u> (съ b придыхательнымъ). Въ склоненіи же именныхъ основъ на <u>ā°</u> употреблялся въ творительномъ соціативномъ множественнаго числа, какъ я думаю, суффиксъ <u>his</u> (съ придыханіемъ), который приставлялся къ <u>ā°</u> въ окончаніи основы, то есть форма творительнаго соціативнаго множественнаго числа оканчивалась на <u>āhis</u>. Этотъ суффиксъ <u>his</u> можетъ находиться въ родствѣ по происхожденію съ суффиксомъ <u>bhis</u>, подобно тому какъ въ склоненіи личныхъ мѣстоименій въ дательномъ падежѣ единственнаго суффиксъ, существовавшій въ дательномъ падежѣ перваго личнаго мѣстоименія, начинался въ индоевропейскомъ языкѣ съ <u>h</u> (придыханіе), и изъ этой формы древнеиндійскія формы <u>mahyam</u> и <u>mahya</u> (послѣдняя въ ведійскомъ нарѣчіи при <u>mahyam</u>), гдѣ древнеиндійское <u>h</u> (заднёнёбная звонкая фрикативная) изъ индоевропейскаго

придыханія h, латинская mihi; между тѣмъ какъ суффиксъ дательнаго единственнаго числа во второмъ личномъ мѣстоименіи и въ возвратномъ мѣстоименіи начинался съ bh, отсюда древнеиндійскія формы tubhyam и tubhya (послѣдняя въ ведійскомъ нарѣчіи при tubhyam), латинская tibi.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ индоевропейское придыханіе исчезало въ положеніи между гласными; а такъ какъ то индоевропейское ă°, или точнѣе a° не долгое, (среднее по количеству), которое чередовалось съ ă^e въ положеніи не передъ двумя согласными, давало вообще въ древнеиндійскомъ языкѣ повидимому ā, то очень вѣроятному предположенію Бругмана, то и въ данномъ случаѣ явилась въ окончаніи форма āis изъ āhis - черезъ посредство āis; поэтому напр. отъ основы açva творительный соціативный множественнаго числа açvāis.

Въ ведійскомъ нарѣчіи древнеиндійскаго языка, кромѣ такого образованія творительнаго-соціативнаго множественнаго въ склоненіи разсматриваемыхъ нами основъ существовало также и образованіе съ суффиксомъ bhis, передъ которымъ основа оканчивалась на древнеиндійское ē изъ дифтонга ăi, то есть окончаніе основы получало распространеніе при помощи i, о которомъ я упоминалъ уже нѣсколько разъ;

такъ напр. отъ основы deva кромѣ формы devāis въ ведійскомъ нарѣчіи встрѣчается форма devébhis. Это послѣднее образованіе возникло, вѣроятно, подъ вліяніемъ формы того же падежа въ склоненіи мѣстоименныхъ основъ на первоначальное ă°.

Въ греческомъ языкѣ индоевропейское придыханіе въ положеніи между гласными, какъ и то общегреческое придыханіе, которое явилось въ общегреческомъ изъ s въ положеніи между двумя гласными, - исчезало, и потому мы находимъ въ творительномъ соціативномъ множественнаго числа основъ на первоначальное ă° форму на οις, напрім. ἵπποις, гдѣ οις изъ ohis, ōis. Эта форма употреблялась въ греческомъ языкѣ, какъ въ значеніи творительнаго соціативнаго, такъ и въ значеніи мѣстнаго падежа, съ которымъ здѣсь совпалъ и дательный падежъ.

Въ латинскомъ языкѣ индоевропейское придыханіе между гласными точно также исчезало, и потому въ творительномъ соціативномъ множественнаго числа отъ основъ на первоначальное ă° нѣкогда должно было существовать окончаніе ōis изъ болѣе древняго ohis, и далѣе дифтонгъ ois, откуда еще въ пралатинскомъ языкѣ - eis; дифтонгъ ei съ теченіемъ времени стянулся въ ī, отсюда īs - equīs. Что касается значенія этой формы въ латин-

скомъ языкѣ, что она получила между прочимъ значеніе дательнаго множественнаго числа, а далѣе мы увидимъ, что и значеніе мѣстнаго падежа перешло на туже форму въ латинскомъ языкѣ.

Въ общеславянскомъ языкѣ творительн. множественнаго числа отъ разсматриваемыхъ нами основъ оканчивался на ы, откуда и старославянское ы напр. рабы. Это ы произошло непосредственно изъ ӣ, а ӣ въ положеніи послѣ мягкой согласной обращалось въ ī, откуда старославянское и; поэтому напр. творительный множественнаго оучители. Литовскій языкъ въ соотвѣтственныхъ формахъ представляетъ окончаніе ais, и литовское ais вмѣстѣ со славянскимъ ы образовались изъ литославянскаго ăhis, откуда, съ выпаденіемъ придыханія между гласными, въ литовскомъ получилось ais со стяженіемъ двухъ гласныхъ въ дифтонгъ ai, а въ общеславянскомъ языкѣ изъ стяженія o и i явилось ui, вѣроятно такимъ путемъ, что o передъ i, уподобляясь звуку i, более закрытому сравнительно съ o, перешло въ u, и полученное такимъ образомъ сочетаніе ui стянулось далѣе въ ū, откуда ы. Конечная же согласная s должна была отпасть еще въ общеславянскомъ языкѣ по извѣстному закону касательно конечныхъ согласныхъ.

Мѣстный падежъ множественнаго числа.

Изъ сопоставленія древнеиндійскаго языка со славянскимъ можетъ быть выведенъ для индоевропейскаго языка суффиксъ мѣстнаго падежа множественнаго числа-su, хотя кромѣ формы на su индоевропейск. языкъ быть можетъ имѣлъ другія образованія мѣстнаго множественнаго числа, родственныя по происхожденію съ формами на su. Основы на первоначальное ă° не только мѣстоименныя, но и именныя, передъ этимъ падежнымъ суффиксомъ получали распространеніе основы при помощи i, приставлявшагося къ конечному ă° основы, то есть суффиксъ мѣстнаго падежа множественнаго числа приставлялся къ дифтонгу ăi въ окончаніи основы.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ индоевропейскій суффиксъ мѣстнаго множественнаго числа являлся частію въ видѣ su, частью въ видѣ šu, причемъ измѣненіе s въ š обусловлено было здѣсь вліяніемъ извѣстныхъ предшествовавшихъ звуковъ.

Сообразно съ этимъ измѣненіемъ s въ š въ мѣстномъ множественнаго числа отъ основъ на ă° находимъ въ древнеиндійскомъ этотъ суффиксъ su всегда въ видѣ šu, такъ какъ передъ s здѣсь нѣкогда находилось i, а послѣ i s измѣнилось еще въ древне-иран-

скомъ языкѣ въ s. Что же касается дифтонга ăi въ окончаніи основы, то дифтонгъ ăi съ ă различнаго качества стягивался въ древнеиндійскомъ въ ē. Слѣдовательно въ мѣстномъ падежѣ множественнаго числа получилась форма на ēšu; отъ основы açva мѣстный падежъ множественнаго числа açvešu.

Въ старославянскомъ языкѣ мѣстный падежъ множественнаго числа отъ основъ на первоначальное ă° оканчивался на ѣхъ, напр. рабѣхъ, и это ѣхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ древнеиндійскому ēšu, то есть славянское ѣ изъ дифтонга ăi, славянское х изъ s, а ъ, то есть u ирраціональное - есть первоначальное ŭ. Что касается славянскаго х изъ первоначальнаго s, то вообще можно различать два славянскихъ х изъ s; первое изъ нихъ соотвѣтствуетъ литовскому sz изъ s и восходитъ, слѣдовательно, къ звуку, который уже въ литославянскомъ языкѣ не былъ s; другое же славянское х изъ первоначальнаго s соотвѣтствуетъ литовскому s и явилось въ славянскомъ изъ s въ положеніи между извѣстными гласными. Славянское х изъ s въ суффиксѣ мѣстнаго падежа множественнаго числа есть х втораго рода соотвѣтствующее литовскому s изъ литославянскаго s.

Послѣ мягкой согласной вмѣсто ѣ изъ

дифтонга οι, получалось въ общеславянскомъ ī, непосредственно изъ дифтонга ei; откуда старославянское и напр. оучителихъ.

Въ греческомъ языкѣ суффиксомъ мѣстнаго падежа множественнаго числа является σιν съ подвижнымъ ν, то есть σιν и σι, причемъ въ склоненіи основъ на первоначальное ă° этотъ суффиксъ является присоединеннымъ къ основѣ, распространенной посредствомъ ĭ, то есть приставляется къ дифтонгу οι, напр. ἵπποισιν; эта форма употреблялась и въ значеніи дательнаго, и въ значеніи творительнаго соціативнаго, то есть совпадала по значенію съ формой на οις и впослѣдствіи была вытѣснена этой послѣдней формой. Что же касается происхожденія этого суффикса σιν, σι, то ясно, что послѣ s стояла нѣкогда другая согласная, такъ какъ s въ положеніи между двумя въ греческомъ языкѣ не могло бы сохраниться; этой согласной могло быть v (F), и греческій суффиксъ σιν, σι изъ σFιν можетъ, слѣдовательно, быть родственнымъ въ первой части съ тѣмъ индоевропейскимъ su, которое мы находимъ въ древнеиндійскомъ и славянскомъ языкахъ. Но остается неяснымъ происхожденіе цѣльнаго греческаго суффикса -σιν, σι. Въ латинскомъ языкѣ индоевропейская форма мѣстнаго множественнаго числа вообще исчезла и по зна

ченію замѣнилась здѣсь формами дательна-го-отложительнаго и творительнаго-социа-тивнаго падежей.

Звательная форма множественнаго числа.

Только въ древнеиндійскомъ языкѣ сохранилась звательная форма множественнаго числа въ ея отличіи отъ именительной формы. А именно звательная форма во множественномъ числѣ, какъ и въ единственномъ, получала здѣсь удареніе на первомъ слогѣ; напр. звательная форма d̆évās при именительной множественнаго числа - dēvā̆s, такъ какъ сама по себѣ эта основа имѣла удареніе на конечномъ слогѣ.

Въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ множественное число не имѣетъ звательной формы.

Двойственное число.

Именительный-винительный отъ основъ мужескаго рода.

Индоевропейскій языкъ имѣлъ, вѣроятно, два образованія именительнаго-винительнаго двойственнаго числа отъ основъ на ă° мужскаго рода; хотя въ эпоху распаденія индоевропейскаго языка оба эти образованія, повидимому, уже не различались по значенію, но нѣкогда одно изъ нихъ могло быть формою собственно именительнаго, другое - формою винительнаго падежа. Въ

одномъ изъ этихъ образованій именительный-винительный двойственнаго числа основ на ă° мужескаго рода оканчивался на ā°, въ составъ котораго вошли -ă° въ окончаніи основы + гласная падежнаго суффикса, которой было, вѣроятно, ă^{e} (сравн. греческое ε въ именительномъ-винительномъ двойственнаго числа отъ основъ на согласную); другое же образованіе именительнаго-винительнаго двойственнаго числа отъ разсматриваемыхъ основ оканчивалось, повидимому, на āi̯, гдѣ въ составъ ā° также входило ă° въ окончаніи основы.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ въ ведійском нарѣчіи именительный-винительный двойственнаго числа отъ основъ на первоначальное ă° мужескаго рода - оканчивался частью на ā, частью на дифтонгъ āu, а въ санскритскомъ нарѣчіи древнеиндійскаго языка въ окончаніи этой формы является исключительно дифтонгъ āu; то есть отъ древнеиндійской основы açva въ ведійскомъ нарѣчіи именительный-винительный двойственнаго былъ açvā и açvāu, а въ санскритском нарѣчіи исключительно açvāu. Происхожденіе этого древнеиндійскаго āu, чередовавшагося въ ведійскомъ нарѣчіи съ ā, можетъ быть объяснимо здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, изъ индоевропейскаго āi̯.

Въ греческомъ языкѣ именительный-вини

тельный двойственнаго числа отъ основъ на первоначальное ā° не средняго рода оканчивался на ō (ω), напр. ἵππω. Въ этой греческой формѣ на ō могли совпасть въ греческомъ языкѣ оба индоевропейскія образованія, то есть какъ образованіе на индоевропейское ā, так и на индоевропейское ā̆u, такъ какъ и изъ послѣдняго сочетанія получалось въ греческом языкѣ такое ō; таково ō въ окончаніи перваго лица единственнаго числа настоящаго и будущаго времени, напр. φέρω, славянск. берѫ.

Въ латинскомъ языкѣ индоевропейское образованіе именительнаго-винительнаго двойственнаго числа отъ основъ на первоначальное ā° мужескаго рода сохранилось лишь въ числительныхъ ambō и duo; ō въ окончаніи латинскаго ambō указываетъ, какъ я думаю, на то, что это ō восходитъ къ индоевропейскому сочетанію ā̆u, а не къ индоевропейскому ā°, такъ какъ изъ индоевропейскаго конечнаго ā° въ латинскомъ языкѣ надо бы ждать ŏ, вслѣдствіе того, что конечная долгая гласная подвергалась сокращенію еще въ пралатинскомъ языкѣ; поэтому напр. въ именительномъ единственнаго отъ основъ на первоначальное ā°, т. е. въ латинскомъ первомъ склоненіи мы находимъ въ латинскомъ языкѣ ă изъ первоначальнаго ā.

Происхожденіе латинскаго _ō_ въ _ambō_ изъ первоначальнаго _ā°n_ аналогично съ латинскимъ _ŏ̄_, также изъ _ā°n_, въ формѣ перваго лица единственнаго числа настоящаго времени, напр. _fero_; сравн. также латинское _ŏ̄_ изъ индоевропейскаго _ā°n̆_ въ именительномъ единственнаго числа отъ основъ на _n_ не средняго рода, т. е. въ такихъ именахъ какъ _homo_. Что касается латинскаго _duŏ_, то нѣтъ надобности отдѣлять его по образованію отъ _ambo_; краткость _ŏ_ въ _duŏ_ при долготѣ _ō_ въ _ambō_ объясняется тѣмъ, что въ древнелатинскомъ языкѣ слова въ два слога, имѣвшія первый слогъ краткій, сокращали конечную долгую гласную, и эта конечная долгая гласная не была первоначальной конечной долгой гласной, такъ какъ такая всюду сократилась еще раньше. Слѣдовательно отношеніе _ŏ_ въ _duŏ_ къ _ō_ въ _ambō_ такое же, какъ отношеніе _ŏ_ къ _ō_ въ формѣ перваго лица настоящаго времени въ глаголѣ.

Въ общеславянскомъ языкѣ именительный-винительный двойственнаго отъ основъ на _ă°_ мужескаго рода оканчивался на _ā_, откуда старославянское _ā_, напр. _раба́_. Это славянское образованіе произошло изъ индоевропейскаго образованія, которое имѣло въ окончаніи _ā°_, между тѣмъ какъ изъ индоевропейскаго образованія, оканчи-

вавшагося на $\bar{a}i$, въ славянскомъ получилась бы форма не на $\bar{a}$, но на $ę$, т. е. на старославянское ѫ.

Именительный-винительный двойственнаго числа средняго рода.

Въ индоевропейскомъ языкѣ именительный-винительный двойственнаго числа средняго рода имѣлъ суффиксомъ $\bar{i}$, которое въ соединеніи съ конечнымъ $\breve{a}^{o}$ основы, составляло дифтонгъ $\breve{a}^{o}i$ и при томъ именно дифтонгъ длительный, т. е. съ i не краткимъ, но среднимъ по количеству.

Въ древне-индійскомъ языкѣ изъ дифтонга $\breve{a}i$ съ $\breve{a}$ различнаго качества, получалось $\bar{e}$; поэтому отъ основы *yugá* - именительный- винительный двойственнаго - *yugé*.

Въ старославянскомъ языкѣ индоевропейскому дифтонгу $\breve{a}i$ соотвѣтствуетъ ѣ, которое въ общеславянскомъ языкѣ нѣкогда было еще дифтонгомъ oi или $\breve{a}i$; поэтому при именительномъ-винительномъ единственнаго *дѣло* - именительный-винительный двойственнаго - *дѣлѣ*. То обстоятельство, что въ концѣ слова мы находимъ здѣсь ѣ, а не и, указываетъ на то, что дифтонгъ $\breve{a}i$ въ окончаніи этой формы былъ дифтонгъ длительный (сравн. выше). Такъ какъ послѣ мягкой согласной въ общеславян

с склонъ дифтонгъ _oi_ измѣнился въ _ei_, откуда далѣе _ī_, старославянскій _и_, то при именительномъ-винительномъ единственнаго _nom_ именительный-винительный двойственнаго ...ымъ _nām_.

Въ греческомъ языкѣ основы на первоначальное _ă°_ въ именительномъ-винительномъ средняго рода получали новое образованіе по аналогіи той же формы отъ основъ на первоначальное _ă°_ не средняго рода; поэтому _ζυγώ_, гдѣ _ō_ по аналогіи съ _ō_ въ такихъ формахъ какъ _ἵππω_.

Родительный мѣстный двойственнаго числа.

Индоевропейскій языкъ имѣлъ здѣсь повидимому два падежныхъ суффикса, изъ которыхъ одинъ извѣстенъ лишь изъ языка Авесты. Я разсматриваю лишь тотъ суффиксъ, который мы находимъ въ древнеиндійскомъ и славянскомъ языкахъ. Въ древнеиндійскомъ языкѣ этимъ суффиксомъ было _ôs_ изъ индоевропейскаго _ăus_, а въ этомъ индоевроп. _ăus_, какъ свидѣтельствуетъ славянскій языкъ, _ă_ было _ă_ не склонявшееся къ _e_. Въ склоненіи мѣстоименныхъ основъ на _ă°_ этотъ падежный суффиксъ приставлялся въ индоевропейскомъ языкѣ къ основѣ, распространенной при помощи _i_, то есть къ дифтонгу _ăi_ въ окончаніи основы. Можетъ быть тоже было извѣстно, между прочимъ, и въ склоне-

ній именныхъ основъ, но во всякомъ случаѣ именныя основы могли въ индоевропейскомъ языкѣ присоединять суффиксъ <u>aus</u> непосредственному къ конечному <u>ā°</u> основы, причемъ слѣдовательно, получалось въ окончаніи падежной формы <u>āus</u> съ <u>ā</u> не склонявшимся къ <u>e</u>.

Древнеиндійскій языкъ представляетъ исключительно образованія перваго рода въ родительномъ мѣстномъ падежѣ отъ именныхъ основъ на первоначальное <u>ā°</u>; поэтому отъ основы <u>açva</u> родительный мѣстный двойственнаго числа <u>açvayos</u>.

Напротивъ того общеславянскій языкъ въ склоненіи именныхъ основъ на <u>ā°</u> имѣлъ исключительно то лишь образованіе родительнаго мѣстнаго падежа двойственнаго числа, въ которомъ падежный суффиксъ присоединялся непосредственно къ <u>ā°</u> въ окончаніи основы. Изъ индоевропейскаго <u>āus</u> въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху распаденія явилось <u>ū</u>, откуда старославянское <u>оу</u>; конечное <u>s</u>, понятно, должно было исчезнуть еще въ общеславянскомъ по извѣстному закону; поэтому старославянское <u>рабоу</u>.

Въ греческомъ языкѣ индоевропейское образованіе родительнаго-мѣстнаго двойственнаго числа вообще не сохранилось и значеніе этой формы здѣсь соединилось съ дательнымъ творительнымъ падежемъ двойственнаго числа.

Дательный-отложительный-творительный-социативный двойственнаго числа.

Индоевропейскій языкъ вѣроятно и здѣсь имѣлъ не одинъ суффиксъ, но опредѣленіе этихъ суффиксовъ для индоевропейскаго языка представляется пока затруднительнымъ.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ въ склоненіи именныхъ основъ на первоначальное ă° эта форма оканчивалась на āвhyām, то есть отъ основы açva дательный-отложительный-творительный-социативный двойственнаго числа -açvāвhyām; ā передъ вh падежнаго суффикса заключало въ себѣ по происхожденію ă° въ окончаніи основы, но какъ произошла здѣсь долгота остается неяснымъ.

Въ общеславянскомъ языкѣ, гдѣ значеніе отложительнаго падежа во всѣхъ числахъ совпало съ формой родительнаго падежа, - дательный-творительный-социативный двойственнаго числа имѣлъ суффиксомъ mā, откуда старославянское ма. Въ склоненіи именныхъ основъ на первоначальное ă° этотъ падежный суффиксъ являлся присоединеннымъ къ гласной славянск. o изъ индоевропейскаго ă° въ окончаніи основы, то есть безъ распространенія основы при помощи ĭ, напр. рабома. Что касается славянскаго м въ этомъ суффиксѣ, то оно относится къ древнеиндійскому вhi въ суффиксѣ вhyām точно также какъ раз-

смотрѣнное нами прежде славянское м въ суффиксѣ дательнаго множественнаго числа относится къ древнеиндійскому bhi въ суффиксѣ bhyas, хотя, какъ я замѣтилъ, это отношеніе остается неяснымъ. Славянское ā въ суффиксѣ ма нельзя отождествлять съ древнеиндійскимъ ām въ суффиксѣ bhyām, такъ какъ въ соотвѣтствіи съ древнеиндійск. ām въ славянскомъ надо бы ждать ǫ, старославянское ѫ. Замѣчу, что и языкъ Авесты, подобно славянскому, указываетъ на такой суффиксъ, который не имѣлъ въ окончаніи согласной m.

Въ греческомъ языкѣ дательный-отложительный-творительный-социативный двойственнаго числа, который получилъ здѣсь также значеніе родительнаго двойственнаго числа, оканчивался въ склоненіи именныхъ основъ на первоначальное ă° на οιιν, являющееся у Гомера, откуда далѣе οιν, напр. ἵπποιιν ἵπποιν. Въ этомъ οιιν-οι представленъ то окончаніе основы, распространенное при помощи ĭ, о которомъ я не разъ упоминалъ. Надо замѣтить, что и въ языкѣ Авесты суффиксъ дательнаго-отложительнаго-творительнаго-социативнаго въ склоненіи именныхъ основъ на первоначальное ă° присоединялся къ основѣ, распространенной при помощи ĭ. Что же касается греческаго ιν въ этомъ суффиксѣ οιιν, то ясно, что передъ ĭ существовалъ нѣкогда какой-

по неслоговой звукъ, на что указываетъ самое положеніе <u>u</u> послѣ <u>o</u>, но происхожденіе этого u остается неяснымъ.

<u>Звательная форма двойственнаго числа.</u>

И въ двойственномъ, какъ и во множественномъ, только въ древнеиндійскомъ языкѣ сохранилось отличіе звательной формы отъ именительной; а именно - въ звательной формѣ и въ двойственномъ числѣ, какъ и въ единственномъ и множественномъ, удареніе всегда падало на первый слогъ основы и потому напр. при именительной формѣ <u>devaú</u> (въ Ведахъ также <u>devā́</u>) звательная форма была <u>dévau</u> (въ Ведахъ также <u>dévā</u>).

Перехожу теперь къ склоненію индоевропейскихъ именныхъ основъ на <u>ā</u>. Здѣсь прежде всего надо различать индоевропейскія основы на <u>ā</u>, принадлежавшие словообразовательному суффиксу, - и основы на <u>ā</u>, принадлежавшие въ эпоху распаденія индоевропейскаго языка самому корню слова.

Основы на <u>ā</u> послѣдняго рода являлись, впрочемъ, въ эпоху распаденія индоевропейскаго языка, повидимому, преимущественно въ словахъ сложныхъ, и о такихъ основахъ я скажу далѣе, а пока остановлюсь на индоевропейскихъ именныхъ основахъ на <u>ā</u>, принадлежавшие словообразовательному суффиксу.

Въ этихъ основахъ индоевропейское <u>ā</u> было

$\bar{a}^a$, откуда древнеиндійское $\bar{a}$, греческая $\bar{\alpha}$ съ діалектическимъ измѣненіемъ въ $\bar{e}$ (η), латинское $\bar{a}$ и общеславянское $\bar{a}$, откуда старославянское a. $\bar{a}^a$ въ окончаніи такихъ основ въ индоевропейскомъ языкѣ въ зависимости отъ какихъ то фонетическихъ условій чередовалось съ $\breve{a}^a$, которому соотвѣтствуетъ $\breve{a}$ въ древнеиндійскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, и $\breve{o}$ въ общеславянскомъ и старославянскомъ. Это чередованіе индоевропейскаго $\bar{a}^a$ и $\breve{a}^a$ въ окончаніи такихъ именныхъ основъ представляетъ вполнѣ аналогичное явленіе съ чередованіемъ индоевропейскаго $\breve{a}^o$ не долгаго и $\breve{a}^e$ въ окончаніи тѣхъ именныхъ основъ, которыя мы разсмотрѣли. А именно-въ тѣхъ формахъ склоненія, гдѣ основы на $\breve{a}^{o-e}$ имѣли $\breve{a}^o$ тамъ въ склоненіи именныхъ основъ на индоевропейское $\bar{a}^a$ существовало $\bar{a}^a$ въ окончаніи основы, а гдѣ именныя основы на индо-европ. $\breve{a}^{o-e}$ имѣли $\breve{a}^e$, тамъ въ склоненіи основъ на $\bar{a}^a$ существовало $\breve{a}^a$ въ окончаніи основы.

Что касается грамматическаго рода именныхъ основъ на $\bar{a}^a$, принадлежавшихъ словообразовательному суффиксу, то всѣ индоевропейскіе языки согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что онѣ имѣли форму женскаго рода, и можно думать, что индоевропейское $\bar{a}^a$ въ окончаніи этихъ основъ было суффиксомъ женскаго рода. Въ европейскихъ языкахъ нашей семьи мы находимъ такія основы и мужескаго

рода; но изъ древнеиндійскаго языка мужескій родъ въ такихъ основахъ неизвѣстенъ, и нынѣ основанія допускать и для индоевропейскаго языка существованіе такихъ основъ мужескаго рода, по крайней мѣрѣ въ словахъ несложныхъ. Въ словахъ же сложныхъ, быть можетъ, были извѣстны и въ индоевропейскомъ языкѣ образованія мужескаго рода на $\underline{\bar{a}}^{a}$, принадлежавшіе суффиксу, хотя въ древнеиндійскомъ языкѣ и въ сложныхъ словахъ мы не находимъ такихъ основъ мужескаго рода.

Единственное число. Именительный падежъ.

Всѣ эти именныя основы женскаго рода не получали въ индоевропейскомъ языкѣ суффикса <u>s</u> въ именительномъ единственнаго числа, то есть всѣ эти имена оканчивались въ именительномъ единственнаго въ индоевропейскомъ языкѣ на $\underline{\dot{\bar{a}}}^{a}$ принадлежавшее окончанію основы, точнѣе - словообразовательному суффиксу. Отсюда какъ въ древнеиндійскомъ языкѣ $\underline{\bar{a}}$, такъ и въ греческомъ $\underline{\bar{a}}$, причемъ въ греческомъ языкѣ въ отдѣльныхъ діалектахъ это $\underline{\bar{a}}$, какъ и всякое $\underline{\bar{a}}$, измѣнилось въ $\underline{\bar{e}}$ (η). Напр. отъ древнеиндійской основы <u>açva</u> „кобыла" именительный единственнаго - <u>açvā</u>; въ греческомъ <u>χώρα</u>, <u>χώρη</u> (діалектическая <u>η</u> изъ общегреческаго $\underline{\bar{a}}$). Что касается греческихъ именъ женскаго рода на $\underline{\breve{a}}$, напр. <u>γλῶσσα</u>, то они заключаютъ въ себѣ индоевропейскія основы

того класса, о которомъ я буду говорить далѣе.

Въ латинскомъ языкѣ индоевропейскому $\bar{a}^{a}$ соотвѣтствуетъ $\bar{a}$, и поэтому въ именительномъ един. конечное a нѣкогда было долгое въ латинскомъ языкѣ; но еще въ пралатинскомъ языкѣ дѣйствовалъ законъ относительно сокращенія конечной долгой гласной, вслѣдствіе чего $\bar{a}$ въ именительномъ единственнаго обратилось въ a сперва, вѣроятно, среднее по количеству, откуда далѣе $\breve{a}$, хотя изъ древнелатинскаго языка извѣстны нѣкоторые случаи, гдѣ это конечное a является долгимъ.

Въ общеславянскомъ языкѣ изъ индоевропейскаго $\bar{a}^{a}$ получилось $\bar{a}$, откуда старославянское а, напр. рыба, жена.

Что касается именныхъ основъ на первоначальное $\bar{a}^{a}$, принадлежавшихъ словообразовательному суффиксу, мужескаго рода, именно въ европейскихъ языкахъ нашей семьи, то въ греческомъ языкѣ такія основы получали въ именительномъ единственнаго суффиксъ ς, напр. νεανίας, πολίτης (η здѣсь есть діалектическое $\bar{a}$). У Гомера кромѣ того является въ именительномъ единственнаго числа отъ такихъ основъ въ нѣкоторыхъ именахъ и $\breve{a}$, напр. ἱππότα, νεφεληγερέτα; это $\breve{a}$ не есть греческое сокращеніе $\bar{a}$, и надо думать, что это по происхожденію есть звательная

форма, гдѣ $\bar{a}$ въ окончаніи существовало и въ индоевропейскомъ языкѣ.

Въ латинскомъ языкѣ именныя основы на первоначальное $\bar{a}^a$ принадлежавшія словообразовательному суффиксу, и въ мужескомъ родѣ, какъ и въ женскомъ, не получали въ именительномъ единственнаго суффикса s, напр. scriba, parricida; но въ древнелатинскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ именахъ сложныхъ этого рода, извѣстно было и употребленіе суффикса s, напр. parricidas.

Въ общеславянскомъ языкѣ въ именительномъ единственнаго числа отъ основъ на первоначальное $\bar{a}^a$, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, мужескаго рода - конечное s если бы и существовало нѣкогда, должно было съ теченіемъ времени отпасть; но въ виду соотвѣтственныхъ образованій балтійскихъ языковъ нѣтъ основанія предполагать, что въ славянскомъ языкѣ когда либо существовало s въ такихъ формахъ, какъ старославянскія слоуга, воевода.

Винительный единственнаго числа.

Суффиксомъ падежа въ индоевропейскомъ яз. было извѣстное уже намъ m, откуда древнеиндійское и латинское m, греческое ν, напр. древнеиндійское açvām, латинское - equam, греческое χώραν, τιμήν.

Въ пралатинскомъ языкѣ долгая гласная

передъ конечной носовой и главной подверглась сокращенію еще раньше, чѣмъ конечная долгая гласная въ открытомъ слогѣ; поэтому *ant* и въ древнелатинскомъ языкѣ имѣло *a* только краткое, подобно тому какъ такое же сокращеніе долгой гласной передъ конечной носовой мы встрѣтили прежде въ формѣ родительнаго множественнаго числа.

Въ общеславянскомъ языкѣ конечная носовая согласная измѣняла предшествовавшую гласную въ носовую, причемъ конечная долгая гласная сама сокращалась прежде, чѣмъ становилась носовой, и изъ *ā* передъ носовой согласной получилось то же *ǫ* (старослав. *ѫ*), какъ и изъ *ŏ* передъ носовой; поэтому въ старославянскомъ языкѣ въ винительномъ падежѣ отъ именъ съ такой основой въ окончаніи находимъ *ѫ*, напр. *рыбѫ*, *волнѫ*. Образованіе носовыхъ гласныхъ въ общеславянскомъ языкѣ произошло раньше, чѣмъ сталъ дѣйствовать законъ объ измѣненіи *о* въ *е* послѣ мягкой согласной, и *ǫ* осталось неизмѣненнымъ въ такомъ положеніи; поэтому напр. старославянское *волıѫ* (а не *волıѧ*).

Родительный-отложительный единственнаго числа.

Индоевропейскій языкъ въ эпоху его распаденія постоянно различалъ въ именахъ склоненіи формы родительнаго и отложительнаго падежей единственнаго числа лишь

въ склоненіи основъ на $\underline{\breve{a}}^{o-e}$. Что же касается склоненія другихъ основъ, то здѣсь для родительнаго и отложительнаго единственнаго числа индоевропейскій языкъ имѣлъ одну общую форму, оканчивавшуюся на <u>s</u>, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, было извѣстно здѣсь и особое образованіе отложительнаго падежа на <u>d</u> въ концѣ въ склоненіи такихъ основъ. Это особое образованіе отложительнаго единственнаго числа отъ именныхъ основъ не на $\underline{\breve{a}}^{o}$ мы встрѣчаемъ въ италійскихъ языкахъ и въ языкѣ Авесты. Остается однако неизвѣстнымъ, возникли ли эти образованія въ отдѣльномъ существованіи этихъ языковъ, или же они были извѣстны и въ индоевропейскомъ языкѣ, въ діалектахъ, гдѣ однако во всякомъ случаѣ употреблялась и одна общая форма на <u>s</u> для родительнаго-отложительнаго падежа единственнаго ч. отъ именныхъ основъ оканчивавшихся не на $\underline{\breve{a}}^{o}$.

Родительный-отложительный единственнаго числа отъ именныхъ основъ на $\underline{\breve{a}}^{o}$, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, въ индоевропейскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія представлялъ, какъ кажется, два образованія: одно на $\underline{\bar{a}s}$, гдѣ въ составъ $\underline{\bar{a}}$ вошли - $\underline{\breve{a}}^{a}$ въ окончаніи основы + $\underline{\breve{a}}^{o}$ или $\underline{\breve{a}}^{e}$ въ окончаніи падежнаго суффикса; другое же образованіе родительнаго отложительнаго единственнаго числа отъ разсматриваемыхъ

нами основъ оканчивалось, повидимому, на неясное по происхожденію $\bar{a}^{a}i\bar{a}s$ [качество втораго $\bar{a}$ передъ i я оставляю безъ опредѣленія].

Древнеиндійскій языкъ имѣлъ лишь послѣднее образованіе родительнаго отложительнаго единственнаго числа отъ разсматриваемыхъ нами основъ, что есть эта форма оканчивалась здѣсь на āyās (въ этомъ древнеиндійскомъ y (ɣ) совпали индоевропейскія j, i, и ī передъ гласной); и такъ напр. отъ древнеиндійской основы açvā родительный отложительный единственнаго числа açvāyās.

Въ греческомъ языкѣ въ образованіи родительнаго-отложительнаго единственнаго числа отъ именныхъ основъ на $\bar{a}^{a}$ принадлежавшее словообразовательному суффиксу, существовало различіе между формами этого падежа отъ основъ женскаго рода на $\bar{a}^{a}$ и отъ основъ мужскаго рода на $\bar{a}^{a}$. Только первыя основы сохранили древнее индоевропейское образованіе и оканчивались въ греческомъ языкѣ на ας, ης, причемъ греческое ας можетъ быть выводимо какъ изъ индоевропейскаго $\bar{a}^{a}s$ такъ и изъ индоевроп. $\bar{a}^{a}i\bar{a}s$, такъ какъ i между гласными должно было исчезнуть въ греческомъ языкѣ. На послѣднее происхожденіе греческой формы указываетъ, можетъ быть, въ греческомъ качество ударенія такихъ формъ, какъ τιμῆς.

Что касается греческихъ именныхъ основъ

на первоначальное ᾱ^a^, принадлежавшее словообразовательному суффиксу мужескаго рода, но онѣ заимствовали здѣсь суффиксъ родительнаго-отложительнаго единственнаго числа изъ склоненія основъ на первоначальное ᾰ^o^. Такимъ образомъ въ склоненіи такихъ основ явилась гомеровская форма на ᾱο - Ἀτρείδᾱο гдѣ ᾱο можетъ восходить къ ᾱιο, то есть окончаніе этой формы могло быть образовано по аналогіи οιο въ τοῖο, ἵπποιο; отсюда черезъ посредство ηο и перестановки количества гласныхъ - іоническое εω. Въ дорическом діалектѣ мы находимъ здѣсь форму на ᾱ, которое могло быть стянуто изъ ᾱο. Такую же форму на ᾱ мы находимъ въ нѣкоторыхъ именахъ и въ аттическомъ діалектѣ, напр. βορρᾶ, можетъ быть подъ вліяніемъ дорическаго діалекта. Аттическія же формы на ου, напр. πολίτου образовались подъ вліяніемъ формъ на ου въ родительномъ единственнаго основъ на первоначальное ᾰ^o^.

Я остановился прошлый разъ на образованіи формы родительнаго падежа единственнаго ч. въ склоненіи именныхъ основъ на ᾱ^a^, принадлежавшее словообразовательному суффиксу. Въ латинскомъ языкѣ, гдѣ, какъ и въ другихъ древнеиталійскихъ языкахъ, въ склоненіи разсматриваемыхъ нами основъ форма родительнаго единственнаго отличалась отъ формы отложительнаго единствен-

наго числа, въ родительномъ единственнаго мы находимъ два образованія. Въ одномъ изъ этихъ образованій родительный единственнаго отъ этихъ основъ оканчивался на <u>ās</u> и то же образованіе представляютъ осскій и умбрскій языки. Эта форма на <u>ās</u> можетъ восходить къ индоевропейской формѣ на <u>ā̊s</u>, или быть можетъ она восходитъ къ индоевропейской формѣ на <u>ā̊iās</u>, о которой я говорилъ уже. Латинскій родительный на <u>ās</u> былъ мало употребителенъ и въ древнелатинскомъ языкѣ, а впослѣдствіи въ классическомъ латинскомъ языкѣ форма на <u>ās</u> сохранилась лишь въ единичныхъ словахъ, утратившихъ значеніе родительнаго падежа, напр. <u>familias</u> въ выраженіяхъ <u>pater familias</u>, <u>mater familias</u>. Другимъ обыкновеннымъ въ латинскомъ языкѣ образованіемъ родительнаго единственнаго именныхъ основъ на первоначальное <u>ā</u> чистое, принадлежащее словообразовательному суффиксу, была форма на древнелатинское <u>āī</u>, откуда <u>ai</u>, <u>ae</u>, <u>ē</u> напр. <u>equāī</u>, <u>equai</u>, <u>equae</u>. Происхожденіе этой формы неясно; на образованіе ея быть можетъ повліяла форма родительнаго единственнаго отъ основъ на первоначальное <u>ā̊</u> въ латинскомъ языкѣ. Кромѣ этихъ образованій родительнаго единств. отъ именныхъ основъ на первоначальное <u>ā̊</u>, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, мы находимъ еще въ позднѣйшемъ

латинскомъ языкѣ форму родительнаго единственнаго на aes, почти исключительно въ собственныхъ именахъ, въ числѣ которыхъ есть и имена греческія, напр. Dianaes, Helenaes; но мнѣнію нѣкоторыхъ это образованіе родительнаго единственнаго заимствовано изъ греческаго языка, причемъ латинское ē (ae) передаетъ греческое η. Но если эта форма на aes есть дѣйствительно латинская форма, то она представляетъ новообразованіе: гдѣ къ формѣ на ae присоединилось s по аналогіи родительнаго единственнаго ч. отъ другихъ основъ.

Въ отложительномъ падежѣ единственнаго ч. въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ латинскій языкъ имѣлъ форму на ād, напр. equād откуда позже съ отпаденіемъ d послѣ долгой гласной въ конечномъ слогѣ форма-equā.

Въ старославянскомъ языкѣ родительный-отложительный единственнаго ч. отъ именныхъ основъ на первоначальное ā чистое, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, послѣ твердой согласной оканчивался на ꙑ, послѣ мягкой согласной на ѧ, поэтому напр. рыбꙑ, волѩ, доушѧ. Эти образованія существовали и въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія и произошли въ фонетическомъ отношеніи такъ же, какъ ꙑ, ѩ въ винительномъ множественнаго отъ основъ на первоначальное ă° не средняго рода и на ā^{a}. Эти славянскія формы родительнаго-отложительнаго единственнаго числа

отъ основъ на первоначальное $\bar{a}$ чисное, принадлежащее словообразовательному суффиксу, представляють новообразованія, явившіяся въ общеславянскомъ языкѣ подъ вліяніемъ извѣстной аналогіи, на которую я укажу впослѣдствіи, когда буду говорить объ образованіи формы именительнаго-винительнаго множественнаго отъ этихъ основъ. Сравненіе съ балтійскими языками показываетъ я думаю (я имѣю въ виду ударенія литовской формы), что въ литовскославянскомъ языкѣ родительный-отложительный единственнаго ч. отъ разсматриваемыхъ основъ имѣлъ нѣкогда то окончаніе, которое восходитъ къ первоначальному $\bar{a}i\bar{a}s$; i неслоговое между гласными исчезло еще въ общеславянскомъ языкѣ, а объ долгія гласныя стянулись въ одну долгую гласную, такъ что общеславянскій языкъ получилъ форму на $\bar{a}s$ (сравн. литовское $\bar{o}s$), а эта форма, какъ скоро конечное s отпало по извѣстному фонетическому закону, должна была совпасть по окончанію съ формой именительнаго единственнаго числа. Отсюда и объясняется, почему въ общеславянскомъ яз. явилось новообразованіе въ родительномъ отложительномъ единств. числа отъ такихъ основъ.

Дательный падежъ.

Въ индоевропейскомъ языкѣ дательный единственнаго ч. въ склоненіи разсматриваемыхъ нами основъ имѣлъ можетъ быть два-

образованія, подобно тому, какъ было повидимому два образованія родительнаго-отложительнаго единственнаго ч. отъ тѣхъ же основъ. Въ одномъ образованіи дательный единств. числа отъ такихъ основъ оканчивался на дифтонгъ āi, гдѣ въ составъ ā вошли ā чистое въ окончаніи основы + ă (качество котораго я пока не опредѣляю) въ дифтонгъ âi, составлявшемъ суффиксъ этой формы. Другое образованіе дательнаго единственнаго отъ разсматриваемыхъ основъ оканчивалось повидимому на неясное по происхожденію āiāi (качество втораго ā я не опредѣляю). Въ древнеиндійскомъ языкѣ употреблялось лишь это послѣднее образованіе напр. отъ основы женскаго рода açva дательный единств. açvāyāi.

Въ греческомъ языкѣ въ окончаніи дательнаго единственнаго отъ разсматриваемыхъ основ находится дифтонгъ āi или діалектическое ω̄ (ᾳ, ῃ) напр. χώρᾳ, τιμῇ. Эта греческая форма можетъ быть объяснена какъ изъ первоначальной формы на âi, такъ и изъ формы на āiāi.

Въ латинскомъ языкѣ дательный единственнаго отъ такихъ основъ оканчивался нѣкогда на âi, откуда далѣе ae, ē напр. equai equae (=ē). Это образованіе можетъ восходить какъ къ первоначальному образованію на âi, такъ можетъ быть и къ первоначальному образованію на āiāi. Въ старославян-

скомъ языкѣ дательный единственнаго числа отъ разсматриваемыхъ основъ оканчивался на ѣ напр. рыбѣ. Это ѣ получилось въ обще славянскомъ языкѣ изъ дифтонга ai, oi, который въ данномъ случаѣ образовался изъ āi, а этотъ дифтонгъ можетъ восходить какъ къ индоевропейскому āi, такъ и къ индоевропейскому āiāi.

Такъ какъ въ общеславянскомъ языкѣ послѣ мягкой согласной дифтонгъ oi измѣнялся въ ei, отсюда ī, старославянское и, то и въ дательномъ единственнаго послѣ мягкой согласной мы находимъ старославянское и: душии.

Творительный соціативный падежъ.

Въ творительномъ соціативномъ единственнаго числа отъ именныхъ основъ на первоначальное ā чистое, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, въ индоевропейском языкѣ существовало два образованія формы. Въ первомъ изъ этихъ образованій форма оканчивалась на ān, а это ān разлагалось на āᵃ въ окончаніи основы + ᵃn падежнаго суффикса, о которомъ я говорилъ прежде. Въ другомъ же образованіи творительнаго соціативнаго отъ разсматриваемыхъ основъ, заимствованномъ вѣроятно изъ мѣстоименнаго склоненія, эта форма оканчивалась на ăjān, гдѣ суффиксъ творительнаго соціативнаго -ān былъ присоединенъ къ основѣ на ai (ā

въ этомъ ai, откуда передъ гласною безъ ударенія aj, было a несклонявшееся къ e].

Въ древнеиндійскомъ и старославянскомъ яз. мы находимъ оба эти образованія въ творительномъ соціативномъ единственнаго числа отъ разсматриваемыхъ основъ. Въ собственномъ санскритѣ употреблялась лишь форма творительнаго соціативнаго на ăуā, напр. отъ основы женскаго рода açvā творит. соціативный единственнаго ч. açvăуā, гдѣ конечное ā восходитъ къ индоевропейскому ān. Въ ведійскомъ же нарѣчіи древнеиндійскаго языка кромѣ такой формы извѣстна и форма на ā, т. е. напр. отъ açvā творительный-соціативный единственнаго açvā, гдѣ ā изъ индоевроп. ān.

Въ старославянскомъ языкѣ обыкновенное образованіе творительнаго-соціативнаго един. числа отъ разсматриваемыхъ основъ оканчивалось на оѭ, напр. рыбоѭ, гдѣ оѭ тождественно съ древнеиндійскимъ ауā и восходитъ къ индоевропейскому ajān; но при такой формѣ въ нарѣчіяхъ старославянскаго языка существовала и другая форма творительнаго-соціативнаго единств. числа отъ разсматриваемыхъ основъ форма на ѫ, напр. рыбѫ; эта послѣдняя тождественна съ ведійской формой творительнаго соціативнаго единственнаго на ā изъ индоевроп. формы на ān.

Въ литовскомъ языкѣ творительный-соціа-

тивный единст. числа отъ разсматриваемыхъ основъ представленъ образованіе тождественное по происхожденію со старославянскимъ образованіемъ на ѫ, не на онѫ.

Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ форма творительнаго-социативнаго не сохранилась и значеніе этой формы соединилось — въ греческомъ въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ (какъ и въ склоненіи основъ на первоначальное а°) съ формой дательнаго падежа, въ латинскомъ съ формой отложительнаго падежа.

Мѣстный падежъ.

Въ индоевропейскомъ языкѣ употреблялись два падежныхъ суффикса для образованія мѣстнаго единственнаго отъ именныхъ основ на первоначальное ā^{a}, принадлежавшее словообразовательному суффиксу. Однимъ изъ этихъ падежныхъ суффиксовъ было тоже i, которое мы встрѣтили въ мѣстномъ единственнаго числа основъ на первоначальное ă°. Въ склоненіи основъ на ā^{a}, принадлежавшему словообразовательному суффиксу, передъ этимъ i въ мѣстномъ единственнаго конечный гласной являлось не ā^{a}, но ă^{a}, то есть мѣстный единств. отъ такихъ основъ оканчивался въ индоевропейскомъ языкѣ на ăi. Съ этимъ ă^{a} вмѣсто ā^{a} въ мѣстномъ единств. именныхъ основъ на первоначальное ā^{a}, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, аналогично въ склоненіи на ă° появленіе ă^{e} вмѣсто ă°

въ окончаніи основы въ мѣстномъ единственнаго, какъ мы видѣли прежде.

Въ греческомъ отсюда дифтонгъ ai, напр. χαμαί - по происхожденію мѣстный единственнаго числа, обратившійся въ нарѣчіе, между тѣмъ какъ въ склоненіи мѣстный единственнаго числа отъ основъ на первоначальное ā^a^ принадлежавшее словообразовательному суффиксу, исчезъ въ греческомъ языкѣ, какъ и въ склоненіи основъ на первоначальное ā^o^. Значеніе этой формы въ склоненіи этихъ и другихъ основъ совпало съ формой дательнаго падежа.

Въ латинскомъ языкѣ точно также форма мѣстнаго единственнаго ч. въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ исчезла и значеніе ея соединилось съ формой отложительнаго падежа. Только въ нѣкоторыхъ словах, именно въ собственныхъ именахъ мѣстностей, сохранилось образованіе мѣстнаго единственнаго ч. какъ напр. древнелатинскія Romai, откуда Romae; тогоже происхожденія militiae въ выраженіи domi militiaeque.

Въ старославянскомъ языкѣ мѣстный единственнаго отъ разсматриваемыхъ основъ оканчивался на ѣ изъ дифтонга и слѣдовательно послѣ мягкой согласной на и, напр. рыбѣ, доуши.

Что касается древнеиндійскаго языка, то онъ представляетъ другое образованіе мѣ-

стнаго единственнаго ч. отъ разсматриваемыхъ основъ, а именно-падежнымъ суффиксом является уат, присоединенное къ ā въ окончаніи основы; поэтому напр. отъ основъ женскаго рода açva мѣстный единственнаго açvāyām.

Звательная форма.

Индоевропейскій языкъ въ звательной формѣ именныхъ основъ на первоначальное $\bar{a}^a$ принадлежавшее словообразовательному суффиксу, представлялъ въ окончаніи основы вмѣсто $\bar{a}^a$, $\breve{a}^a$ и отношеніе $\breve{a}^a$ къ $\bar{a}^a$ аналогично съ отношеніемъ $\breve{a}^e$ въ окончаніи звательной формы основъ на $\breve{a}^o$ къ этому $\breve{a}^o$. Особаго суффикса звательная форма не имѣла въ индоевропейскомъ языкѣ, но удареніе падало всегда на первый слогъ основы. Древнеиндійскій языкъ сохранилъ это мѣсто ударенія въ звательной формѣ, но въ именныхъ основахъ на первоначальное $\bar{a}^a$, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, лишь очень немногія слова сохранили звательную форму на $\breve{a}$, изъ индоевропейскаго $\breve{a}$ напр амба при именительномъ амбā-мать; такое же образованіе звательной формы отъ такихъ основъ встрѣчается еще въ двухъ словахъ съ значеніемъ „мать". Обыкновенно же въ древнеиндійскомъ языкѣ звательная форма именъ съ основой на первоначальное $\bar{a}^a$ чистое, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, оканчивалась на $\hat{e}$, но есть при именитель-

номъ açvā звательный былъ açvē; древнеиндійское ē можетъ быть объяснимо въ такомъ положеніи лишь изъ первоначальнаго дифтонга ăi (сравн. ai вмѣсто ā въ окончаніи основы въ творительномъ единственнаго ч. на древнеиндійское ayā, старославян. -оѭ, изъ индоевропейскаго aj-ān).

Въ греческомъ языкѣ звательная форма на индоевропейское ă^a отъ именъ съ основою на первоначальное ā^a, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, сохранилась напр. въ гомеровскомъ νύμφᾰ, между тѣмъ какъ обыкновенно въ именахъ женскаго рода на ā звательная форма замѣнялась въ греческомъ языкѣ формой именительнаго падежа. Болѣе извѣстна была звательная форма на ă въ греческомъ языкѣ въ именахъ мужескаго рода съ основой на первоначальное ā^a, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, каковы напр. формы: τοξότᾰ, παιδοτρίβᾰ, δέσποτα. У Гомера звательная форма на ă въ нѣкоторыхъ изъ такихъ именъ является и въ значеніи именительнаго един. напр. μητίετᾰ (см. выше).

Въ латинскомъ языкѣ, гдѣ конечное ā въ именительномъ единств. по фонетическому закону должно было сократиться по фонетическимъ причинамъ, не могло поэтому сохраниться отличіе звательной формы отъ именительнаго единственнаго въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ.

Въ общеславянскомъ языкѣ, гдѣ индоевропейскому $\breve{\bar{a}}^a$, какъ и $\breve{\bar{a}}^e$ соотвѣтствуетъ $\breve{o}$ звательная форма единственнаго ч. въ именахъ съ основой на первоначальное $\bar{a}^a$ принадлежавшее словообразовательному суффиксу, оканчивалось позднѣе на o, откуда послѣ мягкой согласной e позднѣе напр. въ старославянск. жено, доуше.

Множественное число именительный падежъ.

Индоевропейскій суффиксъ именительнаго множественнаго былъ, какъ я говорилъ $\breve{\bar{a}}^e s$. Именительный множественнаго отъ основъ на $\bar{a}^a$, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, оканчивался въ индоевропейскомъ языкѣ на $\bar{a}^a s$, гдѣ въ составъ ā чистаго вошло окончаніе основы + $\breve{\bar{a}}^e$ падежнаго суффикса.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ отсюда ās напр. отъ основы женскаго рода açvā именительный множ. açvās. Подобно тому, какъ въ склоненіи именныхъ основъ на первоначальное $\breve{\bar{a}}^o$ ведійское нарѣчіе имѣло кромѣ формы на ās форму на āsas, такъ и въ склоненіи именныхъ основъ на первоначальное $\breve{\bar{a}}^a$, принадлежащее словообразовательному суффиксу, въ ведійскомъ нарѣчіи древнеиндійскаго языка въ именительномъ множеств. при формѣ на ās была извѣстна и форма на āsas, т. е. напр. отъ основы женскаго рода açva кромѣ именительнаго множ. açvās былъ извѣстенъ и

açvāsas.

Греческій и латинскій языкъ устранили индоевропейское образованіе именительнаго множественнаго въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ, и что важно замѣтить, оба языка представляютъ одно и тоже новообразованіе: греческое αι и латинское ai откуда ae. Эта форма образовалась можетъ быть подъ вліяніемъ именительнаго множественнаго отъ именныхъ основъ на греческое и латинское ŏ, т. е. первоначальное ăº; иначе объясняетъ эту форму Бругманнъ, какъ я укажу дальше. Въ другихъ древнеиталійскихъ языках - осскомъ и умбрскомъ сохранилась индоевропейская форма именительнаго множ. на ās отъ разсматриваемыхъ основъ.

Въ общеславянскомъ языкѣ именительный множественнаго отъ основъ на первоначальное āª принадлежавшее словообразовательному суффиксу, оканчивался на ы послѣ твердой согласной, откуда старославянское ы и на носовое ę(ę) неоткрытое послѣ мягкой согласной, старославянское ѧ, ѩ, поэтому напр. именительный множ. старославянскія - жены, рыбы, доуша, земля. По происхожденію эти славянскія формы представляютъ, вѣроятно, формы винительнаго множественнаго. Причина же, по которой общеславянскій языкъ устранилъ нѣкогда существовавшую форму именительнаго множ. числа отъ

разсматриваемыхъ нами основъ заключается въ томъ, что вслѣдствіе отпаденія конечнаго s эта форма на первоначальное -ā^a s должна была совпасть съ формой именительнаго единственнаго тѣхъ же основъ, и вотъ, чтобы отличить именительный множественнаго отъ именительнаго единственнаго, языкъ воспользовался формой винительнаго множественнаго, такъ какъ совпаденіе въ одной формѣ именительнаго и винительнаго множ. числа представляло во всякомъ случаѣ меньше неудобствъ, чѣмъ совпаденіе въ одной формѣ именительнаго единственнаго и именит. множественнаго. Подобно именит. множественнаго отъ основъ на первоначальное ā^a, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, и родительный единственнаго отъ тѣхъ же основъ вслѣдствіе отпаденія конечнаго s нѣкогда долженъ былъ совпасть въ общеславянскомъ языкѣ съ именительнымъ единственнаго; какъ скоро же въ именительномъ множеств. стало употребляться новообразованіе, то же новообразованіе по звуковой аналогіи было перенесено и въ родительный единственнаго, который, какъ мы видѣли, оканчивался на ы послѣ твердой согласной, и на ę носовое неопредѣленное (старославянское ѧ, ѩ) послѣ мягкой согласной.

Винительный падежъ множественнаго числа.

Индоевропейскимъ суффиксомъ этого паде-

жа было $n+s$, т. е. винительный множ. отъ именныхъ основъ на первоначальное $\bar{a}^a$, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, оканчивался на $\bar{a}ns$. Въ древнеиндійскомъ языкѣ отсюда $\bar{a}s$ съ утратой n передъ s послѣ долгой гласной; потому напр. отъ основы женскаго рода $a\varsigma v\bar{a}$ винительный множественн. $a\varsigma v\bar{a}s$, вслѣдствіе чего форма винит. множ. совпала здѣсь съ формой именительнаго множественнаго. Въ греческомъ, и притомъ еще въ общегреческомъ, первоначальное $\bar{\alpha}\nu\varsigma$ въ окончаніи винительнаго множ. отъ рассматриваемыхъ нами основъ получило $\breve{\alpha}$ т. е. $\bar{\alpha}\nu\varsigma$ перешло $\breve{\alpha}\nu\varsigma$, гдѣ $\breve{\alpha}$ въ эпоху распаденія общегреческаго языка можетъ быть было носовымъ, какъ и $\breve{o}$ въ винительн. множ. отъ основъ на греческое $\breve{o}$.

Впослѣдствіи изъ отдѣльныхъ діалектовъ греческаго языка окончаніе $\alpha\nu\varsigma$ удерживали далекты критскій, аргивскій, между тѣмъ какъ въ другихъ діалектахъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ носоваго звука передъ ς являлось удлиненіе гласной, т. е. получалось $\bar{\alpha}\varsigma$, съ долгимъ $\bar{\alpha}$; отсюда въ іоническомъ, аттическом, винительный множественнаго $\chi\acute{\omega}\rho\alpha\varsigma$. Въ лесбійскомъ же изъ $\alpha\nu\varsigma$ получалось $\alpha\iota\varsigma$, какъ изъ $o\nu\varsigma$ получалось $o\iota\varsigma$.

Въ латинскомъ языкѣ въ винительномъ множ. отъ рассматриваемыхъ нами основъ первоначальное $\bar{a}ns$ обратилось въ $\bar{a}s$ съ утра-

той носоваго звука; подобно тому какъ изъ ŏns получилось ō̆s съ утратой носоваго звука; поэтому напр. винительный множественнаго едиās.

Въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія винительный множественнаго отъ разсматриваемыхъ нами основъ оканчивался на ы послѣ твердой согласной основы и на е носовое неоткрытое послѣ мягкой согласной; откуда старославянское ы и ѧ, ꙗ, напр. рыбы, доушѧ, змиꙗ - въ винительномъ множ. отъ основъ на первоначальное āª, принадлежавшие словообразовательному суффиксу. Относительно происхожденія ы, ꙗ изъ первоначальнаго окончанія āns можетъ представиться вопросъ, произошли ли ы, ꙗ фонетическимъ путемъ изъ āns, или же образовались по аналогіи съ ы, ꙗ въ винительномъ множественнаго отъ основъ на первоначальное ă° вслѣдствіе того, что изъ āns фонетически получалась форма на ѫ то есть форма, совпадавшая съ формой винительнаго единственнаго числа? Если ы, ꙗ въ окончаніи этой формы образовались въ славянскомъ фонетическимъ путемъ, то надо признать, что въ индоевропейскомъ окончаніи этой формы -āns, ā передъ ns было уже въ общеславянскомъ языкѣ ă°, откуда о, еще ранѣе, чѣмъ сталъ дѣйствовать законъ объ измѣненіи о въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ ꙋ (у).

Родительный множественнаго числа.

Индоевропейскимъ суффиксомъ родительнаго множ. числа было ām, а изъ соединенія ā чистаго въ окончаніи разсматриваемыхъ основъ съ ā° этого падежнаго суффикса получался въ результатѣ ā° по закону, о которомъ я говорилъ прежде, т. е. родительный множ. отъ разсматриваемыхъ основъ оканчивался на ām. Въ древнеиндійскомъ яз. эта форма если бы существовала здѣсь, явилась бы въ томъ же видѣ, но въ древнеиндійскомъ языкѣ существовало другое образованіе родительнаго множ. числа отъ разсматриваемыхъ основъ, именно образованіе на ānām, то есть отъ основы женскаго рода açvā родительный множ. былъ açvānām; такое же образованіе существовало и въ древнеиндійскомъ языкѣ и въ склоненіи именныхъ основъ на первоначальное ă°.

Въ греческомъ языкѣ родительный множ. отъ именныхъ основъ на первоначальное ā чистое, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, получилъ образованіе, заимствованное изъ склоненія мѣстоименныхъ основъ на ā°; поэтому напр. χωράων, какъ τάων, гдѣ между гласными нѣкогда было s, принадлежавшее суффиксу родительнаго множ. мѣстоименнаго склоненія; отсюда аттическое χωρῶν; въ дорическомъ діалектѣ та

кому стяженію въ ων соотвѣтствуетъ ᾱν.
Подобнымъ образомъ и въ латинскомъ языкѣ
родительный множественнаго отъ основъ
на первоначальное ā чистое, принадлежащее
словообразовательному суффиксу, имѣлъ форму
заимствованную изъ склоненія мѣстоименныхъ
основъ на ā[a], напр. equārum, гдѣ ārum изъ
āsōm; o было нѣкогда долгимъ, но еще въ пра-
латинскомъ языкѣ сократилось передъ носо-
вой въ конечномъ слогѣ, а отсюда уже позже
u. Причина, по которой въ латинскомъ, какъ
и въ другихъ древнеиталійскихъ языкахъ, а
также въ греческомъ языкѣ родительный
множественнаго въ разсматриваемыхъ на-
ми основахъ получилъ образованіе, заимство-
ванное изъ мѣстоименнаго склоненія, эта
причина заключалась, вѣроятно, въ стремле-
ніи отличить родительный множественнаго
отъ формы винительнаго единственнаго, а
обѣ эти формы въ индоевропейскомъ языкѣ
оканчивались на ām, и различіе можетъ быть
было лишь въ качествѣ долготы этого ā.

Въ латинскомъ языкѣ въ родительномъ
множественнаго отъ основъ на первоначаль-
ное ā чистое, принадлежавшее словообразова-
тельному суффиксу, употреблялось иногда
и окончаніе um, именно въ нѣкоторыхъ
заимствованіяхъ изъ греческаго языка, такъ
въ родительномъ множ. числа отъ amphora,
drachma, греческихъ patronymica, а также

и въ основахъ латинскихъ, сложныхъ съ cola, gena мужескаго рода. Въ словахъ, взятыхъ съ греческаго это окончаніе сложилось подъ вліяніемъ греческаго окончанія ων, въ латинскихъ же словахъ, въ именахъ мужескаго рода представляющихъ основы сложенныя съ cola, gena такое образованіе могло явиться по аналогіи родительнаго множественнаго числа въ склоненіи другихъ основъ.

Въ общеславянскомъ языкѣ въ эпоху его распаденія родительный множ. числа отъ основъ на первоначальное ā чистое принадлежавшее словообразовательному суффиксу, оканчивался на ъ, откуда старославянское ъ, слѣдовательно послѣ мягкихъ согласных на ь (сравн. тоже окончаніе въ родительн. множественнаго отъ основъ на первоначальное ă°).

Сравненіе съ литовскимъ языкомъ показываетъ, что еще въ литовскославянскомъ языкѣ въ родительномъ множественнаго отъ разсматриваемыхъ нами основъ вмѣсто окончанія ām изъ индоевропейскаго ām явилось окончаніе ōm (откуда далѣе ūm) подъ вліяніемъ аналогіи со стороны склоненія прочихъ основъ, гдѣ въ родительномъ множ. числа существовало послѣднее окончаніе (изъ индоевроп. ām).

Дательный отложительный падежъ множественнаго числа

Индоевропейскіе суффиксы этой формы въ склоненіи разсматриваемыхъ нами основъ были тѣ же, что и въ склоненіи основъ на первоначальное *ă°*. Отсюда древнеиндійское *bhyas*, съ *b* придыхательнымъ, а въ ведахъ и *bhias* со слоговымъ *i*, какъ и въ склоненіи основъ на первоначальное *ă°* въ ведійскомъ нарѣчіи древнеиндійскаго языка существовалъ при *bhyas* суффиксъ *bhias* [въ текстѣ пишется одинаково *bhyas*, но изъ указанія метра видно различіе между *i* слоговымъ и *i* неслоговымъ.

Въ латинскомъ языкѣ древнеиндійскому *bhyas* соотвѣтствуетъ *bus* изъ *bos*. Въ склоненіи именныхъ основъ на первоначальное *ā* чистое, принадлежащее словообразовательному суффиксу, этотъ падежный суффиксъ удержался въ латинскомъ языкѣ въ числительныхъ *duabus*, *ambabus*, гдѣ онъ замѣнилъ древній суффиксъ дательнаго отложительнаго двойственнаго числа; сравн. сказанное прежде о формахъ *duobus*, *ambobus*. Вообще въ склоненіи именныхъ основъ на первоначальное *ā* чистое въ латинскомъ языкѣ форма дательнаго отложительнаго падежа множ. числа была замѣнена формой творительнаго социативнаго, какъ и въ склоненіи основъ на первоначальное *ă°*. Латинскія *deabus*, *filiabus*, *libertabus* представляютъ новообразованія для отличія отъ *filiis*, *diis*, *libertis* отъ основъ на *ŏ*, т. е. на первоначальное *ă°*. А по аналогіи съ такими именами и

въ другихъ именахъ съ основой на первоначальное $\bar{a}$^a^, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, являлись иногда формы дательнаго-отложительнаго, творительнаго-соціативнаго на $\bar{a}$bis.

Въ общеславянскомъ языкѣ, гдѣ, какъ и въ греческомъ, значеніе отложительнаго совпало съ родительнымъ, дательный множественнаго имѣлъ въ окончаніи суффиксъ мъ, о которомъ я говорилъ прежде; поэтому напр. старослав. рыбамъ.

Творительный-соціативный множеств. числа.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ падежный суффиксъ этой формы являлся въ видѣ bhis, т. е. отъ основы açvā — açvābhis.

Въ общеславянскомъ и старославянскомъ языкахъ въ соотвѣтствіи съ этимъ древнеиндійск. суффиксомъ мы находимъ суффиксъ общеславянское mī, старослав. ми, напр. рыбами; въ литовскомъ языкѣ этотъ суффиксъ звучитъ mis. Что касается славянскаго и литовскаго m при древнеиндійскомъ bh (h придыхательномъ), то мы уже встрѣчали такое соотвѣтствіе, оставшееся по происхожденію неяснымъ; но славянское ми отличается отъ древнеиндійскаго bhis и по количеству i: славянское ми имѣло въ общеславянскомъ ī, которое можетъ восходить къ ī первоначальному и къ первоначальному ins, сравн.

славянскій винительный множественности, гдѣ и получилось изъ ins. Въ данномъ случаѣ общеславянское ī, старослав. и, восходитъ вѣроятно къ īns (откуда можетъ быть объяснено и литовск. is въ mis), т. е. въ индоевропейскомъ суффиксъ творительнаго-соціативнаго множ. числа въ окончаніи суффикса кромѣ īs существовало и другое окончаніе īns; сравн. въ дательномъ отложительномъ множественнаго при as въ древнеиндійскомъ bhyas, прусское ans въ суффиксъ mans.

Греческій и латинскій языки представляютъ въ соотвѣтственныхъ формахъ новообразованіе, сложившееся подъ вліяніемъ формы творительнаго соціативнаго множ. числа отъ основъ на первоначальное ā, а именно по аналогіи съ ois въ такихъ основахъ въ греческомъ языкѣ явилось ais въ творительномъ-соціативномъ отъ основъ на первоначальное ā чистое, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, напр. χώραις, причемъ эта форма получила и значеніе дательнаго падежа, а также и мѣстнаго. Греческому ais въ этой формѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ осское ais въ соотвѣтствующей формѣ, откуда слѣдуетъ, что и латинское ī въ формѣ на īs, напр. mensīs, получившей и значеніе дательнаго-отложительнаго и мѣстнаго падежа, образовалось изъ ais чрезъ посредство eis съ ослабленіемъ a въ e въ неударяемомъ слогѣ; сравн. incīdo съ перенесеніемъ ударенія изъ

ἱκεῖθι. гдѣ ῑ изъ ει, а послѣднее изъ αἰ (откуда αι въ каιθι).

Мѣстный падежъ множественнаго числа.

Суффиксы этого падежа въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ въ древнеиндійскомъ, славянскомъ и греческомъ тѣ же, что и въ склоненіи основъ на первоначальное ā°. Въ древнеиндійскомъ языкѣ согласная s суффикса su по фонетическимъ условіямъ сохранялась здѣсь какъ s, то есть не измѣнялась въ ṣ язычное, и самый суффиксъ являлся присоединеннымъ къ ā въ окончаніи основы, т. е. напр. отъ açva мѣстный множественнаго былъ açvāsu.

Также въ общеславянскомъ и старославянск. языкахъ хъ являлось присоединеннымъ къ общеславянскому ā, старослав. а въ окончаніи основы напр. старослав. рыбахъ.

Въ греческомъ языкѣ, гдѣ форма мѣстнаго пад. получила значеніе дательнаго и творительнаго-соціативнаго пад., мы находимъ въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ, какъ такое образованіе этой формы, гдѣ падежный суффиксъ σιν съ подвижнымъ ν присоединялся къ ᾱ діалектической η, такъ и образованіе, въ которомъ этотъ суффиксъ присоединялся къ основѣ, распространенной при помощи ι; это послѣднее образованіе на ᾱσι (ν), ησι (ν) получало ι передъ падежнымъ суффиксомъ по аналогіи формъ на οισι (ν) въ склоненіи основъ на первоначальное ŏ°

Такія образованія извѣстны въ греческомъ языкѣ у Гомера, въ іоническомъ, и частью въ аттическомъ діалектѣ. Дальше же первоначальное образованіе на ᾱων (ν), съ діалектическимъ ηων (ν) существовало въ склоненіи разсматриваемыхъ нами основъ въ древнеаттическомъ діалектѣ и сохранилось и позже въ словахъ, обратившихся въ нарѣчія, какъ θύρᾱσι, ὥρᾱσι, Ἀθήνησι, Θήβησι и т. п. Что же касается формъ на αισι, какъ δραχμαῖσι, то онѣ явились изъ формы на αις подъ вліяніемъ формъ на οισι при формахъ на οις въ склоненіи основ на первоначальное ā°. — Въ латинскомъ языкѣ, какъ я говорилъ, форма мѣстнаго множеств. числа исчезла и значеніе ея соединилось съ формой творительнаго-соціативнаго-дательнаго-отложительнаго.

Звательная форма множеств. числа.

Только въ древнеиндійскомъ языкѣ сохранилось отличіе звательной формы множественнаго числа отъ именительнаго падежа, отличіе состоявшее въ томъ, что звательная форма получала удареніе на первомъ слогѣ основы.

Двойственное число. Именительный-винительный падежъ.

Въ индоевропейскомъ языкѣ эта форма отъ основъ на первоначальное ā°, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, окан.

чивалась на дифтонгъ ăi (гдѣ ă было выражено ăᵃ), происхожденіе котораго остается неяснымъ. Въ древнеиндійскомъ отсюда ē, т. е. отъ основы женскаго рода açvā именительный-винительный двойственнаго былъ açvē. Соотвѣтствующее образованіе существовало и въ общеславянскомъ языкѣ, откуда перешло и въ старославянскій языкъ, гдѣ именительный винительн. двойственнаго отъ основъ на первоначальное ā чистое, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, оканчивался на ѣ (слѣдовательно изъ длительнаго дифтонга ai) послѣ твердой согласной, а потому послѣ мягкой согласной на и, - рыбѣ, души.

Въ греческомъ яз. именительный-винительн. двойственнаго отъ разсматриваемыхъ основъ оканчивался на ᾱ, непереходившее въ η въ іоническомъ и аттическомъ діалектахъ напр. χώρᾱ; такое α не можетъ быть, слѣдовательно, первоначальнымъ ā и явилось въ греческомъ по аналогіи съ ω въ именительномъ винительномъ двойственнаго отъ основъ на первоначальное ăᵒ. У Гомера эта форма имени.-винит. двойственнаго на ᾱ встрѣчается лишь отъ основъ на ā мужескаго рода. - По мнѣнію Бругмана индоевропейская форма именительнаго-винит. двойственнаго отъ разсматриваемыхъ основъ является въ греческомъ языкѣ въ формѣ именительнаго множественнаго отъ такихъ основъ на αι, точно такъ, какъ и въ латинской формѣ именитель-

ный множественнаго отъ разсматриваемыхъ основъ на ae изъ ai Бругманъ видитъ древнюю форму именительнаго-винительнаго двойственнаго, и въ пользу этого мнѣнія можетъ быть свидѣтельствуетъ форма duae (ambae).

Родительный мѣстный двойственнаго числа.

Однимъ изъ суффиксовъ родительнаго мѣстнаго двойственнаго въ индоевропейскомъ языкѣ было въ склоненіи всѣхъ основъ aus съ ā̆ не склоннымъ къ e. Въ древнеиндійскомъ языкѣ суффиксъ этотъ является въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ присоединеннымъ къ основѣ на ai, какъ и въ склоненіи основъ на первоначальное ā°, т.е. отъ основъ женскаго рода açvā родительный мѣстный двойственнаго açvāyōs; такое образованіе этой формы можетъ быть заимствовано изъ мѣстоименнаго склоненія. Въ общеславянскомъ языкѣ, въ эпоху его распаденія родительный мѣстный двойственнаго въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ, какъ и въ склоненіи основъ на первоначальное ā°, оканчивался на ū, откуда старославянское оу, напр. рабоу.

Дательный отложительный творительный соціативный двойственнаго числа.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ суффиксомъ этой формы въ склоненіи всѣхъ основъ было

вщāт, поэтому напр. отъ основы женскаго рода aç̌va дательн.-отложит.-творит.-соціативный двойственнаго былъ aç̌vābhyām.

Общеславянскій языкъ имѣлъ въ этой формѣ въ склоненіи всѣхъ основъ суффиксъ mā, откуда старославянское ма, напр. рыба-ма, о которомъ я говорилъ прежде.

Въ греческомъ языкѣ соотвѣтствующая форма въ склоненіи основъ на первоначальное āª, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, представляетъ новообразованіе, а именно въ аттическомъ діалектѣ она оканчивалась на αιν, напр. χώραιν; это образованіе возникло въ греческомъ языкѣ вѣроятно по аналогіи съ формой на οιν, изъ οῖїν въ склоненіи основъ на первоначальное ăº.

Звательная форма двойственнаго числа

Звательная форма двойственнаго, какъ и звательная форма множественнаго сохранила отличіе отъ формы именительнаго падежа лишь въ древнеиндійскомъ языкѣ, гдѣ звательная форма получала всюду удареніе на первомъ слогѣ основы.

Въ связи съ разсмотрѣннымъ нами склоненіемъ именныхъ основъ на āª, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, въ индоевропейскомъ языкѣ находится склоненіе тѣхъ именныхъ основъ женскаго рода, которыя въ окончаніи основы въ извѣстныхъ

падежныхъ формахъ допускали въ индоевроп. языкѣ ī, образовавшееся путемъ стяженія и принадлежавшее словообразовательному суффиксу, служившему для образованія основ женскаго рода отъ другихъ именныхъ основъ. Имена съ такими основами въ именитель-номъ единственнаго числа въ индоевропейском языкѣ точно также не получали суффикса s, какъ и имена, въ окончаніи основы кото-рыхъ являлось āᵃ нестянутое, причемъ ī обра-зовавшееся путемъ стяженія, въ такихъ осно-вахъ являлось между прочимъ и въ именитель-номъ единственнаго числа; затѣмъ тоже ī являлось, повидимому, въ имен. множе-ственнаго на īs и въ именительномъ-вини-тельномъ двойственнаго на ī, а также въ окон-чаніи основы передъ падежнымъ суффиксомъ, начинавшимся съ согласной. Между тѣмъ какъ въ формахъ косвенныхъ падежей имѣвшихъ падежный суффиксъ, начинавшійся съ гласной a того или другаго качества и количества, -ī въ окончаніи основы не получалось, а ā падежнаго суффикса сливалось съ окончаніемъ основы въ ā, передъ которымъ существовало i̯ повидимому i̯, какъ можно заключить на основаніи пока-заній греческаго языка; напр. родит.-отложи-тельный единственнаго числа отъ такихъ основъ оканчивался на iās съ āᵃ, въ составъ ко-тораго вошли iāᵃ или i̯āᵃ въ окончаніи осно-вы и a падежнаго суффикса; дательный

единственнаго отъ такихъ основъ оканчивал-
ся на i̯āi̯ съ $\bar{a}^{a}$ въ составъ котораго вошли i̯$\bar{a}^{a}$
или i̯$\bar{a}^{a}$ въ окончаніи основы и a падежнаго суф-
фикса.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ имена съ таки-
ми основами, -напр. devī (такъ и именит. па-
дежъ) „богиня" сравните основу мужескаго ро-
да deva „богъ"; bharantī -именит. единств. числа
причастія жен. рода „несущая", сравните
основу муж. рода bharant; ğanitrī - „родитель-
ница" сравните слабую основу муж. рода -
ğanitr; именит. единств. мужескаго рода ğanitā
(гдѣ конечное ā изъ ār). такія имена частію
подвергались въ склоненіи аналогіи основъ на
ī другаго происхожденія, вслѣдствіе того что
въ падежныхъ формахъ, гдѣ суффиксъ начинал-
ся съ согласной, и тѣ и другія основы одинако-
во получали въ концѣ ī; съ другой стороны
было и обратное вліяніе однихъ основъ на дру-
гія.

Въ общеславянскомъ и старославянскомъ язы-
кахъ такія именныя основы сохраняли перво-
начальное ī, откуда старослав. и -только въ
именит. единственнаго, напр. въ старославян.
берѫщи, древнеиндійск. bharantī; въ прочихъ
же падежныхъ формахъ такія основы совпа-
ли здѣсь съ основами на первоначальное неся-
тнутое $\bar{a}^{a}$, имѣвшими передъ $\bar{a}^{a}$ первоначальн.
i, i̯ или j, совпавшія въ общеслав. языкѣ въ j,
который затѣмъ исчезалъ, смягчая предшеству

щую согласную, напр. винительный единств. старослав. берѫщѫ (гдѣ старослав. щ изъ той общеслав. группы, которая получалась изъ tj), между тѣмъ какъ въ древнеиндійскомъ bharantim. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ этихъ падежныхъ формъ, заключавшихъ смягченную согласную въ окончаніи основы, эта смягченная согласная была перенесена и въ именительный единств. числа, напр. старославян. берѫщи вмѣсто берѫ.

Въ латинскомъ языкѣ разсматриваемыя основы являлись въ основахъ на trīc, напр. genetrīc, гдѣ genetrī тождественно съ древнеиндійскимъ ǰanitrī, причемъ въ латинск. языкѣ къ старой основѣ на ī образовавшееся путемъ стяженія, присоединенъ новый суффиксъ - звукъ к.

Въ греческомъ языкѣ сюда принадлежатъ имена съ основою на ᾰ въ именит. и винит. един. числа, но есть такія имена какъ πότνιᾰ, древнеиндійское patnī, γενέτειρα, древнеиндійс. ǰanitrī, φέρουσα (изъ φεροντια), древнеиндійск. bharantī. Во всѣхъ этихъ именахъ передъ a въ окончаніи основы нѣкогда существовало въ общегреческомъ ị, подлежавшее затѣмъ различнымъ фонетическимъ измѣненіямъ въ различныхъ сочетаніяхъ съ другими звуками. Такимъ образомъ въ соотвѣтствіи съ древнеиндійскимъ ī, общеславян. ī, латинск. ī (на такое же ī указываютъ литовскій и готскій яз.)-

въ соотвѣтствіи съ этимъ ĭ въ окончаніи разсматриваемыхъ нами основъ греческій яз. представляетъ ι̯ᾰ. Это ι̯ᾰ не могло, понятно, получиться изъ ĭ и надо думать, что въ самомъ индоевропейскомъ языкѣ въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ, въ тѣхъ падежныхъ формахъ, гдѣ въ окончаніи основы допускалось ĭ изъ стяженія, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, въ другихъ діалектахъ могло являться и другое окончаніе основы, откуда греческое ι̯ᾰ. Но здѣсь представляется слѣдующій вопросъ, было ли это a^a краткимъ или долгимъ въ индоевропейскомъ языкѣ. Греческій языкъ представляетъ ᾰ, но въ такомъ положеніи (въ конечномъ слогѣ), гдѣ краткая гласная въ греческомъ языкѣ могла получиться, какъ я думаю, и изъ первоначальной долгой гласной съ тѣмъ качествомъ долготы, которую я называю прерывистой. Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ эти именныя основы отличались въ индоевропейскомъ по отношенію къ a^a отъ разсмотрѣнныхъ нами прежде основъ на $\bar{a}^a$, принадлежавшее словообразовательному суффиксу. Это различіе заключалось или въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ $\bar{a}^a$ имѣло долготу длительную, въ первомъ прерывистую; или же въ послѣднемъ случаѣ было $\bar{\bar{a}}^a$, въ первомъ $\breve{a}^a$. Но въ виду того, что мы не знаемъ изъ индоевропейскаго языка именныхъ основъ на $\breve{a}^a$, представляется болѣе вѣ-

роятнымъ думать, что и въ данномъ случаѣ основы оканчивались на $\bar{a}^a$, и что греческое $\breve{a}$ получилось изъ первонач. $\bar{a}^a$ съ извѣстнымъ качествомъ долготы, въ положеніи въ конечномъ слогѣ. Другой вопросъ, представляющійся въ виду греч. <u>iă</u> и $\bar{\text{ı}}$ другихъ индоевропейскихъ языковъ, какъ объяснить взаимное отношеніе этого греческаго <u>iă</u> и $\bar{\text{ı}}$ другихъ индоевропейскихъ языковъ по самому происхожденію ихъ въ индоевроп. языкѣ, т. е. получилось ли въ индоевроп. языкѣ $\bar{\text{ı}}$ изъ той группы, которая явилась въ греческомъ языкѣ безъ стяженія, или же это $\bar{\text{ı}}$ и греч. <u>iă</u> произошли въ индоевропейскомъ языкѣ изъ одной и той же группы именно изъ <u>iā</u>^{a} (съ слоговымъ <u>i</u>).

Въ числѣ индоевропейскихъ именныхъ основъ на $\bar{a}$, кромѣ основъ на $\bar{a}^a$, принадлежавшее словообразовательному суффиксу, существовали и другія основы на $\bar{a}$ различнаго качества, принадлежавшія корню, - т. е. основы односложныя и употреблявшіяся преимущественно въ словосложеніи. Такія основы мужескаго и женскаго рода сохранились въ древнеиндійскомъ языкѣ. Такова напр. древнеиндійская основа <u>ḡā</u> „потомство". Именительный единственнаго отъ такихъ основъ получалъ суффиксъ звукъ <u>s</u>, какъ отъ основъ мужескаго рода, такъ и отъ основъ женскаго рода, напр. отъ основы жен. рода <u>ḡā</u> - именит. единств. <u>ḡās</u>. Въ косвенныхъ падежахъ, суффиксы которыхъ начинались съ гласной, мы находимъ въ древнеиндійскомъ языкѣ полное исчезновеніе гласной въ окон-

чаніи основы передъ гласной падежнаго суффикса, т. е. напр. родительный-отложительный единств. отъ основы $\underline{\check{d}\bar{a}}$ былъ $\underline{\check{d}\bar{a}s}$, дательн. $\underline{\check{d}\bar{e}}$, мѣстный -$\underline{\check{d}i}$. Такими были получены эти формы изъ индоевроп. языка, и происхожденіе ихъ объясняется тѣмъ, что по закону о передвиженіи ударенія въ склоненіи односложныхъ основъ, удареніе въ этихъ падежахъ падало здѣсь на гласную падежнаго суффикса, причемъ въ зависимости отъ такого положенія ударенія, основа склоняемаго слова являлась въ наиболѣе слабомъ видѣ; т. е. основы на $\underline{\bar{a}}$, принадлежавшие къ корню, получали въ такихъ формахъ въ концѣ $\underline{a}$ слоговое ирраціональное вмѣсто $\underline{\bar{a}}$, и это слоговое ирраціональное $\underline{a}$ исчезало, сливаясь съ гласною полнаго образованія падежнаго суффикса. Въ косвенныхъ падежахъ, суффиксы которыхъ начинался съ согласной, мы находимъ въ древнеиндійскомъ языкѣ въ окончаніи основы $\underline{\bar{a}}$ съ удареніемъ на гласной основы. Какой видъ имѣли эти основы въ такихъ формахъ въ индоевроп. языкѣ, -опредѣлить трудно.

Индоевропейскія именныя основы на $\breve{i}$ и $\breve{u}$

Перехожу теперь къ склоненію (къ склоненію индоевроп. именныхъ основъ на $\underline{\breve{i}}$ и $\underline{\breve{u}}$, которыя я разсмотрю вмѣстѣ, такъ какъ образованіе формъ склоненія въ нихъ и другихъ основахъ однородно.

Индоевропейскія именныя основы на $\underline{\breve{i}}$ и $\underline{\breve{u}}$,

какъ и разсмотрѣнныя нами основы на ă°, имѣли болѣе одного слога; т. е. во всѣхъ основах на ĭ и ŭ, эти ĭ и ŭ принадлежали словообразовательному суффиксу, точно также какъ и въ основахъ на ă°, это ă° принадлежало, какъ мы видѣли, словообразов. суффиксу.

По формамъ грамматическаго рода основы на ĭ и ŭ были основами всѣхъ трехъ родовъ; причемъ основы мужескаго и женскаго рода не различались между собой по формамъ склоненія и по отношенію къ основамъ средняго рода являлись лишь основами рода не средняго.

Склоненіе индоевроп. именныхъ основъ на ĭ и ŭ средняго рода отличалось отъ склоненія индоевроп. именныхъ основъ на ă° средняго рода тѣмъ, что въ единственномъ числѣ именительный падежъ, употреблявшійся и въ значеніи винительнаго падежа, не получалъ здѣсь какого либо падежнаго суффикса, какъ и въ основахъ средняго рода на согласную, между тѣмъ какъ въ основахъ на ă° именительн.-винительный един. числа средняго рода, какъ мы видѣли, получалъ суффиксомъ звукъ m.

Суффиксы формъ склоненія именныхъ основ на ĭ и ŭ были вообще тѣ же, что и въ склоненіи разсмотрѣнныхъ основъ. Главное различіе заключается въ томъ, что падежные суффиксы, начинавшіеся съ ā, по большей части являлись здѣсь въ чистомъ видѣ, не стянутые здѣсь съ окончаніемъ основы, между тѣмъ какъ въ

основахъ на $\breve{a}^{o}$ и на $\breve{a}^{a}$, принадлежавшему словообразовательному суффиксу. такіе суффиксы, начинавшіеся съ ă, должны были сливать свою гласную съ гласной въ окончаніи основы ($\breve{a}^{o}$, $\breve{a}^{a}$).

Что касается самихъ гласныхъ ĭ и ŭ въ окончаніи этихъ основъ, то въ тѣхъ формахъ склоненія, гдѣ эти ĭ и ŭ находились въ положеніи безъ послѣдующей согласной, онѣ могли какъ сохраняться, такъ и замѣняться дифтонгами, - ĭ - дифт. $\breve{a}^{o}\breve{i}^{e}$, - ŭ - дифт. $\breve{a}^{o,e}\breve{u}$, причемъ ă въ этихъ дифтонгахъ было $\breve{a}^{e}$ тамъ, гдѣ дифтонгъ не приходился въ концѣ слова; а при положеніи въ конечномъ слогѣ ă въ дифт. ăŭ было $\breve{a}^{o}$, между тѣмъ какъ ă въ дифтонгѣ ăĭ и въ этомъ положеніи было, повидимому $\breve{a}^{e}$.

i̯ и u̯ въ окончаніи дифтонговъ передъ гласной падежнаго суффикса по извѣстному фонетическому закону должны были примыкать въ слоговомъ отношеніи къ послѣдующей гласной и переходило въ j и v, какъ скоро на слѣдующую за ними гласную не падало ударенія; а въ склоненіи этихъ именныхъ основъ, какъ и въ другихъ основахъ на гласную, имѣвшихъ болѣе одного слога, гласная падежнаго суффикса являлась всюду безъ ударенія, т. е. удареніе сохранялось на томъ или другомъ слогѣ основы. Чередованіе въ индоевропейскомъ языкѣ ĭ и ŭ съ дифтонгами ăĭ и ăŭ имѣло, какъ извѣстное фонетическое происхожденіе, хотя во мно-

тихъ случаяхъ фонетическія причины, вызывавшія это явленіе въ индоевроп. языкѣ [дѣйствіе ударенія], остаются скрытыми отъ насъ, вслѣдствіе измѣненія такихъ условій, послѣ того какъ они вызывали такое чередованіе, а часто, можетъ быть, вслѣдствіе вліянія аналогіи такихъ случаевъ, гдѣ это чередованіе имѣло фонетическое происхожденіе, на другіе случаи. Такъ и по отношенію къ склоненію именныхъ основъ на ĭ и ŭ условія, отъ которыхъ зависѣло чередованіе ĭ и ŭ съ дифтонгами ăi и ău въ индоевроп. языкѣ, остаются неясными, и изъ сопоставленія отдѣльныхъ индоевроп. языковъ можно даже заключить, что въ одной и той же основѣ на ĭ или на ŭ допускались какъ эти ĭ и ŭ, такъ и чередовавшіяся съ ними дифтонги ăi и ău съ ихъ измѣненіемъ въ положеніи передъ гласной.

Индоевропейскія именныя основы всѣхъ трехъ родовъ перешли и въ древнеиндійскій, греческій и латинскій языки, причемъ относительно греческаго языка надо замѣтить, что основы на ĭ средняго рода здѣсь были очень мало извѣстны. Относительно латинскаго языка надо замѣтить, что здѣсь склоненіе именныхъ осн. на ŭ совпало со склоненіемъ именныхъ основъ на согласную.

Въ старославянскомъ, и уже въ общеславянс. языкѣ именныя основы средняго рода на первоначальн. ĭ и ŭ; т. е. старославянскіе ь и ъ,

но также и основы на ъ (первонач. ӯ) женскаго рода не были извѣстны. Что же касается именныхъ основъ на ъ (ӯ) мужескаго рода, число которыхъ было незначительно въ старославянскомъ языкѣ, то вслѣдствіе того, что именительный единств. отъ такихъ основъ совпадалъ по формѣ съ именит. единств. отъ основъ на первонач. ă°, основы на первонач. ӯ, т. е. на старославянскій ъ, часто переходили въ склоненіе многочисленныхъ основъ на первонач. ă° (старослав. о), хотя съ другой стороны онѣ оказывали вліяніе своими падежными формами на склоненіе именныхъ основъ на первонач. ă°. Подобнымъ же образомъ основы на славян. ь (первонач. ĭ) мужескаго рода часто смѣшались въ старославянскомъ языкѣ съ основами на славянское е, послѣ мягкой согласной, то есть на первонач. ă°, мужескаго рода, вслѣдствіе того что именительный единственнаго отъ такихъ основъ оканчивался одинаково по фонетическимъ условіямъ.

Единственное число, именительный падежъ отъ основъ мужескаго и женскаго рода.

Въ индоевропейскомъ языкѣ этотъ падежъ оканчивался на ĭs, ūs. (см. выше о суффиксѣ s).

Отсюда въ древнеиндійскомъ языкѣ ĭs, ūs напр. отъ основы agnĭ (муж. р.) „огонь" именительный единствен. – agnĭs, отъ основы gati (женск. рода) „ходъ" – именит. единствен-

наго gatĭs; отъ основы sūnŭ (муж. рода) „сынъ" - sūnŭs, отъ основы dhenŭ (женск. рода) „корова" - dhenŭs.

Въ греческомъ языкѣ ĭs, ŭs, откуда далье ĭs (υς), напр. μαντῐς, πόλῐς, πῆχῠς, γένῠς ι и υ являлись въ этихъ ις и υς иногда долгими подъ вліяніемъ ī и ῡ въ окончаніи именительнаго единств. īs, ῡs отъ основъ на первонач. ī и ū.

Въ латинскомъ языкѣ индоевропейско оконча-нію ĭs, ŭs соотвѣтствуютъ -ĭs, ŭs напр. ignĭs, ovĭs, senatŭs, manŭs. Что касается основъ на первоначальное ĭ, то по фонетическому закону, о которомъ я говорилъ прежде, въ латинск. языкѣ изъ rĭs должно было получиться r, передъ которымъ, если предшествовала согласная, развивалось e, напр. imber, celer, acer. Въ классическомъ латинскомъ языкѣ эта форма прилагательныхъ на r съ основою на rĭ употреблялась въ именительномъ мужскаго рода, между тѣмъ какъ въ именит. женскаго рода вмѣсто такого окончанія, являлось оконча-ніе rĭs, но въ древнелатинскомъ языкѣ эта форма на r въ именит. единственнаго употребля-лась и въ значеніи именительнаго единст. жен-скаго рода, а съ другой стороны форма на rĭs, какъ въ древнелатинскомъ языкѣ, такъ часто и въ позднѣйшую эпоху употреблялась и, въ ка-чествѣ именит. единств. отъ основъ мужска-го рода, напр. acris. Эта латинская форма на ris не могла быть получена фонетически

ныя индоевропейской формы на ĭis, которая должна была дать въ латинскомъ языкѣ форму на ĭ, и образовалась можетъ быть, по аналогіи именит. единств. на is отъ другихъ основъ латинскаго третьяго склоненія. Что касается латинскихъ прилагательныхъ на aris, alis, то они имѣли повидимому нѣкогда основу на io, причемъ именительный единств. отъ такихъ въ мужескомъ родѣ долженъ былъ оканчиваться на is съ фонетическимъ измѣненіемъ ios.

Въ старославянскомъ языкѣ индоевропейскому окончанію ĭs соотвѣтствуетъ ь, а индоевропейскому ĭis - ь, напр. пѫть, гость, кость (жен. рода), сынъ (основъ на первонач. ŭ жен. рода не сохранилось).

Винительный единственнаго числа.

Индоевропейское окончаніе было ĭm, ŭm. Отсюда древнеиндійское ĭm, ŭm, напр. agnĭm, sūnŭm.

Въ греческомъ языкѣ индоевропейскому конечному m соотвѣтствуетъ n, поэтому окончаніемъ винит. единств. здѣсь было ĭn, ŭn (съ позднѣйшимъ измѣненіемъ въ iŋ) напр. πόλιν, γένυν; причемъ, какъ и въ именительномъ единственнаго эти ιν, υν иногда являлись съ ī и ū подъ вліяніемъ винительнаго единственнаго отъ основъ на первонач. ī и ū.

Въ латинскомъ языкѣ изъ индоевроп. ĭm, ŭm получилось ĭm, ŭm, напр. sitĭm, turrĭm;

но окончаніе *ѭ* въ винительномъ единственнаго удержалось лишь въ нѣкоторыхъ именахъ, между тѣмъ какъ въ другихъ замѣнилось окончаніемъ *ем* по аналогіи винительнаго единств. числа отъ основъ на согласную, гдѣ это окончаніе *ем* тождественно съ греческимъ *α* (*πόδα*) и получилось изъ индоевропейскаго сочетанія *-ə* ирраціональное неслоговое + слоговое *m* (къ основамъ на согласную *m*, суффиксъ падежа присоединялось не прямо, но при посредствѣ соединительной гласной ирраціональнаго слоговаго *ə*, которое въ положеніи передъ носовой безъ послѣдующей гласной становилось неслоговымъ, между тѣмъ какъ носовая въ такомъ положеніи обращалась въ слоговую).

Въ старославянскомъ языкѣ изъ индоевропейскихъ окончаній *ĭm*, *ŭm* фонетически должны были явиться *ь*, *ъ* (ирраціональныя *i* и *u*, утратившія носовое свойство еще въ общеславянскомъ языкѣ), напр. *пѫть*, *гость*, *сынъ*.

Именительный-винительный единственнаго ч. средняго рода

Именит.-винительный единств. числа средняго рода отъ такихъ основъ оканчивался въ индоевропейскомъ языкѣ на *ĭ* и *ŭ* безъ падежнаго суффикса, причемъ эти *ĭ* и *ŭ* въ этихъ формахъ не чередовались съ дифтонгами *ăi* и *ău*.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ отсюда *ĭ* и *ŭ*

напр. vacŭ, падмŭ.

Въ греческомъ языкѣ ĭ и ŭ (откуда ĭĭ) напр. ἴδρῐ, μεθῠ.

Въ латинскомъ языкѣ конечное первоначальное ĭ измѣнялось въ e потому напр. mare.

Именительный винительный единств. числа средняго рода отъ основъ на ŭ оканчивался въ латинскомъ языкѣ на ū, напр. cornū. Это ū образовалось, вѣроятно, изъ ŭe - съ присоединеніемъ къ основѣ того ĕ изъ ĭ, которое существовало напр. въ marĕ.

Родительный-отложительный единственнаго числа.

Индоевропейскимъ суффиксомъ этого падежа было ăs (ŏ-ĕ) - сравните греческое os (ὄπός) древне латинск. os, откуда далѣе us (родит. nominus) при славянскомъ e - (небесе). Какое качество имѣло это ă^{o-e} въ этомъ суффиксѣ родительнаго-отложительнаго въ склоненіи основъ на ĭ и ŭ, я не опредѣляю. Гласныя ĭ и ŭ въ окончаніи основы передъ этимъ суффиксомъ частью сохранялись какъ ĭ и ŭ, частью замѣнялись дифтонгами ăi и ău, причемъ форма родительнаго-отложительнаго оканчивалась на ăis (повидимому съ ă^e) и на ăus (съ ă^o), а эти ais, aus образовались, вѣроятно, путемъ стяженія изъ aias, auas, откуда также получились формы на ajas, avas извѣстныя изъ греческаго языка, и существовавшія, повидимому, и въ индоевропейскомъ язы-

ки при формахъ стянутыхъ на *aiś, auś.*

Въ древнеиндiйскомъ языкѣ въ санскритскомъ нарѣчiи родительный отложительный отъ такихъ основъ мужескаго и женскаго рода оканчивался на *ēs, ōs* изъ индоевропейскихъ *ais, aus;* напр. *agnes, sunōs.* Отъ основъ же средняго рода на *ĭ* и *ŭ* родительный-отложительный единственнаго числа въ санскритскомъ нарѣчiи оканчивался на *inas, unas;* напр. *vārinas, madhunas*, изъ индоевропейскаго окончанiя *i̯as, u̯as*, гдѣ *n* развилось не фонетическимъ путемъ, но подъ влiянiемъ аналогiи по крайней мѣрѣ одной такой формы, гдѣ *n* въ такомъ положенiи возникало фонетическимъ путемъ; такой формой была, можетъ быть форма творительнаго-социативнаго единственнаго числа отъ основъ на *ĭ* и *ŭ*. Въ ведiйскомъ нарѣчiи кромѣ такихъ образованiй родит.-отложительнаго на *es, os,* употреблявшихся въ этомъ нарѣчiи не только отъ основъ муж. и женскаго рода, но и средняго, существовали также формы на *ias*, откуда *yas* и *uas*, откуда *vas* (т. е. *u̯as*) изъ индоевроп. *ias, uas*, безъ *n* между конечной гласной основы и начальной гласной суффикса.

Въ греческомъ языкѣ родит. отложительный единственнаго отъ такихъ основъ оканчивался частью на *ios, uos* (*iios*), напр. *πόλιος, γένυος*, - частью же отъ основъ на *ι* - на *eos,* повидимому изъ *ejos* (надо замѣтить, что

исторія первоначальнаго j между гласными въ греческомъ языкѣ еще мало изслѣдована) и на ενος, откуда εος, отъ основъ на u, напр. πόλεος, πήχεος, ἄστεος. Гомеровская форма πόληος, аттич. πόλεως, изъ πόληος (съ перестановкой количества гласныхъ), остается неясной. Можетъ быть здѣсь, какъ думаетъ Іоганъ Шмидтъ, η перешла изъ формы греческаго дательнаго, первоначально мѣстнаго, падежа (πόληι), о которомъ я буду говорить далѣе. Въ аттическомъ діалектѣ извѣстны и такія формы, какъ πήχεως, отъ основъ на u, но эти формы несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія и вызваны вліяніемъ аналогіи такихъ формъ, какъ πόλεως.

Въ латинскомъ языкѣ, гдѣ какъ и въ другихъ древнеиталійскихъ нарѣчіяхъ, существовало различіе между формами родительнаго и отложительнаго падежей единств. числа въ склоненіи основъ на первоначальныя i и u, родительный отъ основъ на первонач. ĭ оканчивался на īs, а родит. отъ основъ на первонач. ŭ въ древнелатинскомъ имѣлъ форму на uos при формѣ на uis, а позже на ūs и на uus изъ uos.

Въ латин. формѣ родительнаго на īs отъ основъ на ĭ я вижу теперь фонетическое измѣненіе индоевроп. формы на ias, т. е. на īs въ латинскомъ языкѣ получилось изъ первонач. ias по тому же фонетическому закону, по

которому явилось ĭs изъ ias напр. въ alis.
Что же касается латин. формы родительнаго единств. числа отъ основъ на первонач. ŭ, то древнелатин. форма на uos (senatuos) вѣроятно представляетъ такое новообразованіе, какъ и форма на uis отъ этихъ же основъ, по аналогіи съ родительнымъ на os. is въ третьемъ склоненіи. Производить же форму на uos изъ первонач. формы на uas едва ли возможно, такъ какъ первонач. uas въ концѣ слова въ латинскомъ языкѣ не сохранилось бы какъ uos, вслѣдствіе того же закона, по которому изъ ios, ias являлось ĭs.

Изъ древнелатинской формы на uos обыкновенно объясняютъ форму на ūs, существовавшую въ классическомъ языкѣ, но такое объясненіе представляется сомнительнымъ; форму на древнелатинское uos мы находимъ и въ позднѣйшемъ латинскомъ языкѣ, съ измѣненіемъ uos въ ūs.

Форма отложительнаго единственнаго ч. отъ основъ на ĭ и ŭ оканчивалась въ древнелатинскомъ языкѣ на īd, ūd, откуда съ отпаденіемъ d - ī и ū.

Такъ какъ относительно формъ родительнаго-отлож. отъ именныхъ основъ не на ā° представляется вопросъ, были ли извѣстны такія образованія и въ индоевропейскомъ яз., то и происхожденіе латинскихъ īd и ūd можетъ допускать различныя объясненія; во вся-

комъ случаѣ нельзя думать, что и въ индоевроп. языкѣ были такія формы съ окончаніемъ на _ēd_ и _ōd_. Что касается латинской формы отложительнаго единственнаго на _ĕ_, какъ отъ основъ на _ĭ_, такъ и на согласную, то я думаю, что по происхожденію это форма мѣстнаго падежа отъ основъ на согласную и имѣетъ _ĕ_ изъ первонач. _ĭ_ въ концѣ слова, (сравн. греческое _ĭ_ въ греческомъ дательномъ - первоначально мѣстномъ падежѣ въ склоненіи основъ на согласную).

Въ старославянскомъ языкѣ родительный отложительный единств. числа отъ именныхъ основъ на первонач. _ĭ_ и _ŭ_ оканчивался на _и_ и _оу_, напр. _пѫти_, _кости_, _медоу_, _сыноу_ при формѣ _сына_ по аналогіи основъ на славянск. _ŏ_, первонач. _ă°_. Эти старославянскія _и_ и _оу_, т. е. общеславян. _ī_ и _ū_, образовались изъ индоевроп. окончаній _ais_, _aus_, т. е. соотвѣтствуютъ древнеиндійскимъ _ēs_ и _ōs_.

Дательный падежъ единственнаго числа

Индоевропейскимъ суффиксомъ дательнаго единств. числа былъ дифтонгъ _ăi_ повидимому съ _ă^e_, присоединявшійся въ склоненіи именныхъ основъ на _ĭ_ и _ŭ_ частью къ _ĭ_ и _ŭ_ въ окончаніи основы, частью же съ чередовавшимися съ ними дифтонгами _ăi_ и _ău_, причемъ въ послѣднемъ случаѣ получались формы на _ăjăi_ и _ăvăi_ (второе _ă_ было повидимому

ă *).

Въ древнеиндійскомъ языкѣ послѣднимъ образованіямъ соотвѣтствуютъ формы на ayē, avē, напр. agnayē, sūnavē, употреблявшіяся въ санскритскомъ нарѣчіи въ дательномъ един. числа отъ основъ на i и u мужескаго и женскаго рода, а въ ведійскомъ нарѣчіи, между прочимъ и отъ средняго рода. Въ санскритскомъ нарѣчіи и частію въ ведійскомъ дательный единст. отъ основъ средняго рода на i и u оканчивался на ine, -une, изъ индоевроп. iai, uai, съ тѣмъ же n (не фонетическаго происхожденія, какъ и въ родит. отлож. единств. числа отъ тѣхъ же основъ). Въ ведійскомъ нарѣчіи дательн. един. отъ основъ на ŭ неженскаго рода оканчивался иногда и на uē, ve (т. е. ue), изъ первонач. uāi.

Въ общеславян. и старославянскомъ языкахъ образованіе дательн. един. числа отъ основ на славянск. ъ, т. е. первонач. ŭ, тождественно съ древнеиндійскимъ образованіемъ на ave, т. е. восходитъ къ индоевроп. образованію на ăvăe, напр. старослав. сынови, гдѣ конечное и, общеславянское ī изъ индоевроп. дифтонга ăi, причемъ это и само по себѣ не опредѣляетъ качество ă въ индоевроп. дифтонгѣ ăi, а o получилось изъ e подъ вліяніемъ слѣдующаго в (сравн. такое же o изъ e передъ в въ славянск. новъ, греческомъ νέος).

Что касается старославянской формы да-

тельнаго един. числа отъ основъ на славянск. ь, т. е. первонач. ĭ, которая оканчивалась на и (общеслав. ī), напр. кости, пѫти, — что я думаю, что это образованіе восходитъ къ индоевроп. формѣ на iai, гдѣ суффиксъ дательнаго падежа присоединенъ къ ĭ въ окончаніи основы, а не къ чередовавшимуся съ нимъ дифтонгу ăĭ.

Въ греческомъ языкѣ индоевроп. форма дательнаго единств. числа въ склоненіи основъ на первонач. ĭ и ŭ исчезла и замѣнилась формой мѣстнаго падежа.

Въ латинскомъ языкѣ дательн. единств. числа отъ основъ на согласную и отъ основъ на первонач. ĭ оканчивался позже на ī, изъ древне-латинскаго дифтонга ei. По происхожденію эта форма можетъ быть дательнымъ падежемъ единств. числа отъ основъ на согласную, т. е. можетъ восходить къ индоевроп. формѣ на

Надо исправить слѣдующія ошибки:

Стр.	Строка	Написано	Надо читать
14	7 снизу	значеніе каждаго является	Значеніе каждаго слова является
29	9 сверх.	основою производнаго	основою производною
31	2 снизу	флективная основа	флексія основы
82	10 сверх.	въ различномъ порядкѣ	въ различномъ расположеніи, порядкѣ
84	8 "	сочетаніяхъ	словосочетаніяхъ

_ăi_. Древнелатинская форма дательн. единств. числа на _ei_ встрѣчается именно въ именахъ съ основою на согласную или въ такихъ именахъ съ основой на _i_ которыя смѣшались съ основами на согласную. Можетъ быть и индоевроп. форма дательнаго пад. на _iăi_ (e) отъ основъ на _i_ дала въ латинскомъ языкѣ въ результатѣ форму на _ī_ изъ _iei_. Дательный единств. числа отъ основ на первонач. _ŭ_ оканчивался въ латинскомъ языкѣ на _ui_, изъ древнелатин. _uei_; а также на _ū_. Это _ū_ можетъ быть получилось фонетически изъ древняго стяженія _uei_, т. е. это образованіе можетъ восходить къ индоевроп. образованію на _uăi_ (e), латинская же форма на _ui_ изъ _uei_, можетъ быть произошла позже подъ вліяніемъ аналогіи дательн. единств. числа въ третьемъ склоненіи (сравн. родит. единств. на _uis_ въ склоненіи такихъ основъ).

Творительный-соціативный единственнаго числа.

Для образованія творит. соціатив. единств. числа отъ основъ на _ĭ_ и _ŭ_ въ индоевроп. языкахъ существовали тѣже падежные суффиксы, о которыхъ я говорилъ прежде, причемъ передъ суффиксомъ _ān_ въ окончаніи этихъ основъ допускались вѣроятно какъ _ĭ_ и _ŭ_, такъ и чередовавшіеся съ ними дифтонги _ăi_ и _ău_, причемъ въ послѣднемъ случаѣ эти формы оканчивались на: _ăjān_, _ăvān_ (e).

Въ древнеиндійскомъ языкѣ въ склоненіи этихъ

основъ въ творит. социатив. единственнаго употреблялся только тотъ падежный суффиксъ, который восходилъ къ первонач. ān; при этомъ отъ основъ на ĭ и ŭ мужескаго и средняго рода здѣсь являлись въ окончаніи формы ĭnā, ŭnā напр. agninā. Можетъ быть здѣсь nā получилось фонетическимъ путемъ изъ первонач. ān въ положеніи въ конечномъ слогѣ послѣ гласной, т. е. слѣдовательно, - съ перестановкой долгой гласной и n долгаго, и въ такомъ случаѣ отсюда могло бы быть перенесено n въ такія формы, какъ родит. отложит., дательный и мѣстный един. числа отъ основъ средняго рода на i и u. [Сравн. также n въ древнеиндійскомъ творит. на ena отъ основъ на первонач. ă°, напр. tena, açvena, гдѣ однако, требуетъ объясненія краткость a].

Творит. социативный отъ основъ женскаго рода на ĭ и ŭ оканчивался въ древнеиндійскомъ яз. въ ведійскомъ нарѣчіи на iā, uā, откуда въ санскритѣ, а частью и въ ведійскомъ нарѣчіи yā, vā (т. е. i̯ā, u̯ā), напр. datyā, dhenvā. Эти образованія могли быть вызваны аналогіей творит. социатив. единств. числа отъ основ на стянутое ī, а такія основы и въ другихъ формахъ оказывали вліяніе въ древнеиндійскомъ яз. на склоненіе основъ на первонач. i и u женскаго рода.

Въ ведійскомъ нарѣчіи формы на iā, uā (откуда i̯ā, u̯ā) въ творит. социатив. встрѣчаются и отъ основъ на ĭ и ŭ мужескаго рода. Но

если формы на <u>ijā</u>, <u>uvā</u> образовались фонетическимъ путемъ, въ такомъ случаѣ эти формы на <u>iā</u> (<u>yā</u>), <u>uā</u> (<u>vā</u>) отъ основъ мужескаго рода оказались бы вызванными вліяніемъ аналогіи.

Въ общеславянскомъ и старослав. языкахъ въ творительномъ един. числа отъ основъ мужеск. и средняго рода исключительно употреблялся падежный суффиксъ <u>мь</u>. Поэтому въ творит. отъ основъ на <u>ъ</u>, которыя всѣ были основами мужескаго рода, и въ творит. отъ основъ на <u>ь</u> мужескаго рода,- мы находимъ лишь этотъ суффиксъ, напр. въ старослав. <u>сынъмь</u>, <u>пѫтьмь</u>. Творительный же отъ основъ женскаго рода въ общеслав. и старослав. языкахъ имѣлъ всюду тотъ падежный суффиксъ, который восходитъ къ первонач. <u>ān</u>, и творительный отъ основъ на <u>ь</u> жен. рода оканчивался въ старославянск. языкѣ на <u>иѭ</u> изъ общеслав. <u>ijǫ</u>, гдѣ <u>i</u> передъ <u>j</u> было вѣроятно среднимъ по количеству. Это старославян. окончаніе <u>иѭ</u> восходитъ вѣроятно къ индоевроп. <u>ăiān</u>, т. е. къ тому образованію, гдѣ передъ суффиксомъ <u>ān</u> являлся дифтонгъ <u>ăi</u>. Извѣстно, что <u>e</u> передъ <u>j</u> въ общеславянскомъ языкѣ не сохранялось какъ <u>e</u>, но переходило въ <u>i</u>, которое, какъ и всякое <u>i</u> въ положеніи передъ <u>j</u>, было вѣроятно среднимъ по количеству, и потому изъ <u>ăiān</u> должно было получиться въ общеславянскомъ <u>ijǫ</u> - старослав. <u>иѭ</u>.

Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ индо-

европ. форма творит. соціативнаго исчезла, и значеніе ея соединилось - въ греческомъ - съ формой дательнаго, въ латинскомъ языкѣ съ формой отложительнаго падежа.

Мѣстный падежъ единств. числа.

Въ индоевропейскомъ языкѣ суффиксъ мѣстнаго пад. единств. числа ĭ приставлялся какъ къ ĭ, ŭ въ окончаніи основы, причемъ два ĭ можетъ быть еще не сливались въ одно ī, - такъ и къ дифтонгамъ ăi и ău, причемъ въ послѣднемъ случаѣ эта форма оканчивалась на ăⁱi, ăᵘi.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ индоевроп. образованія на ii (или ī?) и ui мы находимъ въ формахъ на ini, uni въ мѣстномъ единств. отъ основъ средняго рода, съ тѣмъ древнеиндійскимъ n, о которомъ я говорилъ раньше, напр. vārini, madhuni. Въ ведійскомъ нарѣчіи являются рѣдкія формы мѣстнаго единств. числа на avi отъ основъ на ŭ муж. рода, напр. sūnavi, и повидимому также формы на ayi отъ основъ на ĭ изъ индоевроп. ăᵘi, ăⁱi; хотя обыкновенно въ древнеиндійскомъ языкѣ не только въ санскритѣ, но и въ ведійскомъ нарѣчіи въ мѣстномъ един. ч. отъ основъ на i и u не средняго рода являются другія образованія, о которыхъ я скажу далѣе.

Въ греческомъ языкѣ, гдѣ форма мѣстнаго един. въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ, получила и значеніе дательнаго падежа, изъ индоевроп. образованій мѣстнаго пад. на ii (или ī?), ui-

получились формы на ī. — πόλī и на ιι (съ позднѣйшимъ измѣненіемъ и въ ῐĭ) νέκυι; изъ индоевроп. же образованій на ăji, ăvi въ греческомъ языкѣ получились формы на ει, изъ eji, и на εϝι, εϊ, ει, ει напр. πόλει, ἀστεϊ, πήχει.

Въ латинскомъ языкѣ, гдѣ мѣстный един. совпалъ съ отложительнымъ, не сохранилось первоначальнаго образованія мѣстнаго единств. отъ основъ на первонач. ĭ и ŭ. Форма на ē въ старослав. мѣстномъ един. отъ основъ третьяго склоненія представляетъ по происхожденію повидимому форму мѣстнаго един. отъ основъ на согласную.

Въ старослав. языкѣ отъ основъ на ь мѣстный единств. оканчивался на и изъ общеслав. ī, напр. пѫти, кости. Это славян. и можетъ восходить къ индоевроп. ĭi или ī.

Кромѣ указанныхъ образованій мѣстнаго един. числа отъ основъ на ĭ и ŭ индоевроп. яз. въ склоненіи такихъ основъ представлялъ и другія образованія, остающіяся неясными.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ, въ санскритскомъ нарѣчіи, и по большей части въ ведійскомъ нарѣчіи, мѣстный единств. отъ основъ на ŭ мужескаго и женск. рода оканчивался на āu, напр. sūnāu. Съ этимъ древнеиндійскимъ au можетъ быть тождественно славянское оу въ мѣстномъ единств. отъ основъ на ъ, напр. сынѹ, такъ что для индоевроп. языка можно предположить окончаніе āu, причемъ происхожденіе

этого āᵉi остается неизвѣстнымъ.

По аналогіи съ этимъ āu въ мѣстномъ единств. числа отъ основъ на u, можно предположить окончаніе āi въ мѣстномъ един. отъ основ на первонач. ĭ, а такъ какъ извѣстно, что дифтонгъ āi вообще или при извѣстныхъ условіяхъ терялъ въ индоевропейскомъ яз. неслоговую часть, то изъ такого āi можно ждать одного āᵉ въ окончаніи этой формы. Къ этому āᵉ въ окончаніи мѣстнаго един. числа отъ основъ на ĭ. Іог. Шмидтъ возводитъ греческое ē (η) въ формѣ πόληϊ, предполагая, что ι перенесено сюда по аналогіи съ обыкновеннымъ окончаніемъ дательнаго-мѣстнымъ един. числа, и изъ этой то формы онъ объясняетъ появленіе η напр. въ родит. πόληος. Но другіе индоевроп. языки не представляютъ достаточно вѣрнаго соотвѣтствія въ данномъ случаѣ, и притомъ требуется разъяснить форму мѣстнаго един. числа въ древнеинд. языкѣ отъ основъ на ĭ мужскаго и женскаго рода, гдѣ она оканчивалась на āu, напр. agnāu; въ ведійскомъ нарѣчіи также и на ā, напр. agnā. при agnāu. Нѣтъ достаточнаго основанія предполагать, что форма на āu получилась здѣсь изъ формы на ā подъ вліяніемъ āu въ мѣстномъ един. отъ основъ на u. Соотвѣтствіе же санскритскаго конечнаго āu съ ведійскимъ ā при āu извѣстно и въ другихъ случаяхъ. Потому пока можно только предполагать, что греческія образованія на-

ī и древнеиндійскія формы на āи (ā) въ мѣстномъ един. числа отъ основъ на ĭ - какъ-то связаны между собой по происхожденію.

Звательная форма един. числа.

Звательная форма един. числа отъ именъ съ разсматриваемыми нами основами оканчивалась въ индоевроп. языкѣ какъ на ĭ и ŭ, так и на чередовавшіеся съ ними дифтонги ăi и ău, причемъ удареніе падало на первый слогъ основы. - Въ древнеиндійскомъ языкѣ, гдѣ сохранялось въ звательн. формѣ древнее мѣсто ударенія, эта форма оканчивалась въ именахъ съ основою на ĭ и ŭ муж. и жен. рода, - на e и o (изъ индоевроп. дифтонговъ ăi и ău, напр. agnē, sūnō, а въ среднемъ родѣ - частью на ē и ō, частью на ĭ и ŭ. - Въ греческомъ языкѣ эта форма отъ разсматриваемыхъ основъ оканчивалась на ĭ и ŭ (откуда далѣе ιυ) изъ индоевроп. ĭ и ŭ, напр. πόλι, γλυκύ. - Въ старославянскомъ языкѣ звательная форма отъ основъ на ь оканчивалась на и (общеслав. ī) изъ индоевроп. дифтонга ăi, напр. пѫти, а отъ основъ на ъ - на оу (общеслав. ū) изъ индоевроп. дифтонга ău, напр. сыноу, т. е соотвѣтствуетъ древнеинд. формамъ на e и o.

Множественное число.

Именительный пад. отъ основъ на i и u мужескаго и женскаго рода. Суффиксъ именител. множественнаго ăs присоединялся въ индоевропейскомъ языкѣ какъ къ i и u въ оконча-

ній основъ, такъ и къ замѣнявшимъ ихъ диф-
тонгамъ ai и au, при чемъ въ послѣднемъ слу-
чаѣ получались формы на ăjaš, ăvaš. Кромѣ
того можетъ быть существовали въ индоевроп.
языкѣ и формы на īs, ūs. Въ древнеиндійск.
языкѣ въ санскритскомъ нарѣчіи именит. мно-
жес. ч. отъ основъ на i и u мужескаго и женск.
рода оканчивался на ayas, avas, изъ индоевр.
ăjaš, ăvaš, напр. agnayas, datayas, sūnavas,
dhenavas; въ ведійскомъ же нарѣчіи кромѣ
того были извѣстны образованія на uas, vas
(т. е. ūas) отъ основъ на u муж. и жен. рода
и на īs отъ основъ на i жен. рода, при чемъ по-
слѣднее образованіе можетъ быть объяснено
вліяніемъ аналогіи со стороны именит. множ.
отъ основъ жен. рода на ī стянутое. Въ грече-
скомъ языкѣ именит. множ. отъ основъ на
первонач. i муж. и жен. рода оканчивался как
на ιες, напр. πόλιες (у Геродота и у Гомера),
изъ индоевроп. ĭaš, такъ и на εες, откуда ат-
тическое εις, напр. πόλεις изъ индоевроп. ăjaš;
что касается η въ гомер. πόληες, то она должна
объясняться такъ же, какъ и въ родит. πόληος.
Именит. множ. отъ основъ на первонач. u муж.
и жен. рода оканчивался въ греческомъ языкѣ
какъ на υες, ϝες изъ индоевроп. ŭaš, напр.
βότρυες, такъ и на εϝες, откуда εες, аттичес-
кое εις, изъ индоевроп. ăvaš, напр. πήχεες, πή-
χεις. – Въ латинскомъ языкѣ es въ окончаніи
именит. множ. отъ основъ на первонач. i муж.

и жен. р. напр. въ ovēs, произошло изъ индоевр. ajas, и было перенесено здѣсь и въ именит. множ. отъ основъ на первоначальную согласную. Кромѣ такого образованія латинскій языкъ имѣлъ и форму на īs (писалось и eis) въ имен. множ. отъ основъ муж. и жен. рода третьяго склоненія; и этой латинской формѣ на īs вполнѣ соотвѣтствуетъ въ языкѣ Осковъ форма на is въ именит. множ. отъ основъ на i; сравн. старослав. форму на и, напр. кости, въ именит. множ. отъ основъ на ь жен: рода. Можетъ быть, какъ я говорилъ, и въ индоевроп. языкѣ существовала, между прочимъ форма на īs въ именит. множ. отъ основъ на ĭ муж. и жен. рода. Именит. множ. отъ основъ на первонач. и муж. и жен. рода оканчивался въ латинскомъ языкѣ на ūs, напр. fructūs; это us по образованію можетъ быть аналогично съ īs въ именит. множ. отъ основъ на i. - Въ общеславян. и старославянскомъ именит. множ. отъ основъ на первонач. i, славянское ь; мужской и жен. родъ различался по формамъ рода, а именно-именит. множ. отъ основъ на ь муж. рода оканчивался въ общеслав. языкѣ на ije (гдѣ i перед j, какъ и всякое i въ такомъ положеніи, было вѣроятно среднимъ по количеству), откуда старослав. ие, напр. въ пѫтие, а именит. множ. отъ основъ на ь жен. рода имѣлъ въ окончаніи общеслав. ī, откуда старослав. и, напр. въ кости. Славянское ие, напр. въ пѫтие

произошло изъ индоевроп. $a^e ja^e s$ (о въ общеслав. ŭj изъ ej см. выше), а славян. и, напр. въ кости тождественно съ литовскимъ is въ именит. множ. отъ основъ на ĭ муж. и жен. рода, а также и съ латин. īs въ соотвѣтственной формѣ. Именит. множ. отъ основъ на славян. ъ изъ первонач. и муж. рода (основы на первонач. и жен. рода въ славянскомъ не сохранились) оканчивался въ общеслав. на ove, откуда и старослав. -ове, напр. въ сынове; это ове произошло изъ индоевроп. $a^e va^e s$ (о славянс. о вмѣсто е въ положеніи передъ в см. выше).

Винительный множ. числа отъ основъ на ĭ и ŭ муж. и жен. рода.

Въ индоевроп. языкѣ винит. множ. отъ разсматриваемыхъ основъ оканчивался на ins, uns (суффиксъ ns падежа см. выше). Въ древнеиндійскомъ языкѣ отсюда фонетически получались īn, ūn (сравн. ān въ древнеиндійск. окончаніи винит. множ. отъ основъ на индоевр. a^o), но эти īn, ūn являлись здѣсь лишь въ винит. множ. отъ основъ муж. рода на i и u, напр. agnīn, sūnūn, между тѣмъ какъ винит. множ. отъ основъ на i и u женскаго рода оканчивался здѣсь на īs, ūs, напр. gatīs, dhenūs, по аналогіи съ винит. множ. отъ основъ женскаго рода на ā и стянутое ī, гдѣ ās, īs въ винит. множ. фонетически изъ -āns, īns. Въ греческомъ языкѣ изъ индоевроп. ins, uns - въ винит. множ. фонетически получились въ діалектах

īs, ūs, напр. πολῑς (у Геродота), γένῡς (у Гомера). Кромѣ того въ греческомъ языкѣ употреблялся также въ винит. множ. отъ разсматриваемыхъ основъ суффиксъ ας, перенесенный изъ винит. множ. отъ основъ на неслоговой звукъ, гдѣ ας восходитъ къ индоевроп. сочетанію „неслоговое ирраціональное a + ns съ слоговымъ n". Такъ явились формы напр. у Гомера πόλιας, νέκυας, πατρας, γλυκέας. Къ новообразованіямъ принадлежатъ и аттическія формы на εις въ винит. множ. отъ основъ на первонач. i и u мужск. и женскаго рода, напр. πόλεις, πήχεις. — Въ латинскомъ изъ индоевр. ins и uns въ винит. множ. отъ основъ на i и u муж. и жен. рода фонетически получились īs и ūs (сравн. ōs изъ ons въ винит. множ. отъ основъ на первон. a°), напр. ovīs, fructūs, но въ винит. множ. отъ основъ на первонач. i муж. и жен. рода кромѣ формы на īs существовала въ латинскомъ языкѣ другая, болѣе употребительная форма на ēs, напр. ovēs, заимствованная изъ склоненія основъ на первоначальную согласную; это латинск. ēs (= греч. ας) восходитъ къ индоевроп. сочетанію „неслоговое ирраціональное a + ns съ слоговымъ n" въ винит. множ. отъ основъ на согласную. Въ общеславянскомъ языкѣ винит. множ. отъ основъ на ь и ъ изъ первонач. i и u оканчивался на ī и ы, отсюда старославянск: и и ы, напр. пѫти, кости, сыны; эти и и ы произошли въ общесл[illegible] [illegible]скомъ изъ-

средственно изъ ī и ы̄ носовыхъ, которыя въ свою очередь образовались изъ ь и ъ носовыхъ вслѣдствіе удлиненія ихъ передъ s безъ послѣдующей гласной.

Именительный-винительный множ. числа средняго рода отъ основъ на і и u.

Укажу здѣсь на образованія отдѣльныхъ индоевроп. языковъ. Въ древнеиндійскомъ языкѣ въ ведійскомъ нарѣчіи эта форма оканчивалась частію на ī и ū, при которыхъ извѣстны были также ĭ и ŭ, частію же на īni, ūni, а въ санскритскомъ нарѣчіи исключительно употреблялось лишь послѣднее образованіе, на īni, ūni, напр. vārīni, madhūni. Отношеніе древнеиндійскихъ формъ на īni, ūni къ формамъ на ī, ū таково же, какъ и между древнеиндійскими формами на ā (въ ведійск. нарѣчіи) и на āni (въ санскритскомъ нарѣчіи и частію въ ведійскомъ) въ именит. винит. множ. числа средняго рода отъ основъ на первонач. a° (см. выше), т. е. въ формахъ на īni, ūni присоединено, повидимому, позднѣйшее ni къ древнимъ формамъ на ī, ū; формы же на ĭ, ŭ произошли можетъ быть изъ индоевроп. формъ на ī, ū, стянутыя изъ iā°, uā°, гдѣ суффиксомъ падежа было ā° (см. выше). - Въ греческомъ языкѣ именит. винит. множ. числа средняго рода отъ основъ на первонач. ĭ оканчивался на ια, напр. ἴδρια, τρία, и отношеніе этого греческаго ια къ древнеиндійскому ī напр.

въ τρία = древнеиндійск. ведійск. trī можетъ быть однородно съ отношеніемъ нѣкогда существовавшаго въ общеславян. языкѣ ia въ конечномъ слогѣ къ древнеиндійскому, общеславян, латинскому (литовскому и готскому) i въ имени. единств. числа такихъ именъ какъ πότνια = др.инд. patnī, φέρουσα изъ φεροντια = др.инд. bharantī, старослав. берѫщи (см. выше); т. е. греческое ια въ τρία можетъ восходить къ индоевроп. нестянутому iaª съ той долгой aª, которую я называю прерывистой и которая въ греческомъ языкѣ подвергалась сокращенію въ конечномъ слогѣ (сравн. τριάκοντα при τρία). Греческое α такого же происхожденія находимъ и въ окончаніи именит. винительнаго множ. средняго рода отъ основъ на первонач. u, напр. въ формахъ ἄστεα, γλυκέα изъ ἄστεϝα, γλυκέϝα, гдѣ въ окончаніи основы является u изъ дифтонга, чередовавшагося съ первонач. u. – Въ латинскомъ языкѣ имен. винит. множ. ч. средняго рода отъ основъ на i и u оканчивался на ia, ua, гдѣ a изъ ā, напр. maria, cornua; эти формы не указываютъ непремѣнно на то, что латинск. языкъ получилъ въ данномъ случаѣ изъ индоевроп. языка нестянутыя -iaª, uaª, но онѣ могли явиться позже подъ вліяніемъ аналогіи именит. винит. множ. средняго рода на ā, откуда a, отъ основъ на согласную.

Родительный пад. множ. числа.

Суффиксъ родит. множ. *ām* присоединялся въ индоевроп. языкѣ какъ къ *i* и *u* въ оконча-ніи основы, такъ и къ чередовавшимся съ ними дифт. *ai*, *au*, причемъ получались формы на *ajām*, *avām* (с *e* над *a*). Въ греческомъ языкѣ сохранились оба образованія, напр. *πολίων*, *δακρύων* и *πόλεων* (гдѣ *εων* изъ индоевроп. *ajām*), *γλυκέων* (изъ *γλυκεϝων*). -- Въ латинскомъ языкѣ родит. множ. на *ium*, изъ *iom* (гдѣ *ŏ* изъ *ō* еще въ прала-тинск. языкѣ, см. выше) отъ основъ на *i*, напр. *ovium*, и на *uom*, *uum* отъ основъ на *u*, напр. *fructuom*, *fructuum*, можетъ восходить какъ къ индоевроп. образованіямъ на *iām*, *uām*, такъ и къ образованіямъ на *ajām*, *avām* (сравн. ла-тинское *uo* изъ *evo*, откуда *ovo*, напр. въ основѣ *suo*, *suus*, изъ *sevo*, *sovo* = греч. *ἑo* въ *ἑός*). Въ общеславянскомъ языкѣ индоевроп. *ajām*, *avām* въ родит. множ. отъ основъ на первонач. *i* и *u* фонетически измѣнились въ *ijь* (съ *i* вѣроятно среднимъ по количеству), -*ovъ*, откуда и ста-рослав. *ии* (второе *и* изъ общеслав. *jь*), -*овъ*, напр. въ *пѫтии*, *костии*, *сыновъ*. -

Въ древнеиндійскомъ яз. индоевроп. образованія родит. множ. отъ основъ на *i* и *u* замѣни-лись формами на *īnām*, *ūnām*, напр. *agnī-nām*, *sūnūnām*; сравн. др.-индійск. *ānām* въ родит. множ. отъ основъ на первонач. *a°* и *ā°*.

Дательный-отложит. множ. числа.

О падежныхъ суффиксахъ индоевроп. языка см. выше. Въ древнеиндійс. языкѣ дательн.-отло-

жит. множ. отъ основъ на i и u оканчивался на ibhyas, -ubhyas напр. agnibhyas, sunubhyas и въ ведійскомъ нарѣчіи въ склоненіи разсматриваемыхъ основъ этотъ суффиксъ почти всегда читается bhyas не bhias. Въ латинскомъ языкѣ дательн. отложит. (по значенію и творит. соціативн. а также и мѣстный) отъ основъ на i оканчивался на ībos, ībus, напр. ovibus, а отъ основъ на u-на ubos, ubus, при ībos, -ībus, напр. въ классическомъ латинск. языкѣ acubus при fructibus. Появленіе i вмѣсто u въ такихъ формахъ, какъ fructibus объясняется тѣмъ, что неударяемое u въ положеніи передъ губною согласною измѣнялось въ латинскомъ языкѣ въ направленіи къ i, причемъ въ классическомъ латин. языкѣ эта гласная почти или вполнѣ совпадала съ i и писалась i но въ положеніи послѣ c (к) и g она болѣе отличалась отъ i и съ теченіемъ времени совпала съ u; поэтому acubus, specubus (сравн. u въ documentum) а подъ вліяніемъ такихъ случаевъ стало иногда являться ubus, вмѣсто ibus, и въ нѣкоторыхъ другихъ именахъ съ основою на is, напр artubus (для отличія отъ artibus, отъ ars?). Въ старослав. языкѣ дательн. множ. отъ основъ на ь оканчивался на ьмъ, напр. пѫтьмъ, костьмъ, а дательн. множ. отъ основъ на ъ долженъ бы былъ оканчиваться на ъмъ, но такая форма не встрѣчается въ текстахъ; дательн. сынмъ имѣетъ

омъ, по аналогіи дательн. множ. отъ основъ на индоевроп. а°.

Творительный-соціативный множ. ч.

О падежныхъ суффиксахъ др. индійск. bhis, старославян. ми см. выше. Напр. древнеиндійск. agnibhis, sūnubhis; старославян. пжтьми, сынъми.

Мѣстный множественнаго числа.

Индоевроп. падежный суффиксъ su (см. выше). въ древнеиндійскомъ языкѣ въ положеніи послѣ i и u долженъ былъ являться въ видѣ ṣu; поэтому напр. agniṣu, sunuṣu. Въ старославян. языкѣ этимъ древнеиндійск. формамъ вполнѣ соотвѣтствуютъ формы на ьхъ, ѣхъ, напр. пжтьхъ, домъхъ. Въ греческомъ языкѣ находим падежный суффиксъ -σσιν, σιν съ подвижным ν (см. выше), приставлявшійся какъ къ ι и υ (древнее u) въ окончаніи основы, такъ и къ ε, извлеченному изъ другихъ падежныхъ формъ, гдѣ передъ гласною падежнаго суффикса существовали нѣкогда ε изъ ej, и εϜ, ε изъ дифтонговъ, чередовавшихся съ первонач. i и u въ окончаніи основы. Напр. οἶσι(ν), изъ ὄϜισι(ν), πολεσι(ν); γένυσσι(ν) у Гомера, πήχεσι(ν). Гомеровскія формы на ιεσσι(ν), -υεσσι(ν), -εεσσι(ν), напр. πολίεσσι(ν), представляютъ новообразованія, гдѣ εσσι(ν) извлечено повидимому, изъ склоненія основъ на es (напр. въ ἔπεσσιν).

Звательная форма множеств. числа.

Въ древнеиндійскомъ языкѣ и здѣсь звательн-

нымъ форма сохраняла удареніе на первомъ слогѣ основы.

Двойственное число.

Именительный винительный падежъ отъ основъ на i и u мужескаго и женскаго рода.

Въ индоевроп. языкѣ въ окончаніи этой формы были извѣстны ī и ū стянутыя повидимому изъ iaᵉ, uaᵉ (aᵉ суффиксъ падежа), хотя при этомъ существовали (въ діалектахъ) и нестянутыя -iaᵉ uaᵉ. Въ древнеиндійскій языкъ перешли индоевроп. формы на ī и ū, напр. древнеиндійск. agnī, gatī, sūnū, dhenū. Точно такъ же и общеславянскій яз. получилъ формы на индоевроп. ī и ū (общеслав.) ы, а отсюда и старослав. формы на и и ы, напр. пѫти, кости, сыны. - Въ греческій же языкъ перешли индоевроп. образованія на iaᵉ, uaᵉ, напр. въ греческ. πόριε, γέννε, при πόλεε, πήχεε, гдѣ ε въ окончаніи основы изъ ej, eF.

Именительный-винит. средняго рода.

Въ индоевропейскомъ языкѣ эта форма оканчивалась, вѣроятно на ū (или ī ?) отъ основы на i и на uī отъ основъ на u (о суффиксѣ падежа ī см. выше). Въ др.индійск. языкѣ въ санскритскомъ нарѣчіи эта форма оканчивалась на inī, unī, напр. varinī, madhunī, съ тѣмъ n не фонетическаго происхожденія, о которомъ я говорилъ прежде, въ ведійскомъ же нарѣчіи были извѣстны при этомъ и образованія на ī (при ĭ) отъ основъ на i и на uī, откуда vī.

Лекц. сравн. языковѣд.

(т. е. на ū), отъ основъ на u. Въ греческомъ языкѣ именит.-винит. двойствен. средняго рода отъ основъ на первонач. i и u получилъ форму именит.-винит. двойствен. ч. отъ основъ на i и u несредняго рода; также и въ склоненіи другихъ основъ индоевроп. образованіе именит.-винит. двойствен. ч. средняго рода въ греческомъ языкѣ было утрачено (сравн. выше). Аттическое ἄστη въ значеніи именит.-винит. двойств. ч. есть по происхожденію именит.-винит. множ. числа.

Родительный-мѣстный двойств. числа.

Въ индоевроп. языкѣ падежный суфф. aus (съ a несмѣнявшимся къ e), присоединялся, вѣроятно, какъ къ i и u въ окончаніи основы, такъ и къ заканчивавшимся дифтонгамъ. Изъ др. индійскаго яз. извѣстны лишь образованія перваго рода на yos, vos (въ Ведахъ также на ios, uos) отъ основъ муж. и женск. рода, напр. avyos, dhenvos; имена же съ основами на i и u средняго рода оканчиваются въ древнеиндійск. яз. въ родит.-мѣстномъ двойств. ч. на inos, unos, съ тѣмъ n, о которомъ я говорилъ прежде, напр.: vārinos, madhunos. — Въ старославян. яз. индоевроп. родит.-мѣстн. двойств. отъ основъ на первонач. i, славянск. ь, оканчивается на -ью, напр. пѫтью, гдѣ ью, общеслав. ьjū, представляетъ суфф. падежа присоединенный къ основѣ на первонач. дифтонгъ, чередовавшійся съ i въ окончаніи основы (индоевроп. ăjaus); подобнымъ же образомъ родит.-мѣстн. двойств. ч. отъ основъ на индоевроп. u, славянск. ъ оканчиваясь въ старославян. языкѣ на овоу, напр. сыновоу, гдѣ овоу, общеслав. -ovū, можетъ восходить къ индоевроп.

a͞vaus, т. е. и здѣсь суфф. падежа приставленъ къ осно
въ на дифтонгъ.

Дательн. отложит. творит. социат. двойств. ч.

О падежныхъ суфф. др. индійскихъ - bhyām, ст. слав.
ма см. выше. Напр. др. индск. agnibhyām, sunubhyām;
ст. слав. пѫтьма, пальма. - Въ греч. языкѣ аттич.
формы на ιοιν, εοιν; υοιν, εοιν представляютъ ново-
образованія по аналогіи соотвѣтственной формы
отъ основъ на греч. о, индоевроп. а°.

Звательная форма двойств. ч. Въ др. индійск. яз.
и здѣсь звательн. форма сохраняла удареніе на первом
слогѣ основы.

Кромѣ этихъ именныхъ основъ, склоненіе которыхъ
мы разсмотрѣли, индоевроп. языкъ имѣлъ также
имен. основы на ī (отличавшееся по происхожд. отъ
того стянутаго ī, о кот. я говорилъ прежде) и ū, на
дифтонги и на согласныя. Индоевроп. имен. основы
на ī и ū, мужск. и жен. рода, сохранялись въ др. индск.
яз; въ греческомъ онѣ частію смѣшивались съ осно-
вами на первонач. ĭ и ŭ; въ общ. слав. и стар. славян.
языки перешли лишь основы на ū (не на ī) жен. рода,
откуда общслав. ъı, ст. слав. ъı (напр. въ любъı), при
чемъ въ образованіи многихъ формъ склоненія въ сер.
рослав. языкѣ такія основы переходили въ основы
на ъвь, ъва (гдѣ ъв изъ индоевроп. uu, получавша-
гося изъ u въ положеніи передъ гласной). Индоевроп.
именныя основы на дифтонгъ, муж. и жен рода,
были именно основами на āi и āu, съ ā того или
другаго качества; причемъ ~~на~~ краиней мѣрѣ въ
нѣкоторыхъ изъ односложныхъ основъ на āu, это

āu чередовалось въ склоненіи съ ău. Индоевропейскія односложныя основы на āu извѣстны изъ древне-индійскаго, греческаго и латинскаго языковъ; напр. такая основа заключается въ др. индійскомъ gāus, именит. пад., „быкъ, корова" (изъ индоевроп. gāus), тождественномъ съ греческимъ βους (гдѣ ους фонетически изъ ōus); латинск. bōs (гдѣ ō изъ ōu). Односложная основа на āi, именно на $\overset{e}{\bar{a}}i$, являющаяся въ древнеиндійскомъ rās, именит. падежа „имущество, богатство", латинск. rēs, утратила неслоговое i еще въ индоевроп. языкѣ. Индоевропейскія многосложныя основы на āu являются въ греческихъ именахъ на ευς (фонетически изъ ēus, индоевроп. āus). Индоевропейскія именныя основы на согласную были всѣхъ трехъ родовъ, мужескаго, женскаго и средняго рода и перешли въ древнеиндійскій, греческій, латинскій (гдѣ онѣ совпали въ склоненіи съ основами на i) и старославянскій языкъ (гдѣ въ образованіи извѣстныхъ падежныхъ формъ онѣ перешли въ основы на гласную).

Надо исправить слѣдующія ошибки:

Стран.	Стр.	Написано	Надо читать
132	12 сн.	переходную	непереходную
203	11 „	πεμπτός	πέμπτος
304	3 „	ἔπεσσυ	ἔπεσσιν